

ВЕСТНИК ПОЛИТОЛОГИИ

BULLETIN OF POLITICAL SCIENCE

Выпуск

1

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
Институт социологии

ВЕСТНИК

ПОЛИТОЛОГИИ

BULLETIN

OF POLITICAL SCIENCE

Сборник научных статей

Основан в 2025 году

Collection of Scientific Articles

Founded in 2025

ВЫПУСК

ISSUE

1

Минск
«Беларуская навука»
2025

УДК 32-027.21(082)

В первом выпуске научного издания «Вестник политологии», посвященного актуальным вопросам политической науки, представлены статьи белорусских и зарубежных авторов, охватывающие широкий спектр тем: от теории и философии политики, истории и методологии политической науки до анализа политических институтов, процессов и технологий, а также проблем международных отношений, глобального и регионального развития.

Издание рассчитано на профессиональных политологов, студентов, магистрантов, аспирантов, а также на читательскую аудиторию, заинтересованную в поиске ответов на вызовы современного общества.

The first issue of the scientific publication “Bulletin of Political Science”, devoted to topical issues of political science, presents articles by Belarusian and foreign authors covering a wide range of topics: from theory and philosophy of politics, history and methodology of political science to analysis of political institutions, processes and technologies, as well as problems of international relations, global and regional development.

The publication is intended for professional political scientists, students, undergraduates, postgraduates, as well as for a readership interested in finding answers to the challenges of modern society.

Рекомендовано

Ученым советом ГНУ «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси»,
протокол № 6 от 27.06.2025 г.

Редакционная коллегия:

Н. Л. Мысливец (главный редактор),

В. Н. Ватыль (зам. главного редактора), Б. И. Шумская (отв. секретарь),
С. М. Алейникова, Н. А. Антанович, А. О. Боева, Н. Е. Бузин, О. Г. Буховец, Н. Ю. Веремеев,
А. В. Войтеховский, В. А. Гуторов, С. В. Зенченко, Н. Н. Левчук, А. И. Маркевич, В. А. Мельник,
В. С. Михайловский, Д. А. Роговцов, И. С. Семененко, Н. Н. Сухотский, С. В. Хамутовская,
А. А. Ширинянец

Рецензенты:

доктор политических наук, профессор Л. Е. Земляков,
кандидат исторических наук, доцент О. Г. Казак

ISBN 978-985-08-3369-3

© ГНУ «Институт социологии
НАН Беларуси», 2025

© Оформление. РУП «Издательский дом
«Беларуская навука», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Колонка главного редактора (Н. Л. Мысливец)	5
--	---

ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

<i>Михайловский В. С.</i> Синергетика вчера, сегодня, завтра	7
<i>Семененко И. С.</i> Идентичность в фокусе политического анализа.	19
<i>Свиридов А. В.</i> Социокультурные основания представительной демократии.	29
<i>Глушакова Е. А.</i> Эвристический потенциал применения концепции метамодернизма в политической науке.	35

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

<i>Алейникова С. М.</i> «Войны памяти» как политическая технология: цели, функции, бенефициары.	43
<i>Бабосов Е. М.</i> Самобытность развития и функционирования политической системы суверенной Беларуси	52
<i>Ватиль В. Н.</i> Политическая и избирательная системы как сущностные характеристики устойчивого государственного развития Республики Беларусь	62
<i>Веремеев Н. Ю.</i> Измерение неопределенности: к проблеме анализа политических рисков	69
<i>Зенченко С. В.</i> Регулирование учебной миграции в контексте формирования селективной модели государственной миграционной политики Республики Беларусь.	79
<i>Маркевич А. И.</i> Укрепление народовластия как концепт развития Беларуси: направления совершенствования	91
<i>Мельник В. А.</i> К вопросу о гражданском обществе	100
<i>Татищев Н. С.</i> О некоторых аспектах Директивы Президента Республики Беларусь № 12 «О реализации основ идеологии белорусского государства» в контексте глобальной трансформации.	108
<i>Шендик Т. А.</i> Цивилизационный контекст партийного строительства	115

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

<i>Ревенко В. В.</i> Современная политологическая характеристика западной дипломатии.	128
<i>Шумская Б. И.</i> Международное противодействие кибертерроризму в США, Германии, Китае и Финляндии.	137

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Обзор круглого стола «Эпоха искусственного интеллекта в политике и управлении» (Н. Ю. Веремеев).	147
--	-----

Правила оформления статей	152
--	-----

CONTENT

Editor-in-Chief's Column (<i>N. Myslivets</i>)	5
---	---

THEORY AND PHILOSOPHY OF POLITICS, HISTORY AND METHODOLOGY OF POLITICAL SCIENCE

<i>Mikhailovsky V.</i> Synergies yesterday, today, tomorrow	7
<i>Semenenko I.</i> Identity in focus of political analysis	19
<i>Sviridov A.</i> Socio-cultural foundations of representative democracy.	29
<i>Glushakova E.</i> Heuristic potential of applying the concept of metamodernism in political science.	35

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, AND TECHNOLOGIES

<i>Aleynikova S.</i> "Memory Wars" as a political technology: goals, functions, beneficiaries.	43
<i>Babosov E.</i> The originality of the development and functioning of the political system of sovereign Belarus.	52
<i>Vatyl V.</i> The political and electoral systems as essential characteristics of sustainable state development in the Republic of Belarus	62
<i>Veremeev N.</i> Measuring uncertainty: towards the problem of political risk analysis	69
<i>Zenchenko S.</i> Regulation of educational migration in the context of the formation of a selective model of state migration policy of the Republic of Belarus	79
<i>Markevich A.</i> Strengthening people's power as a concept of Belarus's development: directions for improvement.	91
<i>Melnik V.</i> To the question of civil society	100
<i>Tatishchev N.</i> On certain aspects of Directive no. 12 of the President of the Republic of Belarus "On the Implementation of the Fundamentals of the Ideology of the Belarusian State" in the context of global transformation	108
<i>Shendik T.</i> The civilizational context of party building	115

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

<i>Revenko V.</i> Contemporary political science characteristics of western diplomacy	128
<i>Shumskaya B.</i> International counteraction to cyberterrorism in the USA, Germany, China and Finland.	137

SCIENTIFIC LIFE

Review of the Round table "The Age of Artificial Intelligence in Politics and Management" (<i>N. Veremeev</i>)	147
Rules for the design of articles	152

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели и коллеги!

Представляем вашему вниманию первый выпуск научного издания «Вестник политологии».

Современный мир стремительно меняется. Беспрецедентность цивилизационных вызовов требует грамотного и вдумчивого подхода к оценке складывающейся качественно новой ситуации и выработки соответствующих стратегий дальнейшего развития, объединения интеллектуальных усилий научного и экспертного сообществ в поиске ответов на актуальные вопросы современности и их обязательного осмысления с позиций права и морали.

В настоящее время политическая наука занимает особое место в системе общественных наук, выступая не только важным инструментом анализа политических институтов и процессов, но и непосредственным источником принятия обоснованных решений в сфере государственного управления и общественного развития. Особую актуальность в последние годы приобрели ее прогностическая и прикладная функции. Первая на основе систематического анализа позволяет формулировать обоснованные предвидения будущих сценариев развития, потенциальных рисков и возможностей. Вторая реализуется через непосредственное использование политологического знания для разработки и оценки эффективности политических стратегий и решений, направленных на урегулирование конкретных социально-политических проблем и оптимизацию общественного развития. Их взаимосвязь характеризуется использованием прогностических оценок как основы прикладных решений, результаты которых верифицируют и уточняют прогностические модели.

Белорусская политическая наука обладает значительным эвристическим потенциалом, мощными интеллектуальными ресурсами и необходимой теоретико-методологической базой для проведения междисциплинарных исследований. «Вестник политологии» призван стимулировать дальнейшие качественные изменения в отечественной научно-исследовательской деятельности и стать одной из новых точек роста конструктивной научно-политической среды.

Издание концептуализируется как профессиональная специализированная платформа для научно-практического анализа широкого круга вопросов: теории и философии политики, истории и методологии политической науки, политических институтов и политических режимов, электоральных механизмов, публичной политики, политической культуры, политической коммуникации и гражданского участия, а также иной актуальной для Республики Беларусь политической проблематики.

Колонка главного редактора

Ключевой целью «Вестника политологии» является расширение и развитие конструктивного политологического пространства посредством интеграции существующих теорий, подходов и методологий. Издание ориентировано на продвижение белорусской политической науки в региональном и международном академическом полях, а его редакционная политика строится на принципах научной объективности и методологической строгости.

Выходу журнала предшествовала кропотливая работа редакционной коллегии, связанная с формированием концепции издания, сбором, рецензированием и редактированием научных публикаций. В первый номер вошло пятнадцать статей, посвященных актуальным вопросам современной политологии. Все работы отличаются научной новизной, актуальностью и оригинальностью. Их авторами являются как состоявшиеся ученые, уже достигшие значительных успехов на научной ниве, – доктора и кандидаты наук, сотрудники академических учреждений и преподаватели вузов, так и молодые исследователи.

Авторы журнала представляют научные и образовательные учреждения Республики Беларусь и Российской Федерации: Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Академию управления при Президенте Республики Беларусь, Белорусский институт стратегических исследований, Белорусский государственный университет, Белорусский государственный экономический университет, Белорусский государственный университет физической культуры, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова Российской академии наук.

Редакция «Вестника политологии» ставит перед собой амбициозные задачи, направленные на дальнейшее развитие и популяризацию современного политологического знания. Будучи открытым для интеллектуальных дискуссий и обмена мнениями по широкому кругу научных проблем, наше издание заинтересовано в сотрудничестве с академическими организациями, учреждениями образования, исследовательскими центрами и приглашает отечественных и зарубежных ученых, докторантов, аспирантов к публикации своих статей.

Уверен, что «Вестник политологии» станет компетентной, содержательной и интересной научной площадкой для обсуждения актуальных вопросов, связанных с развитием современной политологии. Выражаю благодарность редакционной коллегии и авторам за проявленный интерес и активное участие в подготовке первого выпуска. Желаем нашим читателя творческих успехов в научных исследованиях и новых свершений на ниве политологического знания!

Н. Л. МЫСЛИВЕЦ,
*кандидат социологических наук, доцент,
директор Института социологии
Национальной академии наук Беларуси
E-mail: n.myslives@socio.bas-net.by*

ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

УДК 32.01

В. С. МИХАЙЛОВСКИЙ,
*доктор политических наук, доцент,
Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
E-mail: mikhailoskivs@bsu.by*

СИНЕРГЕТИКА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Представлен анализ основных этапов развития синергетики как методологии социально-политического познания. Показано, что она зародилась как узкоспециализированное естественно-научное знание, которое сразу приобрело междисциплинарный характер. Междисциплинарный этап синергетики продолжается более 50 лет и открывает новые горизонты теории сложных систем. Высказывается тезис, что будущий этап теории сложных систем будет связан с исследованиями случайных процессов.

Ключевые слова: естественно-научное знание, междисциплинарность, синергетика, социально-политические исследования, случайность, теория вероятности

V. MIKHAYLOVSKY,
*Doctor of Political Science, Associate Professor,
Belarusian State University, Minsk, Belarus
E-mail: mikhailoskivs@bsu.by*

SYNERGIES YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

The analysis of the main stages in the development of synergetics as a methodology for socio-political knowledge is presented. It is shown that it originated as a highly specialized natural science that immediately acquired an interdisciplinary character. This interdisciplinary phase of synergetics has continued for over 50 years and is opening new horizons for the theory of complex systems. It is suggested that the future stage of complex systems theory will be associated with the study of random processes.

Keywords: natural scientific knowledge, interdisciplinarity, complexity theory, socio-political research, chance, probability theory

3 апреля 2018 г. на факультете философии и социальных наук Белорусского государственного университета академик Российской академии наук В. С. Стёпин презентовал книгу «Человек. Деятельность. Культура». Рассуждая о современных глобальных кризисах, техногенной цивилизации, академик акцентировал внимание на синергетике как междисциплинарной области познания сложных систем различной природы и высказал предположение, что

через 50 лет синергетика станет основной методологией познания социальных процессов.

Зародившись в 1970-е годы, синергетика прошла путь становления и развития, устоялась как методология социального познания, но не приобрела широкого применения, находясь в тени общей теории систем и кибернетики. Специфика экстраполяции данного междисциплинарного научного направления в политологию в том, что оно носит фрагментарный характер. Применение синергетики в политологии не носит системного характера; нет центров синергетического познания политики или синергетических научных школ в политологии. Указанное научное направление постепенно становится методологическим основанием для политических исследований. Среди зарубежных авторов можно выделить П. Кэрни [1], С. Гуницкого [2], А. Дуита, В. Галлаза [3], Р. Джервиса [4], С. Квак [5]. В российской политической науке синергетику для анализа политики применяли А. Б. Венгеров [6], О. В. Митина и В. Ф. Петренко [7], Л. В. Лесков [8], Г. В. Пушкарева [9]. При поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в России реализуется проект «Политический морфогенез: синергетический подход» (№ 19-311-90023), а также подготовлены следующие диссертации: «Синергетические особенности политических процессов» (Е. С. Адулова, 2009 [10]); «Роль социальной синергетики в познании социально-политических явлений» (Д. Е. Палатников, 2009 [11]); «Самоорганизация субъектов политики в политических процессах» (Т. Н. Мухина, 1999 [12]). Синергетика привлекает пристальное внимание и белорусских ученых. Так, в своей диссертации по политологии «Системный подход в политической науке» (1998) и учебных изданиях Н. А. Антанович изучала это направление теории систем [13]. Синергетику для познания государственного управления применяли С. Н. Князев и И. И. Ганчеренок [14; 15]. И. Н. Колядко в своих публикациях использует принципы системного, диалектического и синергетического подходов для анализа феномена кризиса в социокультурном развитии современных обществ [16]. В. С. Михайловский в своем исследовании использовал синергетику для развития политологического неомарксизма [17].

Цель статьи – выявить этапы методологического развития синергетики и основания ее большей экстраполяции в социально-политические исследования. Для достижения цели статьи используется исторический метод, а также абстрактно-логические построения. Цель работы допускает высокую степень обобщения представленного материала.

Первый этап синергетики (*синергетика вчера*) связан с генезисом этого понятия в рамках естественных наук и может быть обозначен как естественно-научный. Термин «синергетика» в узком понимании введен в научный оборот в 1969 г. немецким физиком Г. Хакеном для обозначения теории самоорганизации, полученной в результате исследования лазера. Схожие результаты

были получены и опубликованы в СССР в 1970-х и 1980-х годах [18], но, по замечаниям исследователей, остались без внимания [19, с. 117]. Почти одновременно с Г. Хакеном концепция самоорганизации была выдвинута немецким химиком М. Эйгеном в рамках исследования «первичного бульона» нуклеотидов и аминокислот [20, с. 10–11]. «Век» естественно-научной синергетики был недолог, так как синергетика в естественных науках представляет собой знание об узком классе наблюдаемых процессов. В естественно-научном наполнении термин используется для совокупного обозначения теории самоорганизации (Г. Хакен, А. А. Самарский, С. П. Курдюмов), теории динамического хаоса (М. Фейгнбаум), теории диссипативных структур (И. Пригожин), теории автоколебаний (А. А. Андронов), теории волн (Р. В. Хохлов), теории катастроф (В. И. Арнольд, Р. Том), теории автопоэзиса (У. Матурана, Ф. Варела), теории самоорганизованной критичности (П. Бак, С. Кауфман). Многозначность названия научного направления «синергетика» связана, в частности, с тем, что этот термин наиболее популярен в русскоязычных исследованиях. В англоязычной литературе он не используется, а заменяется синонимичными словосочетаниями – «complex systems research» и «theory of complexity», что в переводе означает «теория сложности». Сложность в синергетике понимается как совокупное обозначение неустойчивой, нелинейной, самоорганизующейся и динамически иерархичной среды. Синергетика является антиподом классического (лапласовского) детерминизма. Этим и определяется ее основное место в науке.

Парадокс заключается в том, что синергетика как теория сложных систем была лучше воспринята представителями социальных и гуманитарных наук, чем естественных. Она изначально ориентировалась на междисциплинарный подход и широкое применение моделей, разработанных в ее рамках, что определило «выпадение» этого научного направления из естественно-научного лона. *Сегодняшняя* синергетика – это междисциплинарная область знания.

Исходя из анализа литературы, мы выделили три предпосылки сближения синергетики и социально-гуманитарного познания.

Первая – «от естественных наук» (Г. Хакен, И. Пригожин, В. Г. Буданов, С. П. Курдюмов, Г. Г. Малинецкий и др.) – предполагает либо аналогию функционирования естественных и социальных систем, либо прототип синергетических моделей для понимания других сложных систем. Физикохимики Г. Николис и И. Пригожин определяли синергетику как метод «исследования сложных систем независимо от того, идет ли речь о молекулах, биологических или социальных системах» [21, с. 7]. Г. Хакен отмечал: «Хотя синергетика возникла в рамках естественных наук, мне всегда представлялось, что ее важнейшие возможные приложения будут касаться специфических человеческих и социальных процессов» [22, с. 53].

Вторая предпосылка – «от социально-гуманитарных наук» (Е. Н. Князева, Е. С. Куркина, В. И. Жилин и др.) – предполагает, что синергетика по своей

сути является результатом экстраполяции естественно-научного знания о сложных системах в область социально-гуманитарного знания. В рамках собственно фундаментальных физических и химических исследований сложноорганизованных и саморазвивающихся систем синергетическая терминология не используется. Синергетика начинается или там, где представители естественных наук сами «решили “перебросить мостик” отдаленных и расплывчатых аналогий из своей профессиональной сферы в сферу социально-гуманитарную» и сделали обобщения, или там, где философы осмыслили естественно-научные исследования сложноорганизованных и саморазвивающихся систем и их значение для всей науки [23, с. 3–4].

Третья предпосылка сближения – «от науковедения» (В. С. Стёпин и др.). Так, академик В. С. Стёпин отмечал, что «объектами современных междисциплинарных исследований все чаще становятся системы, характеризующиеся открытостью и саморазвитием», и что «такого типа объекты постепенно начинают определять и характер предметных областей основных фундаментальных наук, детерминируя облик современной постнеклассической науки» [24, с. 11]. В данном случае речь идет как о выходе за пределы естественных наук на уровень общенаучных парадигмальных обобщений, так и о переносе когнитивных схем из одной дисциплинарной области исследований в другую.

Использование синергетики в объяснении функционирования сложности социальных систем исходит в том числе из общей тенденции развития социально-гуманитарного знания. Согласно Всемирному отчету гуманитарных наук, в отношении социальных наук сохраняется стереотип умозрительности [25, р. 63]. По мнению российского исследователя И. В. Купряшкина, усиление научных позиций социально гуманитарного знания происходит по трем направлениям:

- 1) популяризация достижений социально-гуманитарных наук;
- 2) укрепление социально-гуманитарных теорий прогностическим потенциалом;
- 3) путем использования в социальном познании методологии естественных наук [26, с. 114–115].

На основании проведенного обстоятельного анализа практического использования синергетики в социогуманитарном знании нами сделано четыре вывода. Каждый из них может быть представлен как самостоятельное теоретическое обоснование поставленной цели статьи.

Во-первых, синергетика применялась для познания социогуманитарного предмета, в том числе ее ведущими теоретиками. Г. Хакен предлагал использовать синергетику при исследованиях общественного мнения, рабочей занятости, перехода от аграрного к индустриальному обществу [27, с. 38–39]. И. Пригожин и Г. Николис применили синергетику к исследованию общественной организации племен Бирмы [28, с. 488–489]. В период с начала 1980-х

по середине 1990-х годов синергетика применяется в ряде социальных наук. Так, в социологии публикуется ряд работ концептуального характера [29–32], «кульминацией» которых является увидевшая свет в 1991 г. монография немецкого физика В. Вайдлиха «Физика и социология – синергетический подход» [33]. В начале 1990-х годов немецкий социолог Н. Луман социологизирует термин «аутопоэзис» и использует его для разработки своей концепции «самореферентных систем» [34]. В этот же период опубликован ряд работ в рамках применения синергетики в экономической науке [35–38]. В 1995 г. в первом номере журнала «История и теория» («History and Theory») напечатана серия статей, посвященных вопросу применения принципов нового научного направления в методологии истории. В этом же году журнал «Историческое социальное исследование» («Historische Sozialforschung») начинает дискуссию об использовании синергетики в исторических исследованиях. Публикации по этой теме были в это время и в России [39–43]. Так, советский и российский математик академик Российской академии наук В. И. Арнольд в очередном издании своей книги «Теория катастроф» (1990) привел модель развития «перестройки» в СССР [44]. В 1991 г. в Институте философии Академии наук Украины И. С. Добронравовой защищена первая докторская диссертация по синергетике.

Череда авторских публикаций в рамках экстраполяции синергетики в социогуманитарные науки не осталась без внимания научного сообщества. Начинают организовываться и проводиться различные международные форумы. В 1995 г. в Швеции прошла конференция, посвященная синергетике в экономических и социальных системах, в которой приняли участие исследователи из Европы, Америки, Китая и Японии. В этом же году в Москве в рамках международной конференции «Эволюция инфосферы» был организован круглый стол «Проблемы самоорганизации в социальных науках». В 1996 г. состоялась первая встреча Московского синергетического международного форума, оргкомитет которого составили известные российские ученые С. П. Капица, С. П. Курдюмов, Н. Н. Моисеев, В. С. Стёпин, В. А. Ядов. В рамках этого масштабного мероприятия состоялось восемь круглых столов, среди которых «Социосинергетика и образы будущего», «Синергетика и модели экономики», «Синергетика и диалог культур», «Синергетика и искусство», «Синергетика и образование» [45; 46, с. 149–150]. В 1995 г. в Афинах прошел Второй международный конгресс нелинейных аналитиков. Следует отметить, что из более полутора тысячи докладов на конгрессе не менее двухсот затрагивало социально-экономическую тематику [47].

В настоящее время регулярно проводятся конференции, школы, семинары. Назовем наиболее известные: в Саратовском государственном университете; конференция «Математика, компьютер, образование» в Московском государственном университете; конференция «Проблемы управления безопасностью

сложных систем» в Институте проблем управления Российской академии наук. Имеет место и институционализация синергетики. В 1990-х годах были созданы Немецкое общество сложных систем и нелинейной динамики, Американское общество по теории хаоса в психологии и науках о жизни, французская Ассоциация сложного мышления. С 1998 г. в Беларуси издается международный журнал «Nonlinear Phenomena in Complex Systems» («Нелинейные явления в сложных системах»).

Во-вторых, синергетика применялась и продолжает применяться для познания социогуманитарного предмета. Например, в Республике Беларусь применяли синергетику для анализа экономики А. О. Тихонов [48], А. А. Митьковец [49]; в журналистике – А. М. Хурс [50]; в этнологии – К. А. Шумский [51]; в исследованиях образования – А. В. Колесников и С. Н. Сиренко [52; 53], Е. С. Полякова [54], М. С. Ковалевич [55], С. В. Панов [56]; в философии – С. Н. Мизякина [57], Е. Г. Макаревич [58; 59]; в культурологии – В. А. Верниковская [60]; в истории – В. Н. Сидорцов [61], М. М. Равченко [62]. Конгруэнтность синергетики и постмодернизма, а также возможность их взаимного дополнения изучала М. А. Можейко [63–66]. С. А. Шавель рассматривал синергетику в контексте неопределенности [67]. Синергетический подход позволил А. И. Лойко открыть новый ракурс исследования евразийской тематики на уровне синергии социальных процессов [68]. Проблему концептуального и методологического статуса социальной синергетики как нового направления в описании и интерпретации сложных самоорганизующихся систем изучал А. И. Зеленков [69].

Особенность нынешнего этапа синергетики заключается в ее использовании вне абсолютизации принципа случайности. По этому поводу мы считаем важным привести цитату одного из лидеров российского синергетического движения математика Г. Г. Малинецкого: «Синергетика в своем подходе к реальности, конечно, развивает линию Ньютона». Ученый выделил две «линии» познания: по Ньютону, которая «связана с представлением о возможности выделить наиболее важные причинно-следственные связи (в идеале – законы), отбросив второстепенное»; и по Декарту/Деррида, которая «предполагает, что все одинаково существенно (или несущественно) и выделить главное в принципе невозможно». Г. Г. Малинецкий объясняет отнесение синергетики к «линии Ньютона» тем, что основное синергетическое понятие – «параметры порядка» – это представление о «ведущих переменных, параметрах, процессах, сущностях, которые возникают в ходе самоорганизации и определяют динамику системы» [70, с. 60].

Однако в современном знании концепт случайности (случайного) переживает новый виток исследовательского интереса в связи с достижениями физики (например, исследования британского физика С. Хокинга). Интерес к постижению случайного в природе, экстраполированный на социогуманитарное

знание, стал одним из признаков становления неклассического, а затем и постнеклассического типа рациональности. Все это позволило современным исследователям говорить о концепте случайности как об основе «современных преобразований в концептуальном аппарате науки» [71, с. 80], как о «базовой характеристике научного познания» [72, с. 725] и о том, что «случайность и вероятность выдвигаются на приоритетные позиции в рамках рассмотрения социальной действительности» [73, с. 140].

Мы связываем *будущее* синергетики с актуализацией исследований случайных процессов. Однако риски науки случайных политических процессов заключаются в возможной умозрительности исследовательского поиска случайного. Этот путь фундирован противоречиями физикализма, сциентизма и особенностями социального познания. Если понимать политологию как научную деятельность по выявлению закономерностей в политике, то поиск и концептуализация политических случайностей переворачивают политическую науку с ног на голову и растворяют политологический дискурс в постмодернистских спекуляциях, где тезис о повторяемости случайного сродни игре слов. При этом не стоит замалчивать, что случайность как основной предмет исследования – это прерогатива теории вероятности. Именно теория вероятности обладает необходимым инструментарием для познания случайного как иррегулярного и аутентичного. Однако первоначально не обладая строго математическим видом, теория вероятности в современном представлении стала окончательно восприниматься как один из разделов математики. Найдя применение в статистике, теория вероятности была актуализирована в социогуманитарных исследованиях. Вся эмпирическая обработка данных строится на «нулевой гипотезе», «доверительных интервалах» и точности переноса данных с выборочной совокупности на генеральную. Наша гипотеза заключается в том, что теория вероятности возможна для адаптации в политологии только поверх предшествующей синергетической «перезагрузки» политики, которая способна учесть взаимосвязь детерминизма и случайности.

Таким образом, использование синергетики как методологического подхода в познании сложной природы наблюдаемого – состоявшийся факт. Синергетика зародилась как узкоспециализированное естественно-научное знание в 1970-е годы (Г. Хакен, И. Пригожин). Однако естественно-научный этап синергетики оказался недолгим. Изначально в рамках своего генезиса авторами синергетики была установлена ее междисциплинарная природа, что и определило ее дальнейшее развитие в науке. Междисциплинарный этап синергетики продолжается более 50 лет и открывает новые горизонты теории сложных систем. Наш тезис состоит в том, что будущий этап синергетики будет связан с исследованиями случайных процессов.

Социально-политическое знание открыто к экстраполяции достижений данного междисциплинарного научного направления. Опыт использования

синергетики в социально-гуманитарном познании является основанием ее применения (по аналогии) в исследованиях политических процессов, в том числе посредством математического аппарата теории вероятности. Однако мейнстрим междисциплинарного развития социально-политического знания должен учитывать риски умозрительности и физикализма.

Список использованных источников

1. *Cairney, P.* Complexity theory in political science and public policy / P. Cairney // *Political Studies Review*. – 2012. – Vol. 10. – P. 346–358. – DOI: 10.1111/j.1478-9302.2012.00270.x
2. *Gunitsky, S.* Complexity and theories of change in international politics / S. Gunitsky // *International Theory*. – 2013. – Vol. 5, iss. 1. – P. 35–63. – DOI: 10.1017/S1752971913000110
3. *Duit, A.* Governance and complexity – emerging issues for governance theory / A. Duit, V. Galaz // *Governance: An International Journal of Policy, Administration, and Institutions*. – 2008. – Vol. 21, № 3. – P. 311–335. – DOI: 10.1111/j.1468-0491.2008.00402.x
4. *Jervis, R.* Complexity and the analysis of political and social life / R. Jervis // *Political Science Quarterly*. – 2011. – Vol. 112, № 4. – P. 569–593. – DOI: 10.2307/2657692
5. *Quack, S.* Regime complexity and expertise in transnational governance: strategizing in the face of regulatory uncertainty / S. Quack // *Law, Legislation and Power in the Global Political Economy*. – 2013. – Vol. 3, № 4. – P. 647–678.
6. *Венгеров, А. Б.* Синергетика и политика / А. Б. Венгеров // *Общественные науки и современность*. – 1993. – № 4. – С. 55–69.
7. *Митина, О. В.* Динамика политического сознания как процесс самоорганизации / О. В. Митина, В. Ф. Петренко // *Общественные науки и современность*. – 1995. – № 5. – С. 103–115.
8. *Лесков, Л. В.* Катаклизмы в России в свете теории катастроф / Л. В. Лесков // *Общественные науки и современность*. – 1992. – № 3. – С. 150–160.
9. *Пушкарева, Г. В.* Политическая система: синергетический подход / Г. В. Пушкарева // *Вестник Московского государственного университета. Серия 12, Политические науки*. – 2001. – № 6. – С. 32–49.
10. *Адулова, Е. С.* Синергетические особенности политических процессов : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Адулова Елена Сергеевна ; Мос. вод. акад. водн. транспорта. – М., 2009. – 22 с.
11. *Палатников, Д. Е.* Роль социальной синергетики в познании социально-политических явлений : автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Палатников Денис Евгеньевич ; Иван. гос. ун-т. – Иваново, 2009. – 26 с.
12. *Мухина, Т. Н.* Самоорганизация субъектов политики в политических процессах : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.10 / Мухина Татьяна Николаевна ; Воен. ун-т. – М., 1999. – 187 с.
13. *Антанович, Н. А.* Синергетика / Н. А. Антанович // *Теория политических систем : учеб. пособие* / Н. А. Антанович. – Мн., 2008. – С. 25–27.
14. *Князев, С. Н.* Реальность и мифы о синергетике, или синергия и синергетика в государственном управлении / С. Н. Князев, И. И. Ганчерёнок // *Право и образование*. – 2006. – № 5. – С. 92–99.
15. *Князев, С. Н.* Синергия и синергетика в государственном управлении / С. Н. Князев, И. И. Ганчерёнок // *Беларуская думка*. – 2006. – № 8. – С. 49–55.
16. *Колядко, И. Н.* Социальный кризис как предмет социосинергетической интерпретации / И. Н. Колядко // *Философия и социальные науки*. – 2016. – № 4. – С. 82–86.
17. *Михайловский, В. С.* Неомарксизм. Синергетика. Классовая борьба / В. С. Михайловский. – Мн. : РИВШ, 2024. – 324 с.

18. Современные проблемы математической физики и вычислительной математики : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т приклад. математики им. М. В. Келдыша. – М. : Наука, 1982. – 334 с.
19. *Князева, Е. Н.* Мыслитель эпохи междисциплинарности / Е. Н. Князева, Е. С. Куркина // Вопросы философии. – 2009. – № 9. – С. 116–131.
20. Общее идейное содержание современных концепций самоорганизации // Концепции самоорганизации: становление нового образа научного мышления : учеб. пособие / П. Г. Белкин, В. А. Герович, Е. А. Гороховская [и др.]. – М., 1994. – С. 7–31.
21. *Николис, Г.* Познание сложного: введение / Г. Николис, И. Пригожин. – 4-е изд. – М. : URSS : Ленанд, 2014. – 342 с.
22. *Князева, Е. Н.* Синергетике – 30 лет. Интервью с профессором Г. Хакеном / Е. Н. Князева, Г. Хакен // Вопросы философии. – 2000. – № 3. – С. 53–61.
23. *Жилин, В. И.* К вопросу об онтологических основах синергетики / В. И. Жилин // Вестник Читинского государственного университета. – 2010. – № 8 (65). – С. 3–9.
24. *Степин, В. С.* Становление идеалов и норм постнеклассической науки / В. С. Степин // Проблемы методологии постнеклассической науки : сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; отв. ред. Е. А. Мамчур. – М., 1992. – С. 3–16.
25. *Holm, P.* Humanities world report / P. Holm, A. Jarrick, D. Scott. – New York ; London : Palgrave Macmillan, 2015. – 232 p.
26. *Купряшкин, И. В.* Синергетика в социальных науках / И. В. Купряшкин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 4 (78). – С. 114–117.
27. *Хакен, Г.* Синергетика. Иерархия неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах / Г. Хакен. – М. : Мир, 1985. – 425 с.
28. *Пригожин, И.* Самоорганизация в неравновесных системах / И. Пригожин, Г. Николис. – М. : Мир, 1979. – 512 с.
29. *Esser, H.* Modellierung sozialer Prozesse : neuere Ansätze und Überlegungen zur soziologischen Theoriebildung ; ausgewählte Beiträge zu Tagungen der Arbeitsgruppe “Modellierung sozialer Prozesse” der Deutschen Gesellschaft für Soziologie / H. Esser, K. G. Troitzsch, M. Kluck. – Bonn : Informationszentrum Sozialwissenschaften, 1991. – 810 S.
30. *Granovetter, M.* Threshold models of collective behavior / M. Granovetter // American Journal of Sociology. – 1987. – Vol. 83, № 6. – P. 1420–1443.
31. *Müller-Benedict, V.* Chaos und Selbstorganisation: neue theoretische Ansätze in den Sozialwissenschaften / V. Müller-Benedict // Historical Social Research. – 1996. – № 1. – P. 26–93. – DOI: 10.12759/hsr.21.1996.1.26-93
32. *Weidlich, W.* Concepts and models of quantitative sociology: The dynamics of interacting populations (Springer series in synergetics) / W. Weidlich, G. Haag. – Berlin ; Heidelberg ; New York : Springer-Verlag, 1983. – 220 p.
33. *Weidlich, W.* Physics and social science – The approach of synergetics / W. Weidlich // Physics Reports. – 1991. – Vol. 204, iss. 1. – P. 1–163. – DOI: 10.1016/0370-1573(91)90024-G
34. *Luhmann, N.* Essays on Self-Reference / N. Luhmann. – New York : Columbia Univ. Press, 1990. – 245 p.
35. *Brock, W.* Nonlinear dynamics, chaos, and instability: statistical theory and economic evidence / W. Brock, D. A. Hsieh, B. D. LeBaron. – Cambridge : MIT Press, 1991. – 346 p.
36. *Medio, A.* Chaotic dynamics. Theory and applications to economics / A. Medio. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1992. – 344 p.
37. *Peters, E.* Chaos and order in the capital markets / E. Peters. – New York : Wiley, 1991. – 240 p.
38. *Vaga, T.* Profiting from chaos: Using chaos theory for market timing, stock selection, and option valuation / T. Vaga. – New York : McGraw-Hill, 1994. – 248 p.
39. *Андреев, А. Ю.* «Клио на распутье». Развитие новых методологических подходов к изучению исторического процесса в трудах Ю. М. Лотмана / А. Ю. Андреев // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». – 1997. – № 20. – С. 90–115.

40. Андреев, А. Ю. К проблеме моделирования случайных динамических систем в анализе исторического процесса / А. Ю. Андреев // *Круг идей: развитие исторической информатики* : тр. II конф. Ассоц. «История и компьютер» / Ассоц. «История и компьютер» ; отв. ред.: Л. И. Бородкин, В. С. Тяжелникова. – М., 1995. – С. 114–126.

41. Бородкин, Л. И. Компьютерное моделирование исторических процессов: еще раз о математических моделях / Л. И. Бородкин // *Круг идей: развитие исторической информатики*. тр. II конф. Ассоц. «История и компьютер» / Ассоц. «История и компьютер» ; отв. ред.: Л. И. Бородкин, В. С. Тяжелникова. – М., 1995. – С. 96–113.

42. Носевич, В. Л. На пути к организации общества как самоорганизующейся системы / В. Л. Носевич // *Математическое моделирование исторических процессов*. – М., 1996. – С. 202–223.

43. Хвостова, К. В. Проблемы исторического познания в свете современных междисциплинарных исследований / К. В. Хвостова, В. К. Финн. – М. : РГГУ, 1997. – 256 с.

44. Арнольд, В. И. Теория катастроф / В. И. Арнольд. – М. : Наука, 1990. – 128 с.

45. О Форуме // *Московский международный синергетический форум*. – URL: <http://www.rinotel.ru/about/> (дата обращения: 03.06.2025).

46. Князева, Е. Н. Международный Московский синергетический форум: (некоторые итоги и перспективы) / Е. Н. Князева // *Вопросы философии*. – 1996. – № 11. – С. 148–152.

47. Андреев, А. Ю. Синергетика в социальных науках: пути развития, опасности и надежды / А. Ю. Андреев, Л. И. Бородкин, М. И. Левандовский // *Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер»*. – URL: <http://aik-sng.ru/text/krug/5/4.shtml#29b> (дата обращения: 30.05.2023).

48. Тихонов, А. О. Синергетика и экономика: методология определения типов макроэкономической динамики / А. О. Тихонов // *Институциональные закономерности устройства и эволюции социально-экономической системы Беларуси* : материалы и докл. науч. конф. : в 2 ч. / Белорус. гос. ун-т. – Мн., 2004. – Ч. 1. – С. 238–242.

49. Митьковец, А. А. Синергетика в экономике / А. А. Митьковец // *Тезисы докладов XVI межвузовской научной конференции молодых ученых, Минск, 17–18 апр. 2013 г.* / Белорус. гос. ун-т. – Мн., 2013. – С. 108.

50. Хурс, А. М. Синергетика в контексте научного обеспечения журналистской деятельности / А. М. Хурс // *Электрон. б-ка Белорус. гос. ун-та*. – URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/20239/1/Hurs_Sinergetika_Tezisy_Konf_Minsk.pdf (дата обращения: 03.05.2023).

51. Шумский, К. А. Синергетика в этнологии (на примере изучения эволюции человеческого мышления) / К. А. Шумский // *XXI век: актуальные проблемы исторической науки* : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 70 летию ист. фак. Белорус. гос. ун-та, Минск, 15–16 апр. 2004 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. Н. Сидорцов (отв. ред.) [и др.]. – Мн., 2004. – С. 333–335.

52. Колесников, А. В. Междисциплинарность, синергетика и грядущий новый этап научно-технической революции как предпосылки обновления содержания высшего образования / А. В. Колесников, С. Н. Сиренко // *Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки* : сб. науч. ст. : в 2 ч. / ГУО РИВШ ; редкол.: В. А. Гайсёнок (пред.) [и др.]. – Мн., 2016. – Вып. 16. – Ч. 2 : Психологические и педагогические науки. – С. 344–351.

53. Колесников, А. В. Развитие системно-аналитического мышления у студентов социально-гуманитарных специальностей средствами компьютерного моделирования с элементами синергетики / А. В. Колесников, С. Н. Сиренко // *Открытое образование*. – 2010. – № 2. – С. 4–14.

54. Полякова, Е. С. Синергетический подход в профессиональной подготовке будущего учителя музыки / Е. С. Полякова // *Пути повышения качества профессиональной подготовки*

студентов : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 22–23 апр. 2010 г. / редкол.: О. Л. Жук (отв. ред.) [и др.]. – Мн., 2010. – С. 329–332.

55. *Ковалевич, М. С.* Методологические основания управления качеством высшего образования в синергетическом контексте / М. С. Ковалевич // Пути повышения качества профессиональной подготовки студентов : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 22–23 апр. 2010 г. / редкол.: О. Л. Жук (отв. ред.) [и др.]. – Мн., 2010. – С. 58–60.

56. *Панов, С. В.* Концептуальные принципы дидактического конструирования содержания исторического образования в аспекте педагогической синергетики / С. В. Панов // XXI век: актуальные проблемы исторической науки : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию ист. фак. Белорус. гос. ун-та, Минск, 15–16 апр. 2004 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. Н. Сидорцов (отв. ред.) [и др.]. – Мн., 2004. – С. 305–307.

57. *Мизякина, С. Н.* Принципы синергетики в исследовании процессов глокализации / С. Н. Мизякина // Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки : сб. науч. ст. : в 2 ч. / ГУО РИВШ ; редкол.: В. А. Гайсёнок (пред.) [и др.]. – Мн., 2022. – Вып. 21. – Ч. 2 : Экономические науки. Философские науки. – С. 218–225.

58. *Макаревич, Е. Г.* Перспективы синергетики как методологии исследования социальных систем // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 2008. – № 1. – С. 28–32.

59. *Макаревич, Е. Г.* Синергетический анализ девиаций как основы порядка / Е. Г. Макаревич // Коммуникация в социально-гуманитарном знании, экономике, образовании : материалы II междунар. науч.-практ. конф., Минск, 13–14 нояб. 2008 г. / ред. совет: А. В. Рубанов (пред.) [и др.]. – Мн., 2008. – С. 70–72.

60. *Верниковская, В. А.* Синергетический подход как методология изучения культуры рубежа XIX–XX вв. / В. А. Верниковская // Актуальные проблемы гуманитарного образования : материалы V междунар. науч.-практ. конф., Минск, 18–19 окт. 2018 г. / редкол.: О. А. Воробьева (отв. ред.) [и др.]. – Мн., 2018. – С. 420–425.

61. *Сидорцов, В. Н.* Понятие «социальная революция» в свете синергетики / В. Н. Сидорцов // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. зб. / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. – Мн., 2009. – Вып. 4. – С. 189–195.

62. *Равченко, М. М.* История Беларуси во второй половине XX в.: нелинейное представление / М. М. Равченко // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны : навук. зб. / рэдкал.: У. Н. Сідарцоў [і інш.]. – Мн., 2009. – Вып. 5. – С. 152–161.

63. *Можейко, М. А.* Идея нелинейности и феномен неопределенности: методологический поворот в современной науке / М. А. Можейко // Социология. – 2012. – № 2. – С. 39–53.

64. *Можейко, М. А.* Критика универсализма в современной науке: параллелизм естественно-научной и гуманитарной проекций / М. А. Можейко // Вестник Самарского государственного технического университета. – 2021. – № 4 (9). – С. 52–62.

65. *Можейко, М. А.* Парадигма нелинейности в постмодернистской философии языка и современная синергетика / М. А. Можейко // Вестник Нижегородского университета. – 2014. – № 5–1. – С. 175–185.

66. *Можейко, М. А.* Постмодернизм и синергетика: формирование методологии нелинейного моделирования в философии и науке / М. А. Можейко // Социология. – 2013. – № 13. – С. 15–33.

67. *Шавель, С. А.* Неопределенность для социогуманитаристики (размышление над статьей М. А. Можейко) / С. А. Шавель // Социология. – 2012. – № 3. – С. 66–77.

68. *Лойко, А. И.* Синергетика социального пространства: Евразийский регион / А. И. Лойко. – Saarbrücken : Palmarium Akad. Publ., 2015. – 147 с.

69. *Зеленков, А. И.* Социальная синергетика: методологические возможности и пределы в эпоху глобальных рисков / А. И. Зеленков // Философия и социальные науки. – 2016. – № 4. – С. 11–15.

70. *Малинецкий, Г. Г.* Пределы синергетики / Г. Г. Малинецкий // Знание – сила. – 2006. – № 1. – С. 60–63.

71. *Сачков, Ю. В.* Вероятность как загадка бытия и познания / Ю. В. Сачков // Вопросы философии. – 2006. – № 1. – С. 80–94.

72. *Матушкина, М. О.* Проблема случайности в становлении неклассического типа рациональности / М. О. Матушкина // Научные достижения и открытия современной молодежи : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., Пенза, 17 февр. 2017 г. : в 2 ч. / Науч. центр междунар. сотрудничества «Наука и просвещение» ; отв. ред. Г. Ю. Гуляев. – Пенза, 2017. – Ч. 2. – С. 723–725.

73. *Попов, В. В.* Вероятность и случайность в системе постнеклассической науки / В. В. Попов, В. А. Тимофеев // Инновационные научные исследования: теория, методология, практика : сб. ст. XIII междунар. науч.-практ. конф., Пенза, 20 февр. 2018 г. : в 2 ч. / Науч. центр междунар. сотрудничества «Наука и просвещение» ; отв. ред. Г. Ю. Гуляев. – Пенза, 2018. – Ч. 1. – С. 138–142.

Поступила 04.03.2025 г.

И. С. СЕМЕНЕНКО,
*член-корреспондент Российской академии наук, доктор политических наук,
заместитель директора по научной работе
Национального исследовательского института мировой экономики
и международных отношений имени Е. М. Примакова
Российской академии наук, Москва, Россия
E-mail: semenenko@imemo.ru*

ИДЕНТИЧНОСТЬ В ФОКУСЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Рассматриваются проблемы концептуализации и приоритеты изучения идентичности в современной политической науке. Выделены и описаны ключевые вехи в утверждении идентичности как аналитической категории социогуманитарного знания, аргументируется значение этой категории для осмысления текущих политических процессов и прогнозирования трендов общественного развития. Раскрываются подходы российских ученых к концептуализации понятия политики идентичности, анализу ее субъектов и ключевых измерений. Намечены контуры поля идентитарных исследований в современной политической науке и перспективные направления в изучении идентичности как ресурса общественного развития.

Ключевые слова: идентичность, политика идентичности, миропорядок, ценности, политическая картина мира, ответственное развитие, социальные науки, политический анализ, идентитарные исследования

I. SEMENENKO,
*Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Political Science,
Deputy Director for Research of the Primakov National Research Institute
of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
E-mail: semenenko@imemo.ru*

IDENTITY IN FOCUS OF POLITICAL ANALYSIS

The article examines the problems of conceptualization and priorities of identity studies in contemporary political science. The key milestones in the establishment of identity as an analytical category of socio-humanitarian knowledge are identified and described, the importance of this category for understanding current political processes and forecasting social development trends is argued. The approaches of Russian scientists to the conceptualization of the concept of identity politics, the analysis of its subjects and key dimensions are revealed. The contours of the field of identity studies in modern political science and promising directions in the study of identity as a resource for social development are outlined.

Keywords: identity, identity politics, world order, values, political picture of the world, responsible development, social sciences, political analysis, identity studies

Введение. В структуре современного миропорядка происходят глубокие системные сдвиги, связанные с ростом глобальных вызовов и понижением порога рисков и угроз общественному развитию в условиях неоднозначности социальных последствий происходящих технологических прорывов. Политическая наука призвана не только отражать текущие изменения, но и прогнозировать возможные перспективы и альтернативы общественного развития. И, что не менее важно, – оценивать влияние происходящих трансформаций на состояние общественных отношений, на социальный климат в обществе и картину мира личности – человека XXI века, живущего в условиях этих новых реалий.

Неудивительно, что поиски подходов к анализу и прогнозированию тенденций общественного развития идут не только в привычном поле изучения динамики институтов и политической повестки дня. Не менее значим для понимания этих изменений анализ общественных настроений, массового сознания и национального менталитета, политической культуры и исторических архетипов, укорененных в обществе. Важным измерением является оценка психологического состояния социума и тех ценностных ориентиров, которые определяют готовность граждан к конструктивному политическому участию, стимулируют их вовлеченность в реализацию приоритетов политики развития, в экономическую деятельность и социальное творчество. Назревшую потребность в междисциплинарном синтезе исследовательских подходов к осмыслению субъективного пространства политики отражает стремительно растущее внимание к *идентичности как категории анализа социальной реальности*.

Нынешний взрыв интереса к идентичности стал реакцией на усложнение институционального дизайна современных обществ, его растущую подвижность и изменчивость. Общественное развитие плодотворно осмысливать с позиций восприятия человеком быстро меняющейся реальности, чтобы оценить возможности и ограничения и наметить горизонты развития. Но растущее внимание к идентичности обусловлено и поисками ответов на эскалацию угроз экзистенциальным основаниям человеческого бытия, самостоянию личности, задающему нравственные ориентиры самоидентификации в процессе освоения и накопления личного духовного опыта.

Идентичность в социальных науках: аналитическая категория и социальная реальность. Само слово «идентичность» появилось в русском языке сравнительно недавно: первые упоминания можно обнаружить в изданных в 1900-х годах словарях иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Тогда понятие «идентичный» использовалось в значениях «тождественный», «равнозначный», «одинаковый». Спустя более полувека в пионерных работах немецко-американского психолога, специалиста в сфере психологии личности Эриха Эриксона был поставлен вопрос о «кризисе идентичности» на этапе взросления личности [1]. Из этой специализированной сферы психо-

логии термин переключался в социальную психологию и социологию, в культурологию, лингвистику, социальную философию, социальную антропологию и этнологию, в специализированные сферы социального и гуманитарного знания [2–4]. В социальных науках исследования опирались на сугубо абстрактное, но незаменимое понятие *социальной идентичности*: любая идентичность имеет социальную природу, поскольку проявляется по отношению к носителям других идентичностей и во взаимодействии с ними, а коммуникативная природа идентичности выражается в самоотождествлении с группой себе подобных и в разграничении с другими, иными в процессе социальных коммуникаций [5–7]. Эти проявленные в трактовке идентичности характеристики отражают динамику и одновременно состояние представлений человека о себе в мире, соотнесенность индивидуальных и групповых ориентиров социального опыта, синтез ценностных, эмоциональных и рационально мотивированных интересами и потребностями оснований человеческой деятельности.

Критически важным для социальных исследований стало разведение понимания идентичности как выражения индивидуальных и групповых представлений о себе и других и ее трактовки как имманентно присущего общественной жизни феномена, отражающего и одновременно задающего динамику общественных настроений, запросов, установок, то есть разведение в анализе категории и сущности. Реификация (овеществление) идентичности, которая зачастую происходила в условиях взаимозамещения концептуальных основ понятия и сущностных проявлений самоидентификации в виде идейных представлений и ценностных установок, породила ее критику как аналитической категории [8]. Поборники обращения к идентичности, напротив, выражали уверенность в том, что в сущностном аспекте необходимо опираться на ее трактовку как проявления и отражения взаимодействий, всегда ситуативных и всегда социально обусловленных [9, p. 608].

Сегодня «идентичность» стала общеупотребимым в поле социогуманитарного знания понятием. Для его операционализации используются многочисленные прилагательные, конкретизирующие те или иные сферы социальных коммуникаций, в которых происходят процессы самоидентификации человека и «материализуются» связи внутри малых и больших социальных групп и сообществ. Дискуссии ведутся о сущностных характеристиках многочисленных «идентичностей с прилагательными», от дихотомии позитивной или негативной идентичности до ее многообразных проявлений в разных измерениях человеческого общежития и сферах деятельности – от идентичности локальной, городской и сельской до корпоративной. Обсуждаются возможности замеров ее (идентичности) «градуса» как показателя состояния социального климата и общественных настроений.

В политическую науку рассматриваемое нами понятие пришло с некоторым запозданием ввиду преимущественного внимания к политическим процессам

и институтам в русле их объективистской трактовки. Но растущая потребность в осмыслении мотиваций и установок субъектов политического процесса заставила обратить внимание на идентичность как понятие, способное отразить субъективные аспекты политики и политического. Как бы компенсируя отставание, в политических исследованиях процессы освоения этой аналитической категории шли в ускоренном темпе, соотносясь с разными сферами социогуманитарного знания [10] и продвигая собственные исследовательские приоритеты [11–14]. Существенным оказался потенциал использования категории идентичности в политическом анализе, поскольку «дискурс идентичности стал рассматриваться как действенный механизм конструирования социальной реальности, а динамика идентичности – как один из маркеров происходящих трансформаций, описывающих включенность человека в социальные процессы» [13, с. 20].

Сам термин «идентичность» с разными уточняющими определениями быстро перешел из научного поля в публичную политику и стал неотъемлемой частью лексикона политических лидеров, управленческих кадров, гражданских активистов, работников социальной сферы, деятелей культуры в разных странах и регионах мира. На апелляции к «нашей идентичности» выстраивается сегодня система мер по консолидации сообществ разного уровня – от транснациональных до национальных, региональных, локальных, а также этнических или профессиональных. Это нечастый случай быстрого перехода понятия из научного поля в политическую практику и его адаптации для публичного дискурса, своего рода «заимствования» политики у науки. Правда, происходил этот «перелив» не без ущерба для содержания самого понятия, которое стало трактоваться предельно широко и зачастую без уточнения содержательного наполнения.

Идентичность как смысловая категория заняла прочное место и в быденном сознании в ответ на вопрошание о том, какой «я», кто «мы» и кто значимые для «нас» «другие» в стремительно меняющемся мире, стимулируя политическую рефлексию и задавая контуры политической картины мира современного человека. Эти процессы укоренены в природе человеческой личности, поскольку ее «онтологическому созиданию внутренне присуща диалектика одинаковости и самости» [15, с. 303]. Поиски ориентиров самоидентификации принимают форму множества идентичностей, которые актуализируются в разных сферах индивидуального и коллективного социального опыта. И хотя сам человек нечасто мыслит в таких категориях, в публичном поле именно ориентиры коллективной идентичности выстраивают индивидуальную политическую картину мира.

Политическая картина мира по определению неиерархического характера, в ней сосуществуют разные ориентиры и установки, которые актуализируются в личном социальном опыте и проявляются в том числе в отношении полити-

ческой сферы – через электоральный выбор, идейно-политические предпочтения, партийные аффилиации, волонтерскую гражданскую активность, формируя *политическую идентичность*. Значимость государства в этой системе координат гражданина во многом определяет характер *национальной идентичности* и ее гражданские основания. Именно о национальной идентичности чаще всего и идет речь, когда это понятие звучит в публичном поле без прилагательных и призвано характеризовать культурные предпочтения и ценностные установки сообщества граждан государства.

Российскую идентичность выдающийся отечественный этнолог Л. М. Дробужева содержательно определяет как «*государственно-гражданскую*» [16, с. 13], то есть такую, в которой соотносительность с государством играет для гражданского самосознания смыслообразующую роль. В то же время высокой значимостью в структуре российской идентичности обладают общие культурные ориентиры, представления об историческом прошлом и русский язык, берущие на себя функцию поддержания общего культурного пространства страны с разнообразным по этнокультурному составу, языковым практикам и религиозным верованиям населением. Поэтому залогом поступательного общественного развития становится «позитивная совместимость гражданской и этнической идентичности» [17, с. 225]. А для позиционирования страны в мире и утверждения позитивного образа будущего поколений ее граждан важными оказываются цивилизационные ориентиры. Они обеспечивают преемственность в развитии общества и государства и формируют цивилизационную идентичность как «наиболее общую составляющую и форму проявления идентичности, которая... может интегрировать различные, но близкие по культуре и истории общества и государства» [18, с. 303].

Вопрос о сущностных характеристиках цивилизации, о цивилизационной природе государства и феномене «государства-цивилизации» широко обсуждается в российском научном поле, имея в виду и традиции русской общественной мысли, и современные нарративы [19; 20]. Близкие трактовки «государства цивилизационного типа» предложены в работах китайских обществоведов: книга авторитетного китайского ученого Дж. Вэйвэя только за первый год после публикации заинтересовала более миллиона читателей в Китайской Народной Республике [21]. Цивилизационные ориентиры закладываются в основание ценностно-политических проектов, которые продвигают в условиях трансформации миропорядка центры силы, претендующие на лидерские позиции в мировой политике [22]. Наличие таких проектов свидетельствует также о притязаниях на лидерство новых центров силы и во многом определяет перспективы укрепления их позиций в меняющемся мироустройстве. Такие стремления подкрепляет ориентированная и на внутреннюю, и на внешнюю аудитории эффективная *политика идентичности*, приоритеты которой оказываются в фокусе политического анализа.

Политика идентичности: акторы, направления, приоритеты. Политика идентичности (англ. *identity politics, politics of identity*) как аналитический концепт заняла прочное место в политических исследованиях к концу XX в. В работах зарубежных авторов, анализировавших политические процессы в странах Запада и процессы в незападном мире с использованием универсалистских аналитических подходов, она трактовалась однозначно как продвижение притязаний социально ущемленных меньшинств по утверждению своего «права на идентичность». В странах Запада этнические сообщества, и прежде всего группы интересов, выступавшие от имени коренных народов, активно продвигали в 1960-е годы повестку такой политики идентичности, результатом которой стало утверждение модели мультикультурного общества. В 2010-е – 2020-е годы ореол славы мультикультурализма померк в условиях, когда в «борьбу за идентичность» стали включаться все новые меньшинства и новые группы интересов [23, р. 273–396]. Результирующим вектором стало агрессивное продвижение практик «позитивной дискриминации» и размежевание обществ по многочисленным линиям, выдвигание множества групп «особых» интересов, требующих от государства социальной поддержки, а от большинства – признания своего права на преференции за счет самого государства. Политика идентичности однозначно трактовалась как «активизм социальных движений, борющихся за свой социальный статус» [24, р. 48].

Однако содержательная трактовка политики идентичности отнюдь не сводится к продвижению прав меньшинств или созданию преимуществ для одних, выступающих с позиций «ущемленной идентичности», в ущерб другим, не озабоченным таким вызовом. В современной политической науке утверждается такое понимание политики идентичности, которое опирается на анализ приоритетов, акторов и практик, формирующих идентичности сообществ в качестве ресурса их развития. Такая политика связывается с деятельностью государства и его институтов по поддержанию общих ценностных оснований принадлежности к политическому сообществу и общих ориентиров его развития, общих представлений о «нас» как народе, нации, стране, государстве, регионе. Под *политикой идентичности* в этом контексте понимается «деятельность по формированию и поддержанию национальной (национально-государственной), гражданской и иных форм макрополитической идентичности. Такая идентичность оказывается объектом целенаправленного воздействия и взаимодействия государства и групп интересов на путях формирования общих ценностей и ориентиров развития политического (национального, территориального) сообщества и групповых солидарностей внутри этого сообщества, поддержания чувства личной принадлежности к нему. Государство – ключевой актор политики идентичности в этом поле: оно использует институты социализации (систему образования, воинскую службу) и инструменты публичной

политики для легитимации властных институтов и для организации взаимодействия социальных субъектов вокруг определенной повестки дня, для вовлечения граждан в такие взаимодействия» [25, с. 647–648].

Ключевые направления политики идентичности формируются во взаимодействии государства и других субъектов политического процесса. Такая политика включает несколько составляющих, ключевые – это *символическая политика, языковая политика, политика памяти* и их проекции в *сферу образования*. Первая (символическая) «отвечает» за материальные и нематериальные формы воплощения идентичности в публичных пространствах, за такую социальную среду, в которой человек ощущает свою сопричастность общему делу и в то же время обретает свое место, позволяющее ему уверенно смотреть в будущее. Последовательная языковая политика призвана сохранять общее социокультурное пространство страны и практики межличностной коммуникации, поддерживать разнообразные языковые и культурные традиции, составляющие богатство многоэтнической и многокультурной нации.

Следующее направление – политика исторической памяти – организует взаимодействие между мнемоническими акторами. Растущий интерес к политике памяти в социальных науках связан с политизацией этой повестки в публичной сфере, особенно ввиду попыток пересмотра памяти о Второй мировой войне в странах Запада, а в странах Восточной Европы и ряде государств постсоветского пространства – наследия советского прошлого. Сегодня жесткие дискуссии в русле политики памяти разворачиваются и в публичной политике, и в научном поле вокруг осмысления колониального наследия и его роли в отношениях бывших метрополий и колоний в контексте постколониального дискурса.

Между тем формирование общего исторического нарратива как приоритета политики памяти на национальном уровне закладывает основы для преодоления разрывов в общественном сознании, для видения перспектив общественного развития на основе общих ориентиров идентичности. В этом контексте ведутся исследования, направленные на оценку влияния восприятия прошлого на национальное самосознание и на формирование общего пространства памяти и культуры России и Беларуси [26]. Проекция прошлого в настоящем отражается в политической картине мира, формируют национальную идентичность и поддерживают ориентиры цивилизационной идентичности.

Вместо заключения. О повестке идентитарных исследований. Российские исследователи рассматривают позитивную, ориентированную на вовлеченность в созидательные общественные процессы гражданскую *идентичность как ресурс общественного развития*. Политика идентичности может быть эффективным, действенным инструментом формирования и укрепления такой идентичности. Но она может работать и на решение краткосрочных политических задач, мотивированных узкогрупповыми интересами и не отвечающих

долговременным целям развития общества и государства, например, в случае ущемления права части граждан на использование родного языка или ущемления свободы вероисповедания и гонений на неудобные власти церковные структуры. В опыте ряда государств постсоветского пространства множатся негативные практики такого рода, усугубляющие идейно-политические размежевания в обществе, в то время как в основе социальной консолидации лежит позитивная, мотивированная на развитие идентичность.

Формирование повестки политики идентичности вписывается в систему приоритетов *политики развития*. Внимание к идентичности, практикам ее формирования и воплощения в публичном пространстве позволяет оценить возможности использования нематериальных, возобновляемых, интеллектуальных ресурсов для поисков ответов на стоящие перед человеком и обществом вызовы, для укрепления социальной солидарности как условия преодоления появляющихся рисков и экзистенциальных угроз. На таком фундаменте может выстраиваться политика *ответственного развития* [27, с. 83; 28]. Рассматривая парадигмальные характеристики современного общественного развития, мы считаем жизненно необходимым сделать упор на ответственном отношении человека к использованию ресурсов и распоряжению ими, но также на нравственной мотивации развития; устойчивость – доминирующее в современном публичном дискурсе понятие – оказывается одним из целевых ориентиров такого выбора. Формирование нарративов развития человека и общества, отвечающих новым вызовам и рискам, становится, в свою очередь, ключевым вызовом для социогуманитарного знания.

В российском научном сообществе формируется поле *идентитарных исследований*. Работающие в поле политических исследований ученые интегрируют категорию идентичности в инструментарий анализа социальных и политических процессов. Такие исследования включают изучение динамики идентичности как комплекса устойчивых и изменчивых представлений о человеке в разных измерениях социальной реальности и отражение этой динамики в социальных изменениях [14, с. 438]. В центре находится человек, его духовные ориентиры и нравственные устои. О важности осмысления такого предназначения человека напоминает митрополит Антоний Сурожский: «Мы посланы в этот мир, чтобы изменить его, и когда я говорю “изменить”, я думаю о многообразных путях, но меньше всего о политической или общественной перестройке. Первое, что должно произойти, – это перемена в нас самих, которая позволит нам быть в гармонии – гармонии, которую можно будет перенести, распространить вокруг нас. Это... важнее всякой перемены, которую можно стараться произвести вокруг себя иным способом» [29, с. 713]. Такое стремление к изменению себя зиждется на осознании ответственности за свой ценностный выбор как скрепы созидательной, позитивной *идентичности развития*.

Обращение к идентичности принципиально важно для осмысления глубинной связи личностного и общественного. В контексте идентитарных исследований в поле политической науки идут поиски синтеза индивидуального и надындивидуального, макрополитического измерений современных социальных процессов, стимулирующие рефлекссию о приоритетах и горизонтах общественного развития.

Список использованных источников

1. Erikson, E. H. Identity: Youth and Crisis / E. H. Erikson. – New York : W. W. Norton & Company, 1968. – 336 p.
2. Handbook of Identity Theory and Research : in 2 vols. / eds.: S. J. Schwartz, K. Luyckx, V. L. Vignoles. – New York : Springer, 2011. – 998 p.
3. Handbook of Self and Identity / eds.: M. Leary, T. J. Price. – New York : The Guildford Press, 2012. – 754 p.
4. Oxford Handbook of Identity Development / eds.: K. K. MacLean, M. Syed. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2014. – 625 p.
5. Goffman, E. The Presentation of Self in Everyday Life / E. Goffman. – New York : Garden City, 1959. – 272 p.
6. Tajfel, H. Social Identity and Intergroup Relations / H. Tajfel, J. C. Turner. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1982. – 268 p.
7. Rediscovering the Social Group: A Self-Categorization Theory / J. C. Turner, M. A. Hogg, P. J. Oakes [et al.]. – Oxford : Basil Blackwell, 1987. – 239 p.
8. Brubaker, R. Beyond “Identity” / R. Brubaker, F. Cooper // Theory and Society. – 2000. – Vol. 29, № 1. – P. 1–47.
9. Tilly, Ch. Political Identities in Changing Politics / Ch. Tilly // Social Research. – 2003. – Vol. 70, № 2. – P. 605–620. – DOI: 10.1353/sor.2003.0021
10. Encyclopedia of Identity : in 2 vols. / eds.: R. L. Jackson II, M. A. Hogg. – Thousand Oaks : Sage Publications, 2010. – 1000 p.
11. Политическая идентичность и политика идентичности : в 2 т. / отв. ред. И. С. Семеновко. – М. : РОССПЭН, 2011–2012. – Т. 1 : Словарь терминов и понятий. – 2011. – 208 с.
12. Политическая идентичность и политика идентичности : в 2 т. / отв. ред. И. С. Семеновко. – М. : РОССПЭН, 2011–2012. – Т. 2 : Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке. – 2012. – 471 с.
13. Идентичность: личность, общество, политика : энцикл. изд. / отв. ред. И. С. Семеновко. – М. : Весь Мир, 2017. – 992 с.
14. Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И. С. Семеновко. – М. : Весь Мир, 2023. – 512 с.
15. Гуревич, П. С. Идентичность как социальный и терминологический феномен / П. С. Гуревич, Э. М. Спирова. – М. : Канон+ ; РООИ «Реабилитация», 2015. – 352 с.
16. Дробижева, Л. М. Государственно-гражданская идентичность и межэтническое согласие: теоретические и социально-практические проблемы / Л. М. Дробижева // Власть. – 2014. – № 11. – С. 12–17.
17. Дробижева, Л. М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости / Л. М. Дробижева // Россия реформирующаяся : ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. – М. : Ин-т социологии РАН, 2008. – С. 214–228.
18. Пантин, В. И. Цивилизационная идентичность / В. И. Пантин // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И. С. Семеновко. – М. : Весь Мир, 2023. – С. 302–308.

19. *Ерасов, Б. С.* Цивилизации. Универсалии и самобытность / Б. С. Ерасов. – М. : Наука, 2002. – 524 с.
20. *Наумкин, В. В.* Модель не-Запада: существует ли государство-цивилизация? / В. В. Наумкин // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 4. – С. 78–93. – DOI: 10.17976/jpps/2020.04.06
21. *Weiwei, Zh.* The China Wave: Rise of a Civilizational State / Zh. Weiwei. – Hackensack, NJ : World Century Publ. Corp., 2012. – 240 p.
22. *Семененко, И. С.* Центры силы в мировой политике: диверсификация ресурсов лидерства / И. С. Семененко, В. В. Лапкин, В. И. Пантин // Полис. Политические исследования. – 2025. – № 5. – С. 112–134. – DOI: 10.17976/jpps/2025.05.08
23. *Routledge Handbook of Identity Studies* / ed. A. Elliott. – New York : Routledge, 2014. – 464 p.
24. *Bernstein, M.* Identity Politics / M. Bernstein // Annual Review of Sociology. – 2005. – Vol. 31, iss. 1. – P. 47–74. – DOI: 10.1146/annurev.soc.29.010202.100054
25. *Семененко, И. С.* Политика идентичности / И. С. Семененко // Идентичность: личность, общество, политика : энцикл. изд. / отв. ред. И. С. Семененко. – М. : Весь Мир, 2017. – С. 647–655.
26. Историческая культура белорусов и россиян: формирование представлений о национальном и общем прошлом : монография / П. С. Крючек, О. В. Матвеев, В. Н. Острога [и др.] ; под ред. П. С. Крючека, О. В. Матвеева ; М-во науки и высшего образования Рос. Федерации, Кубан. гос. ун-т, Бел. гос. технол. ун-т. – Краснодар : Кубан. гос. ун-т ; Минск : [б. и.], 2023. – 382 с.
27. Мир 2035. Глобальный прогноз / ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН ; под ред. акад. А. А. Дынкина. – М. : Магистр, 2017. – 352 с.
28. *Семененко, И. С.* Горизонты ответственного развития: от научного дискурса к политическому управлению / И. С. Семененко // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 3. – С. 7–26. – DOI: 10.17976/jpps/2019.03.02
29. *Антоний (Блум), митр. Сурожский.* Вызов современности / Антоний (Блум), митр. Сурожский // Труды : в 2 кн. / Антоний (Блум), митр. Сурожский. – 3-е изд. – М. : Практика, 2014. – Кн. 2. – С. 708–719.

Поступила 01.07.2025 г.

А. В. СВИРИДОВ,
*кандидат политических наук, доцент, проректор по идеологической
и воспитательной работе, Белорусский государственный университет
физической культуры, Минск, Беларусь
E-mail: swiridov_artem@mail.ru*

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Выполнен анализ истоков и социокультурных оснований современных форм представительной демократии. Выявляются и описываются цивилизационные, исторические и культурные предпосылки сложившихся политических систем разных стран. Анализируются причины, по которым аналогичные политические институты выполняют совершенно разные функции.

Ключевые слова: демократия, гражданское общество, цивилизация, политическая модель, представительство, выборы, избиратели

A. SVIRIDOV
*Candidate of Political Sciences, Associate Professor,
Vice-Rector for Ideological and Educational Work,
Belarusian State University of Physical Culture, Minsk, Belarus
E-mail: swiridov_artem@mail.ru*

SOCIO-CULTURAL FOUNDATIONS OF REPRESENTATIVE DEMOCRACY

An analysis of the origins and socio-cultural foundations of modern forms of representative democracy has been carried out. The civilizational, historical and cultural prerequisites of the established political systems of different countries are identified and described. The reasons why similar political institutions perform completely different functions are analyzed.

Keywords: democracy, civil society, civilization, political model, representation, elections, voters

Многообразие и сложность форм политической жизни современных государств определяются огромным спектром факторов и условий. К таковым, наряду с подходами, трактующими политику как концентрированное выражение экономики, относятся и менее, на первый взгляд, очевидные, но не менее значимые при этом причины и предпосылки.

Главным недостатком экономикоцентризма представляется чрезвычайно однобокое видение общества и государства. Концентрация внимания исключительно на материальных интересах в жизни социума не позволяет в полной мере выявить суть общественно-политического строя.

Исторический путь, цивилизационная принадлежность, культурный опыт влияют на особенности политического бытия народа не в меньшей степени,

нежели господствующий способ производства или уровень производительных сил.

Указанные «нематериальные» факторы обуславливают становление двух диаметрально противоположных типов государства и власти. С одной стороны, в традиционном обществе – имеющее жесткое иерархическое строение государство, которое обосновывает свою власть посредством идеологии или религии и функционирует по вертикали, элементы которой располагаются от высшего к низшему. Именно так выстраивалась властная вертикаль в Советском Союзе. С другой стороны – берущее на себя минимум обязанностей либеральное государство современного общества (общества модерна), которое получает свою легитимность «снизу» – посредством голосов граждан.

Эти два типа государства соответственно обладают совершенно разными ритуалами и символами отправления власти. Традиционное общество воспроизводит так называемое патерналистское государство, в котором отношения власти и подданных строятся по образу отношений отца и детей. Ясно, что представления о свободе, взаимных правах и обязанностях здесь принципиально иные, нежели в государстве западного общества, роль которого сведена к функции полицейского (государство – «ночной сторож»).

Формы политического устройства являют собой результат воздействия совокупности социокультурных предпосылок и потому ни в коей мере не могут выступать в качестве культурно нейтральных. Те или иные политические институты, которые зародились и сформировались в одном социуме (регионе), могут быть совершенно неприемлемыми для другого; не выполнять присущие им функции и не решать поставленных задач.

Соответственно, обозначенные культурно-цивилизационные зависимости не позволяют говорить о возможности существования идеальной, подходящей для всех стран и народов мира политической формы, в том числе об отдельных ее элементах, которые благополучно функционировали бы вне ареала своего возникновения. Этим объясняется отсутствие положительных результатов всех множественных попыток изменить мировое политическое пространство в целом и отдельных государств в частности по заранее написанным сюжетам западной либеральной демократии.

Исходя из сказанного особый интерес вызывает сопоставление представительской модели демократии и ее советского аналога.

Прежде всего заметим, что представительная парадигма политики западного образца оставляет за скобками так называемые высшие ценности, выдвигая на передний план исключительно интересы и выгоды конкретного человека. Политический процесс рассматривается сквозь призму расчета заложенных ресурсов и достигнутого результата. «Прагматики, ориентированные на интерес, значительно легче договариваются между собой, менее запальчивы и нетерпимы, чем романтические приверженцы принципов, которыми нельзя поступиться» [1, с. 167].

Политические цели и задачи в данном случае ценностно нейтральны. В них можно вкладывать любое содержание и любые нарративы. Мы сталкиваемся с ценностно всеядным человеком, для которого главным являются материальные интересы, а высших ценностей как будто бы нет. Это и делает возможным существование так называемого открытого общества. Открытого для всех тех, кто не обременен незыблемыми идеалами и твердыми убеждениями и готов верить и руководствоваться тому и тем, кому и чем выгодно верить и руководствоваться здесь и сейчас.

Для нынешнего либерализма эти установки гарантируют демократический плюрализм и, что главное, оставляют пространство и резерв для людей разного этнического и конфессионального происхождения.

В западном политическом дискурсе отчетливо дает о себе знать религиозно-морализаторское отношение к политике. В ней видится столкновение сил Добра и Зла. «В пронизанной манихейскими предчувствиями атмосфере политическая терпимость едва ли является возможной, а политический плюрализм воспринимается как циничная всеядность – преступное равнодушие к итогам схватки сил Добра и Зла» [2, с. 160].

Не находится места в западной плюралистической демократии объективной истине. Акцент делается на калейдоскопе отдельных мнений и позиций. В этом смысле каждая точка зрения, каждая мнимость всегда будут демократичнее истины, потому что мнений много и они могут бесконечно конкурировать друг с другом, конъюнктурно меняться, тогда как истина всегда неуступчива, будучи нелиберальной по своей природе. Другими словами, западная политическая модель представительства основывается на исключении идеалов и ценностей из спектра принимающихся во внимание ключевых факторов формирования общественно-политического пространства.

Выделяется еще один немаловажный аспект представительной демократии. Она не предполагает наличия в обществе единого, всеми разделяемого высшего интереса. Общее в такой парадигме представляет собой совокупность индивидуальных позиций и стремлений.

По-другому и быть не может. Гражданское общество не предполагает наличия одного актора, который будет претендовать на монопольное выражение интересов всего общества. В силу несовпадения групповых интересов отсутствуют какие-либо основания говорить об общем интересе, который рассматривается как пережиток тоталитарного (авторитарного) порядка. «Внутренне единство общества отрицается принципиально, как утрата свободы, как тоталитаризм» [3, с. 44].

Это и является одним из приводных ремней и предпосылкой всей устойчивости модели представительной демократии, в которой выборы представляют собой рынок политических идей и программ, где партии их «продают», получая плату в виде голосов избирателей. В свободной конкуренции групповых интересов победа остается за сильнейшим.

В политических моделях незападного образца выборы выступают в качестве плебисцита, организованного, по сути, для решения одной задачи – граждане страны должны явиться и одобрить единую линию государства. Именно в этом заключалась важность явки на выборы в Советском Союзе. Суть была не в кандидатах и их программах, а в том, что участием в голосовании гражданин говорил «да» выбранному политическому курсу.

При этом имеется сущностное отличие природы феномена голосования в разных представительных системах. На Западе в основе голосования по тому или иному вопросу лежит явление конкуренции и борьбы. В ней всегда один победитель – самый сильный и успешный. Нередко победа одерживается с минимальным перевесом – вплоть до одного голоса. В выборных органах СССР голосование представляло собой процедуру согласования, поиск общего, устраивающего всех решения. Здесь во главе угла лежит обеспечение единогласия. Другими словами, главная задача депутатов Советов разного уровня заключалась в необходимости сообща выработать и поддержать направление действия (стратегию).

Еще одним концептуальным элементом либеральной представительной демократии является то, что в ней электоральное большинство рассматривается как сумма избирателей-индивидов, противостоящих один одному и являющихся объектами манипуляций.

Само выражение «борьба за голоса избирателей» теряет всякий смысл в том случае, если люди начинают голосовать в соответствии исключительно со своими социально-экономическими интересами и приверженностью своей социальной группе. В таком случае результат выборов всегда был бы известен заранее исходя из удельного веса соответствующих классов в обществе. В такой ситуации партии буржуазно-либерального меньшинства всегда оказывались бы в проигрыше.

Именно поэтому для буржуазной демократии идеальным избирателем выступает индивид, не идентифицирующий себя с тем или иным классом и голосующий за представителей разных партий. Только тогда, когда индивиды начинают вести себя как свободные электроны, из них можно формировать текучий демократический электорат, меняющий свои очертания от одних выборов к другим.

И совершенно иное дело, когда речь идет о таком субъекте истории, как народ, наделенный своей коллективной волей. Последняя может быть известна заранее и несводима к воле составляющих индивидов, живущих под знаком своих мелких частных интересов.

«Народ» превращается тем самым в оппонента современной представительной демократии. «Оказалось, что он обладает почти всеми грехами: коллективной идентичностью, исключаящей последовательный индивидуализм и плюрализм (свободные перемещения индивидов вдоль социально-политического

спектра); коллективной верой (или верованиями), мало совместимой с плюралистической всеядностью демократии; коллективной исторической памятью, создающей основы внепрагматических выборов и предпочтений» [1, с. 161].

Отсюда становится очевидной принципиальная несовместимость народа и плюралистической демократии, народа и гражданского общества, народа и прав человека. Тотально несовпадающими становятся либеральное понятие гражданского общества и нелиберальное понятие народа. В первом случае речь идет о личном выборе, во втором – о коллективной судьбе.

Последовательно либеральная точка зрения состоит в том, чтобы на место народа как субстанциональной общности, являющейся исторической и моральной «данностью» для всякого, к нему принадлежащего, поставить понятие интересубъективности – общности, поминутно рождаемой в ходе взаимодействия автономных индивидов.

Также ключевое значение для успешного функционирования представительной демократии имеет понимание человека как атома, как свободного индивидуума, не связанного общинными или коллективистскими узами. Такое восприятие человека возникает на Западе в результате Реформации, Просвещения и буржуазных революций на протяжении XVI–XVIII вв. Человек становится атомом человечества – свободным, неделимым, находящимся в непрерывном движении и соударениях. По этому поводу российский мыслитель С. Кара-Мурза замечает: «Когда средневековая Европа превращалась в современный Запад, произошло освобождение человека от связывающих его солидарных, общинных человеческих связей. Капитализму был нужен человек, свободно передвигающийся и вступающий в отношения купли-продажи на рынке рабочей силы» [3, с. 90].

Само формирование гражданского общества в западном его прочтении требовало разрушения всяческих общинных, солидарных связей и превращения людей в индивидуалистов, которые уже затем соединяются в классы и партии, чтобы вести борьбу за свои интересы. Это полное, принципиальное отрицание соборной личности, формирующейся вне ареала западной представительной политической культуры.

Религиозный философ Н. Бердяев писал: «У нас совсем не было индивидуализма, характерного для европейской истории и европейского гуманизма, хотя для нас же характерна острая постановка проблемы столкновения личности с мировой гармонией... У нас все против индивидуалистической культуры, все ищут культуры коллективной, органической, “соборной”, хотя и по-разному понимаемой» [4, с. 87].

Соборный человек не изолирован и не противопоставлен миру и другим людям, он связан со всеми людьми и со всеми вещами и отвечает за них. Такой человек всегда включен в солидарные группы. Именно здесь, в западном политическом пространстве, мы видим совершенно иное прочтение

феномена гражданского общества. Это среда, «воодушевленная глубоко содержательными социальными вопросами, касающимися реальных прав трудящихся на предприятии, прав жителей региона, прав потребителей, имеет своей основой понятие народа. Именно народ сохраняет в своем мышлении тягу к реальной гражданской сфере в ее социальном значении, тогда как “профессиональные либералы” интересуются только правами “крикливого меньшинства”, живущего “политико-идеологической надстройкой”» [1, с. 173].

Иными словами, ставя цель скопировать западную либерально-представительную модель демократии и распространить ее на другие регионы мира, не стоит забывать о ее глубинных социокультурных предпосылках. Игнорирование последних чревато вечным движением по кругу, что, впрочем, не ново для человеческой истории.

Список использованных источников

1. *Панарин, А. С.* Стратегическая нестабильность в XXI веке / А. С. Панарин. – М. : Алгоритм : Эксмо, 2004. – 636 с. – (Горячая линия. Философия).
2. *Панарин, А. С.* Политология : учеб. пособие / А. С. Панарин. – М. : Проспект, 1997. – 408 с.
3. *Кара-Мурза, С. Г.* Истмат и проблема Восток–Запад / С. Г. Кара-Мурза. – М. : Алгоритм, 2001. – 256 с.
4. *Бердяев, Н.* Самопознание / Н. Бердяев. – М. : Азбука-Классика, 2010. – 416 с.

Поступила 14.05.2025 г.

Е. А. ГЛУШАКОВА,
магистр политических наук,
Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
E-mail: lizaveta0320@gmail.com

ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРИМЕНЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ МЕТАМОДЕРНИЗМА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Анализируется концепция метамодернизма с позиций ее эвристического потенциала для развития политической науки. Автор экстраполирует общую концепцию метамодернизма как структуры чувства на компоненты политической системы и политические процессы. Особое внимание уделено попытке концептуализировать политологический метамодернизм как релевантную систему понимания, анализа и прогнозирования актуальных политических процессов, событий и закономерностей. Дискуссионным продолжает оставаться вопрос о влиянии метамодернизма на актуальную политическую повестку, так как фактор риска в метамодерне определяется снятием запрета на насилие (реальное и символическое).

Ключевые слова: метамодернизм, политика, осцилляция, политический метамодернизм

E. GLUSHAKOVA,
Master of Political Sciences,
Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
E-mail: lizaveta0320@gmail.com

HEURISTIC POTENTIAL OF APPLYING THE CONCEPT OF METAMODERNISM IN POLITICAL SCIENCE

The concept of metamodernism is analyzed from the standpoint of its heuristic potential for the development of political science. The author extrapolates the general concept of metamodernism as a structure of feeling to the components of the political system and political processes. Special attention is paid to the attempt to conceptualize political science metamodernism as a relevant system of understanding, analysis and forecasting of actual political processes, events and patterns. The question of the influence of metamodernism on the current political agenda remains debatable, since the risk factor in metamodernism is determined by the removal of the ban on violence (real and symbolic).

Keywords: metamodernism, politics, oscillation, political metamodernism

Кризис и разочарование в идеалах постмодернистской парадигмы миропонимания подтверждает трансформационный потенциал современности. «Постмодернизм воспринимается многими как умозрительная конструкция, неоправданно растиражированная философами и литературоведами, а многие его критики констатируют смерть постмодернистской идеологии, при этом не предлагая сколь-нибудь внятной позитивной альтернативы» [1].

Критика постмодернизма связана с значительной волной его влияния на политическое пространство: популяризовались концепты плюральности, эклектичности, гетерогенности, релятивизма и символизма, что в итоге сформировало теоретический подход в политологии, обозначаемый термином «политологический постмодернизм». Феномен гибридных идеологий (феминизм, альтерглобализм, экологизм и др.), политико-правовая деконструкция, тотальная и безграничная плюральность, новые политические технологии (манипуляция политическим дискурсом, политический фрейминг, использование симулякров); шоу-политика стали обликом политической действительности и предметом политологического постмодернизма.

Французский политический философ К. Лефор отмечал, что в мире возникает новое общество, в котором власть, право и знания испытывают радикальную неопределенность [2]. Английский литературовед и теоретик культуры А. Кирби пишет о смерти постмодернизма, вместо которого зарождается «новая парадигма авторитета и знаний, сформированная под давлением развивающихся технологий и современных социальных сил» [3].

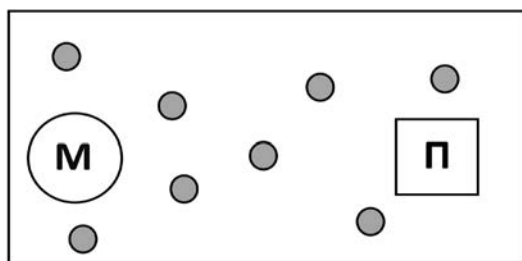
Исследовательский интерес вызывают трансформации в политической сфере, не отвечающие законам постмодернистской логики. Здесь появляется запрос на объяснение новых политических форм.

Период, следующий за постмодернизмом, исследователи обозначают как «пост-постмодернизм» (зонтичное понятие), который наполнен следующими вариациями: неомодерн, метамодерн, ремодерн, гипермодерн, космодерн, реновализм, диджимодерн, автомодерн, псевдомодерн, альтермодерн. В представленном перечне наибольшей популярности достиг концепт метамодерна. *Политический метамодернизм* есть новый взгляд на политику, модифицирующий не только внешние формы, но и внутренние политические смыслы.

Исследование нового концептуального оформления общества (метамодернизм) и пересмотр традиции постмодернизма отличаются высокой актуальностью и вызвали интерес у ряда исследователей, таких как Т. Вермюлен, Р. Аккер, Л. Тернер, А. Гиббонс, Х. Фрейнахт (псевдоним Даниэля Гёрца, шведского интеллектуала и политического теоретика), А. Кирби, Б. Демпси, Д. Сторм, Ю. Тауфик, Д. Хохлова, Д. Поляков, И. Филатов, О. Митрошенков, Д. Соловьев, Д. Егоров, Н. Афанасов, Г. Ирицян.

Цель статьи – определить эвристический потенциал концепции метамодернизма в рамках развития политологического знания.

Авторы концепта метамодерна Т. Вермюлен и Р. Аккер представляют его нам не как философию, программу, систему или движение, а исключительно в качестве «структуры чувств» [4]. Исследователи вводят в научный оборот «незамкнутую» структуру, имеющую собственные формы восприятия. Эти формы не отрицают модерн и постмодерн, они осциллируют (колеблются) между двумя мировоззренческими системами (см. рисунок).

Осцилляция метамодернистских структур чувств (●) между «модерном» (М) и «постмодерном» (П) (разработано автором)

По мнению В. Гагина, метамодерн предлагает радикальную открытость, устремленность к трансцендентному, уход от стандарта в пользу творчества, становясь истиной где-то посередине универсальных истин и радикальных идей модерна и постмодернистским отрицанием, и сомнением [5]. Метамодернистская структура чувств выступает исследовательским полем, которое наполняется различными концепциями, к примеру, культурная концепция метамодернизма, философская концепция метамодернизма, психологическая концепция метамодернизма, и наполняет их интегративной онтологией.

Метамодернизм также влияет на политическое пространство и политические отношения, наполняющие это пространство. Обратим внимание, что метамодернистские установки в политике колеблются от модерна к постмодерну, следовательно, политика сегодня включает в себя установки как прямой рациональности и силы, так и символизма и плюральности. Например, феномен «цветных революций», который принято считать продуктом постмодернизма, отличается метамодернистской релевантностью, то есть представляется нам как метаморфозная форма осцилляции между модерном и постмодерном: ни одна «цветная революция» не обошлась без жертв и насилия, что говорит о ее модерном начале, однако такие революции напрямую не предполагают использование фактора силы, а задействуют постмодернистскую перформативность.

Несмотря на тот факт, что существует достаточное количество исследователей и работ, описывающих сущность метамодерна, данный концепт фиксируется преимущественно как философская и культурологическая теория, при этом абстрагируясь от политэкономической тематики современности и эволюции капитализма последних десятилетий [6, с. 160]. Такое замечание имеет под собой рациональное основание в части проблемы редуцирования описательных моделей метамодерна, исключая политические и политически релевантные аспекты и формы.

Шведский интеллектуал и политический теоретик Х. Фрейнахт в своих работах «Слушающее общество» (2017 г.), «Скандинавская (нордическая) идео-

логия» (2019 г.) выдвинул и обосновал концепцию политического метамодернизма. Цель политического метамодернизма у Х. Фрейнахта – перевод «современной» стадии развития общества (либеральная демократия, партийная политика, капитализм, государство всеобщего благосостояния) к следующей стадии развития – «метамодернистской». Новая стадия (метамодернистская) «стремится превзойти либеральную демократию как политическую систему, превзойти все политические партии и их идеологии, превзойти капитализм как экономическую систему, а также превзойти и заменить нашу нынешнюю систему социального обеспечения» [7].

По мнению шведского исследователя, политический метамодернизм полезен для решения проблем общества, таких как экологический кризис; нестабильность экономики; чрезмерное глобальное неравенство; широко распространенная тревога, или «отчуждение», которую испытывают современные люди; проблемы глобальной миграции; переход к постиндустриальной, роботизированной и цифровизированной экономике; проблемы транснационального управления [7].

В свою очередь О. А. Митрошенков выделяет четыре концептуальные рамки, с помощью которых представляется возможным идентифицировать метамодерн как новый виток развития системы общественных отношений: виртуализация пространства социальных взаимодействий, «глокализация» сообществ в рамках глобализации, транссентиментализм, созидание технообразов, служащих своеобразными аттракторами социальных взаимодействий [8].

«...Характеристикой этого нового исторического поворота, – отмечает Д. Б. Поляков, – является реконфигурация неолиберализма или очередная модернизация капитализма, вызванная повсеместной компьютеризацией и распространением социальных сетей» [9, с. 60]. По мнению Д. А. Соловьева, «ориентация на реальные вещи, интерес к первопричине, прагматизм, бинарные оппозиции, поиск аутентичности, историзм, реконструкция, дуальность, колебание между парадигмами модерна и постмодерна» есть репрезентация сущности метамодернистских начал в социальной среде [6, с. 165].

Далее Д. А. Соловьевым проведен сравнительный анализ экономических тенденций XXI века с философско-культурологическими основами метамодерна, на основании чего он делает выводы о наличии корреляции, что доказывает факт «зарождения» метамодернистских установок в современном обществе (табл. 1).

Автором данной статьи была переработана концепция А. Д. Соловьева путем экстраполяции на политическое пространство, политические институты и политические процессы (экономические тенденции XXI века были заменены на политические тенденции XXI века) (табл. 2).

Специфика трендов в 20-е годы XX века во многом обусловлена метаморфозными следствиями повсеместной цифровизации и медиатизации, а также

Эвристический потенциал применения концепции метамодернизма

внедрением в общественно-политическое пространство технологий искусственного интеллекта. При этом «социальные сети, мессенджеры и другие цифровые платформы, помимо декларируемых возможностей быстрого и удобного обмена информацией и организации взаимодействия людей на расстоянии, стали также неотъемлемой частью современных “гибридных войн”» [10]. Метамодернизм сохраняет тенденцию к информатизации и медиадизации политических процессов.

Таблица 1. Соотношение экономических тенденций XXI века и философско-культурологических основ метамодернизма [6, с. 164–165]

Экономические тенденции XXI века (базис)	Философско-культурологические основы метамодернизма (надстройка)
Возрастание социального неравенства, отсутствие стремлений к его преодолению; замедление социальной мобильности	Ориентация на реальные ситуации и вещи
Возрождение традиционных основ новоевропейского (дерегулированного) капитализма	Интерес к первопричине; историзм; реконструкция; поиск аутентичности
Реставрация классической поляризованной модели социальной структуры (элита – массы)	Бинарные оппозиции; дуальность
Сокращение государственных затрат на социальную сферу	Прагматизм

Таблица 2. Соотношение политических тенденций XXI века и философско-культурологических основ метамодернизма

Политические тенденции XXI века	Философско-культурологические основы метамодернизма
Перенос или копирование части политических процессов в цифровое пространство; применение искусственного интеллекта в политике	Виртуализация (цифровизация)
Актуализация феномена «исторической памяти», «политики памяти»; расширение коммеморативных практик	Интерес к первопричине; историзм; реконструкция; поиск аутентичности
Использование идеологии «нового популизма» (правый популизм + левый популизм) на фоне процесса пересмотра отношения к идеологии	Бинарные оппозиции; дуальность
Рост влияния консервативно настроенных политических сил	Транссентиментализм
Феномен «цветных революций»	Осцилляция

Усиление миграционного кризиса, отсутствие достаточного уровня поддержки населением политических элит (например, Германия, О. Шольц), а также активизация процессов по «переписыванию истории» – тенденции, формирующие запрос на рост влияния национализма как идеологии, расширение коммеморативных практик, институционализацию феномена «исторической памяти».

Идейные основания постмодернизма стали предпосылкой для возникновения новых идеологий – гибридных. Гибридная идеология – эклектичная система взглядов, не имеющая четкого концептуального основания и ориентации на определенного социального носителя, характеризующаяся стремлением к интеграции с другими идеологическими течениями (феминизм, антиглобализм, экологизм). Классические идеологии по-прежнему репрезентативны в публичном дискурсе, однако трансформируются, приобретают качества и характеристики гибридных идеологий для того, чтобы не утратить своего влияния. В свою очередь, метамодернистское идеологическое пространство предполагает ситуацию пересмотра отношения к институту идеологии: на смену эклектичным мозаичным идеологическим течениям постмодернизма приходят строго выверенные идеологии, как правило, националистического и патриотического толка. Рост популярности национализма связан с миграционным кризисом и потерей национальной идентичности. «Новый национализм вызван к жизни тем, что значительное число европейцев не смогло приспособиться к условиям постиндустриального этапа и глобализации. Одним из главных приоритетов нового национализма является защита национальной идентичности от иммигрантов, изменение иммиграционной политики властей в своих странах», что касается прежде всего политики стран Европейского союза [11, с. 88].

Сущностными отличиями цветных революций от революций в классическом понимании следует считать: ненасильственный характер; осуществление борьбы психологическими, экономическими и политическими средствами и методами; разрешение проблем цивилизационного, а не формационного блока. Однако обратим внимание на то, что зачастую эти процессы и события идут параллельно с применением силы в ее классическом понимании, что делает феномен «цветных революций» маятником, который раскачивается от состояния «жесткой силы» к состоянию «мягкой силы».

Определим группу факторов, с помощью которых мы можем идентифицировать и фиксировать метамодернистские тенденции:

– рост популярности национальных идей (Д. Трамп и его лозунг «Сделаем Америку снова великой»; возрастание интереса к партии Альтернатива для Германии);

– ориентация на государственный строй и его защиту (метаморфозные состояния суверенитета, к примеру, электоральный суверенитет, информационный суверенитет);

– институционализация «исторической памяти» и «политики памяти», распространение коммеморативных практик как политико-управленческих технологий воздействия на массы;

– переход от мультикультурализма, глобализации к идеям регионализации и постглобализации/деглобализации (нарастание миграционного кризиса);

– «реконструкция» идеологии: от деидеологизации к реидеологизации («снятие» постмодернистского запрета на идеологии и возрастание роли «нового популизма», отражающего метамодернистскую дуальность). К примеру, А. Меркель может рассматриваться как представитель нового популизма: внешняя политика Германии выстраивается по логике единого политико-экономического европейского пространства, а внутренняя является спорадической, с опорой на общественную поддержку и тренды [12];

– продолжающаяся сетевизация, то есть функционирование сетевых движений протестного толка, направленных против неравенства, нарушения демократических прав и свобод, мигрантов (к примеру, движение Оссуру, политические перформансы альтерглобалистов) [9].

Эвристический потенциал концепции метамодернизма в развитии политической науки обусловлен релевантностью предлагаемой системы принципов и объяснительных конструкций к политической действительности. Цифровизация и использование искусственного интеллекта, популяризация коммеморативных практик, институционализация «исторической памяти», реидеологизация и укрепление позиций «нового популизма», а также смещение центра влияния от глобализации к глокализации и регионализация рассматриваются нами как индикаторы метамодернистских установок в политике.

После периодов модерного «варварства» и постмодернистской тотальности запретов мы пришли к новому состоянию, когда характеристики модерна и постмодерна нашли точки консолидации и не отрицают друг друга. Новая «структура чувства» ориентирует нас на выбор между формами прямого насилия и мягкого символического воздействия. Метамодерн опасен тем, что снимает запрет на насилие. В связи с этим сегодня необходимо уметь находить баланс и оставаться в метамодернистском ядре – метаксисе.

Список использованных источников

1. *Емелин, В. А.* Кризис постмодернизма и потеря устойчивой идентичности / В. А. Емелин // Национальный психологический журнал. – 2017. – № 2 (26). – С. 5–15. – DOI: 10.11621/npj.2017.0202
2. *Lefort, C.* Democracy and Political Theory / C. Lefort ; transl. by D. Macey. – Cambridge : Polity Press in association with Basil Blackwell, Oxford, 1988. – viii, 295 p.
3. *Кирби, А.* «Смерть постмодернизма и не только». Философия сейчас / А. Кирби. – 2006. – URL: <http://art-tech.arts.ufl.edu/~jack/home/images/a/ae/DoPaB58.pdf> (дата обращения: 30.03.2025).
4. *Вермюлен, Т.* Заметки о «Заметках о метамодернизме» / Т. Вермюлен, Р. ван ден Аккер ; пер. В. Сербинская // METAMODERN: журнал о метамодернизме : [интернет-журнал]. – URL: <https://metamodernizm.ru/misunderstandings-and-clarifications> (дата обращения: 14.03.2025).

5. Гагин, В. Постмодернизм спутал способ достижения цели с самой целью / В. Гагин // Retrieved from Stenogramе: проект о культуре, искусстве и неформальных практиках существования : [сайт]. – 2016. – URL: <https://stenogramе.ru/b/the-hunt/metamodern.htm> (дата обращения: 14.03.2025).

6. Соловьёв, Д. А. К философскому обоснованию теории метамодернизма: социально-экономический аспект / Д. А. Соловьёв // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2024. – Вып. 1. – С. 159–171. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-filosofskomu-obosnovaniyu-teorii-metamodernizma-sotsialno-ekonomicheskiy-aspekt> (дата обращения: 01.04.2025).

7. Freinacht, H. The Listening Society: Possible and Necessary / H. Freinacht // METAMODERNA : [site]. – 29 August, 2017. – URL: <https://meta-moderna.org/the-listening-society-possible-and-necessary/> (date of access: 05.03.2025).

8. Митрошенков, О. А. Постпостмодернизм как предчувствие / О. А. Митрошенков // Социально-гуманитарные знания. – 2013. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postpostmodernizm-kak-predchuvstvie> (дата обращения: 25.03.2025).

9. Поляков, Д. Б. Политическое измерение метамодернизма / Д. Б. Поляков // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. – 2020. – № 2. – С. 58–66.

10. Капитанов, А. Дипфейк: невинная технология для развлечения или угроза современному обществу / А. Капитанов, Ю. Линдре // Российский совет по международным делам : [сайт]. – 22 сент. 2022. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/dipfeyk-nevinnaya-tekhnologiya-dlya-razvlecheniya-ili-ugroza-sovremennomu-obshchestvu/?ysclid=m9lfe2m1tu899468446> (дата обращения: 01.04.2025).

11. Узнародов, И. М. Новый национализм в современной Европе / И. М. Узнародов // Современная Европа. – 2015. – № 5 (65). – С. 79–90.

12. Хохлова, Д. Д. Как метамодерн привел к политической сатире и новому популизму / Д. Д. Хохлова // Власть. – 2017. – № 8. – С. 59–63. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kak-metamodern-privel-k-politicheskoy-satire-i-novomu-populizmu> (дата обращения: 08.03.2025).

Поступила 11.05.2025 г.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

УДК 323.1:316.482

С. М. АЛЕЙНИКОВА,
*доктор политических наук, доцент, аналитик,
Белорусский институт стратегических исследований, Минск, Беларусь
E-mail: alejnsvetlana@yandex.ru*

«ВОЙНЫ ПАМЯТИ» КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ: ЦЕЛИ, ФУНКЦИИ, БЕНЕФИЦИАРЫ

Выполнен анализ актуальных подходов и моделей реализации исторической политики и «войн памяти». Основу модели составляет анализ технологий и инструментов трансформации общественного сознания в отношении восприятия Великой Отечественной войны. Делается вывод о том, что «войны памяти» целесообразно рассматривать не только в рамках исторической науки, но прежде всего с социологического и политологического ракурсов. Процессное моделирование позволяет оценивать степень воздействия на общественное сознание чуждых исторических нарративов и выстраивать прогноз развития ситуации.

Ключевые слова: историческая память, историческая политика, процессное моделирование, политические технологии

S. ALEINIKOVA,
*Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Analyst,
Belarusian Institute for Strategic Studies, Minsk, Belarus
E-mail: alejnsvetlana@yandex.ru*

“MEMORY WARS” AS A POLITICAL TECHNOLOGY: GOALS, FUNCTIONS, BENEFICIARIES

The analysis of current approaches and models for the implementing historical policy and “memory wars” is carried out. The model is based on the analysis of technologies and tools for transforming public consciousness in relation to the perception of the Great Patriotic War. It is concluded that “memory wars” should be considered not only within the framework of historical science, but primarily from the standpoint of sociological and political science. Process modeling allows assessing the degree of impact of alien historical narratives on public consciousness and making a forecast of the development of the situation.

Keywords: historical memory, historical politics, process modeling, political technologies

Введение. Большинство публикаций по теме «войн памяти» затрагивают такие их аспекты, как понимание самого термина, их внешнеполитический контекст, технологии трансформации исторической памяти и противодействие искажению истории, необходимость патриотического воспитания молодежи,

роли исторической науки, культуры, религии и других институтов в формировании и межпоколенческой передаче памяти и т. д. [1; 2].

При всей многочисленности и большом разнообразии работ по исторической политике, они, как правило, касаются механики ее реализации либо рефлексии по поводу текущих или уже состоявшихся процессов – чаще всего в виде иллюстрации фактов фальсификации истории. Анализ, таким образом, охватывает лишь финализированный этап «войн памяти». При этом процессы формирования исторической памяти нельзя отнести к эволюционным процессам – в большинстве случаев они являются четко направленными, управляемыми, имеют типовую структуру и ограниченный набор субъектов, каждый из которых выполняет заданную ему функцию.

В связи с этим *целью* работы стало выявление общих закономерностей и моделей реализации «войн памяти».

Модели исторической памяти. Моделирование служит одним из наиболее эффективных методов анализа и управления, поскольку применяется в рамках системного подхода в условиях как локальных, так и открытых социальных и политических систем. В общем виде под моделированием понимается построение: а) аналога объекта, б) образца, идеального образа объекта. В качестве основных характеристик объекта выступают, во-первых, множественность структурных элементов и взаимосвязей между ними и, во-вторых, наличие влияния на объект внешних факторов и условий. Соответственно моделирование позволяет выявить и проанализировать цель и основные направления воздействия на объект, структурные составляющие, динамику развития и иные элементы.

В общественно-политических дисциплинах сложилось значительное количество подходов к моделированию, к наиболее распространенным из которых можно отнести системные, структурно-функциональные, факторные, нормативные, когнитивные и др. В настоящее время нет единого подхода к моделированию исторической политики и «войн памяти». Анализ имеющихся многочисленных работ позволяет различать закладываемые в них функции и на этой основе выделить следующие модели:

традиционалистская, направленная на поддержание и воспроизводство в обществе устойчивых представлений через традиционные инструменты системы образования (школьные и вузовские программы, краеведение, музейная деятельность, искусство и т. п.). Примером может служить советская практика формирования и сохранения исторической памяти, привязанная к жизненному циклу человека – от детской дошкольной литературы, кино до выработки специального церемониала, чествования ветеранов, торжественных мероприятий;

легитимирующая, в которой история (историческая память) рассматривается преимущественно как инструмент формирования доверия власти и леги-

тимации принимаемых ею решений. Инструментами выступают образование, медиа и иные институты, транслирующие провластную повестку. Можно также отметить подход, согласно которому история «все чаще заменяется образом священного прошлого (мифом о происхождении)» и «широко применяется для легитимизации политических, экономических, социальных и культурных прав этнической группы» [3]. Пример – российская политика монополии памяти и героизации событий Великой Отечественной войны при одновременном устойчивом курсе на «десоветизацию» истории (советских ценностей, идей социализма и т. д.);

приближенной по функциональному наполнению к легитимирующей является *прагматическая модель*, которая служит для получения вполне конкретных материальных выгод и «определенных предпочтений (например, лояльности элит в конкретных вопросах) и в то же время может быть направлена на формирование символического капитала самой власти» [4, с. 227]. Отличительной чертой модели можно назвать ее ориентированность на внешний контур – международное сообщество. Пример – историческая политика в ряде постсоветских стран с героизацией военных преступников и сносом советских памятников как одно из условий получения внешнего финансирования;

конструктивистская, наиболее теоретически разработанная, в которой под исторической памятью понимается конструирование желаемых взглядов, оценок, преемственности мировоззрения и идейных посылов. Рассматривается в русле концепций социальной рамки памяти М. Хальбвакса, культурной памяти Я. Ассмана, «мест памяти» П. Нора, «культурной травмы» и «общества травмы» П. Штомпки и Ж. Тощенко и др. Пример – современные модели исторической памяти большинства европейских и постсоветских государств. Кроме того, в последние годы отдельным направлением в «перепрошивке» исторической памяти становится ее цифровизация (*digital memory studies*) [4, с. 14–15]. В научный оборот и политтехнологическую практику введены такие понятия, как «феномен гибкой памяти», «цифровая память», «геймификация прошлого». Соответственно обновляется перечень инструментов «войн памяти»: «режим забвения», «исторический мем», «симуляция истории», «тикток память».

достаточно распространенной разновидностью конструктивистских моделей является *этнонациональная модель*, цель которой, как правило, состоит в формировании национальной идентичности как инструмента обоснования прав и статуса отдельных этносов. Подобные модели историческими можно назвать лишь условно, поскольку они во многом определяются социально-политическим контекстом и максимально приближены к работе с общественным мнением: «...общество отбирает факты или даже псевдофакты, которые помогают ему обрести себя, обеспечить себе достойное место в современном

мире и облегчают доступ к тем или иным ценным ресурсам, будь то реальное политическое положение или символический престиж» [5, с. 16]. Основным инструментом выступает виктимизация идентичности, то есть представление себя в виде жертвы. Примером могут служить модели исторического прошлого неокOLONиальных стран и этносов, выстраивание взаимоотношений титульных, коренных и малочисленных этносов в многонациональных странах (США, СССР, Россия, страны Центральной Азии, Закавказья и т. д.);

лингвистическая, подразумевающая актуализацию исторической памяти через языковые модели, целью которых служит «якорение» в общественном сознании нужных идей и смыслов. Инструментом выступает образное, эмоциональное воздействие на сознание индивида, в связи с чем ее можно назвать одной из наиболее эффективных. В качестве примера можно привести советское искусство, слоганы и нарративы которого сохраняют свой мобилизационный и консолидирующий потенциал и сегодня.

Возрастающее внимание профильными научными структурами (например, кафедра исторической информатики Московского государственного университета) уделяется обоснованию *математических моделей исторических процессов*, предполагающих использование математического аппарата для вычисления возможных траекторий развития событий. Инструментами служат дифференциальные уравнения, синергетика и нелинейная динамика, вероятностные, имитационные, прогностические, измерительные модели, семантические сети, фреймы, нейросети и др. [7].

Основная сложность в моделировании исторических и социальных процессов состоит в их операционализации, то есть возможности применения к ним единых алгоритмов, переменных и индикаторов. Поэтому в математических моделях за рамки анализа выносятся теоретические и методологические основания истории, а выбор отбираемых фактов или концептов априори является субъективным (конвенциональным). В то же время, как показывают исследования, именно математические модели закладываются в основу большинства тематических компьютерных игр, служащих одним из наиболее эффективных инструментов в «войнах памяти», создании и популяризации «альтернативной истории».

Краткий обзор сложившихся на сегодня моделей исторической политики позволяет сделать предварительный вывод об их приближенности прежде всего к социально-политическому контексту. Это связано с тем, что *историческая память всегда функциональна, при этом основная функция во всех моделях – изменение общественного мнения и массового сознания для достижения конкретных политических целей* (легитимация власти, удовлетворение геополитических амбиций, продвижение бизнес-интересов и получение преференций крупных международных игроков, обеспечение лояльности элит, электората, общества в целом и т. д.).

Понимание *политической сущности конструирования коллективной памяти* снимает противоречия, связанные с научными изысканиями и интерпретацией истории, и выдвигает на первый план уже не историю как науку, а социологические, политологические, политтехнологические подходы к изучению «войн памяти». Кроме того, общим пробелом в рассмотренных моделях видится отсутствие описания направленности процессов, их конечных целей, протяженности во времени и пространстве. В связи с этим наиболее соответствующим объекту изучения представляется процессное моделирование.

Процессные модели. Процессы отражают последовательность и взаимосвязь между действиями, а также необходимые ресурсы и условия выполнения заданных целей. При этом полномочия управления процессами с обозначением границ ответственности за результат передаются руководителям (владельцам) процессов. По мнению П. Штомпки, «под процессом понимается любой вид движения, модификации, трансформации, чередования или эволюции, любое изменение данного изучаемого объекта в течение определенного времени, будь то изменение его места в пространстве либо модификация его количественных или качественных характеристик» [8, с. 31].

Системная модель позволяет представить процесс как совокупность логически взаимосвязанных видов деятельности управляющих субъектов, преобразующих его «входы» и «выходы». Принцип «вход–выход» лег в основу разработки практически всех модификаций современных процессных моделей: системы менеджмента качества (СМК, ISO), функционального моделирования IDEF0, моделей информационных потоков IDEF1, бизнес-моделирования BPMN и др. В подобных моделях любые процессы рассматриваются с точки зрения их целеполагания (цели, миссии) и управляемости. Основной методологической предпосылкой подобных систем выступает достаточно жесткое функциональное разделение: на управляющих и управляемых, субъектов и объектов политического, идеологического, информационного и иных видов воздействия. В основу методологии управления процессами закладывается функция либо задача с последующей декомпозицией процесса на этапы, структурные элементы, функциональные и логические взаимосвязи. Целесообразность процессного подхода обусловлена следующими факторами.

Во-первых, любая модель, связанная с управлением общественным сознанием, предполагает сложную архитектуру процессов. Базовый алгоритм включает в себя: сегментацию общества по целевым аудиториям – ключевым потребностям и запросам его основных возрастных, социальных, профессиональных групп и слоев; выбор методов реализации поставленных задач; параметры оценки потенциальных рисков; механизмы противодействия возможным попыткам внешнего влияния; перечень и полномочия задействованных субъектов и т. д.

Во-вторых, многофункциональностью большинства применяемых при реализации исторической политики инструментов и методов, когда один и тот же инструмент может использоваться для обеспечения различных целей и задач (например, консолидация – дезинтеграция, мобилизация – демобилизация, демотивация и т. д.). В связи с этим важно понимание целей применения и стоящих за ними интересов конкретных политических сил.

В-третьих, необходимостью измерения конечного достигнутого результата (цели) исторической политики, в отношении которой пока нет выработанных параметров и индикаторов оценки. Основные затруднения связаны с метриками, позволяющими ответить на вопросы «что измеряем?» (например, динамику общественного мнения в отношении конкретных исторических событий, эффективность задействованных институтов и инструментов и т. д.) либо «чем измеряем?» (социологический инструментарий, содержание принятых нормативных правовых актов, критерии эффективности идеологической работы, цитируемость либо степень охвата тематических СМИ, медиа и т. д.).

Модель «войн памяти». Актуальные для Республики Беларусь конкретные кейсы «войн памяти» рассмотрены нами в логике методологии функционального моделирования IDEF0, адаптированной под анализ общественно-политических процессов, в котором:

«Вход» – исходные данные;

«Имя функции» – реализуемая цель;

«Управление» – лица, принимающие решения (ЛПР), государственные органы и организации, социальные и политические институты, нормативная правовая база и т. д.;

«Механизм» – субъекты, методы и инструменты реализации «войн памяти»;

«Вызов» – параметры ограничения (правила, нормы и т. д.);

«Выход» – планируемый конечный результат (рис. 1).

Анализ модели «войн памяти» выполнен на примере попыток искажения исторической памяти белорусского общества в отношении такого исторического события, как Великая Отечественная война.

Рис. 1. Базовые параметры функционального моделирования в методологии IDEF0

Ключевые параметры модели. *Название процесса* – историческая память белорусского общества о Великой Отечественной войне.

Цель (функция, «черный ящик») – изменение общественного мнения и исторической памяти белорусского общества о Великой Отечественной войне посредством внедрения антигосударственных идеологем и концептов.

Субъект (владелец процесса) – страны коллективного Запада, действующие посредством «независимого» сегмента белорусского информационного поля.

Объект – белорусское общество в разрезе его основных демографических групп.

«Вход» – исходной предпосылкой служит нормативная правовая база – закрепление в законодательстве Республики Беларусь нормы о защите исторической правды и памяти о данном периоде. Применительно к «войнам памяти» входными данными для белорусского общества служит ценностное отношение к Великой Отечественной войне, которая воспринимается населением как ключевое событие в истории страны, а вклад белорусского народа в общую Победу – как главный предмет гордости современных белорусов.

«Выход» – на первый взгляд, конечным результатом деструктивного воздействия на историческую память белорусского общества видится изменение отношения населения к Великой Отечественной войне и десоветизация общественного сознания.

Перечень соответствующих нарративов на постсоветском пространстве достаточно широко апробирован и сводится к уже традиционным мифологемам о том, что СССР наравне с Германией несет ответственность за начало Второй мировой войны, а также последующую оккупацию освобожденных стран; решающий вклад в Победу внесли США и союзники; Победа была достигнута не за счет героизма советского народа, а бессмысленных людских потерь; огромные жертвы среди мирного населения БССР во многом спровоцировало партизанское движение, не считавшееся с интересами проживавших на оккупированных территориях людей.

Планируемым результатом деконструкции исторической памяти является замещение образа народа-победителя образом жертвы, в трагедии которой виноват СССР (советское правительство). Вместе с тем подобное перекодирование отношения к событиям Великой Отечественной войны с большим основанием можно отнести к инструментам реализации целей, но не собственно цели. Демонизация советского периода и обесценивание Победы направлены прежде всего на разрушение славянского единства и отрыв Беларуси от России, то есть изменение геополитических установок населения.

Прикладной блок (методы, технологии и инструменты). Как показывает проведенный анализ, большинство процессов замещения исторической памяти представлены «окном Овертона» – технологией изменения общественного мнения от «немыслимо» до «норма». Примерами служат распространенные

населения. В связи с этим «войны памяти» целесообразно рассматривать не только в рамках исторической науки, но прежде всего с социологического и политологического ракурсов, позволяющих оценивать степень воздействия на общественное сознание чуждых исторических нарративов и выстраивать прогноз развития ситуации.

Список использованных источников

1. Токарева, Е. А. Современные войны памяти, или подходы к интерпретации исторических событий в истории, политике и образовании / Е. А. Токарева // Преподаватель XXI век. – 2021. – № 3. – С. 288–300. – DOI: 10.31862/2073-9613-2021-3-288-300
2. Бордюгов, Г. А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве / Г. А. Бордюгов. – М. : АИРО-XXI, 2011. – 256 с.
3. Докучаев, Д. С. Модели исторической политики на региональном уровне: цели, акторы, методы / Д. С. Докучаев // Социодинамика. – 2019. – № 12. – С. 40–50. – DOI: 10.25136/2409-7144.2019.12.31649
4. Память в Сети: цифровой поворот в memory studies : сб. ст. / под ред. А. Ф. Павловского, А. И. Миллера. – СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2023. – 325 с.
5. Шнирельман, В. А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье / В. А. Шнирельман. – М. : ИКЦ «Академкига», 2003. – 592 с.
6. Танина, М. А. Теоретико-методологические аспекты анализа исторической памяти российской молодежи / М. А. Танина, И. А. Юрасов, В. А. Юдина // Общество: социология, психология, педагогика. – 2021. – № 7. – С. 24–27. – DOI: 10.24158/spp.2021.7.3
7. Бородкин, Л. И. Моделирование исторических процессов: от реконструкции реальности к альтернативному анализу / Л. И. Бородкин. – СПб. : Алетейя, 2016. – 306 с.
8. Штомпка, П. Социология социальных изменений / П. Штомпка ; пер. с англ. под ред. В. А. Ядова. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 416 с.

Поступила 16.07.2025 г.

Е. М. БАБОСОВ,
*академик Национальной академии наук Беларуси,
доктор философских наук, профессор,
Институт социологии Национальной академии наук Беларуси,
Минск, Беларусь
E-mail: babosov@yandex.ru*

САМОБЫТНОСТЬ РАЗВИТИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СУВЕРЕННОЙ БЕЛАРУСИ

Раскрывается сущность, роль и значимость политической системы Республики Беларусь, характеризуются особенности национального генетического кода, его значимость для сплоченности народа в единую целостность. Выявляется самобытность действия идеологической системы и обеспечения национальной безопасности в условиях нарастающих социально-политических турбуленций и конфликтных противоборств в современном мире.

Ключевые слова: национальный генетический код, идеологическая доктрина, национальная безопасность, формирование личности, человекоответственность, национальная идентичность

E. BABOSOV,
*Academician of the National Academy of Sciences of Belarus,
Doctor of Philosophy, Professor,
Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
E-mail: babosov@yandex.ru*

THE ORIGINALITY OF THE DEVELOPMENT AND FUNCTIONING OF THE POLITICAL SYSTEM OF SOVEREIGN BELARUS

In article the essence, role and significance of the political system of the Republic of Belarus are revealed, the features of the national genetic code, its significance for the unity of the people in a single integrity are characterized. The originality of the action of the ideological system and ensuring national safety in the context of strengthening socio-political turbulence and conflicts in the modern world is revealed.

Keywords: national genetic code, ideological doctrine, national safety, personality formation, human responsibility, national identity

В современном, почти необозримом множестве разнообразия систем, воздействующих на человека, – материальных и абстрактных, физических, геологических, химических, биологических, социальных, экономических, социокультурных, религиозных и иных, – самой могущественной, многофункциональной и поливероятностной является система политическая. В своей глубочайшей

сущности политическая система – это способность и возможность индивида или группы оказывать решающее воздействие на других людей, социальные группы и слои и, навязывая им свою волю, побуждать их выполнять определенные цели не только при их согласии, но и вопреки их оппозиции по отношению к властным структурам. Сущностью власти являются отношения руководства, господства и подчинения, ориентированные на побуждение подчиненных людей выполнять волю господствующих субъектов при помощи различных средств: авторитета, права, насилия, знания, денег, демагогии, демократии, призыва.

Власть в современном обществе представляет собой институционально оформленную возможность и способность определять, направлять и контролировать содержание и формы социального поведения различных социальных групп и общностей, отдельных индивидов. Сама же возможность одних социальных групп или индивидов оказывать властное влияние на других вытекает из дифференциации всех людей и общностей, существующих в данном обществе, на две большие группы, одна из которых владеет политической властью и вследствие этого доминирует, господствует над другими людьми и группами, а эти последние, будучи лишенными власти, вынуждены подчиняться первым и выполнять их господствующую волю. Складывающиеся вследствие этого в обществе отношения власти суть не что иное, как отношения господства и подчинения. Этим и определяются политические позиции различных социальных групп в обществе: политически господствующие и подчиненные.

В своей целостности политическая система предстает в качестве обширной, сложно-иерархизированной и упорядоченной совокупности политических институтов, организаций, идей, ценностей и отношений, воплощающих в себе политические интересы и стремления социально активных членов общества. Она объединяет разнообразные взаимодействия властвующих и подвластных социальных классов и групп, господствующих и подчиненных, управляющих и управляемых. В политической системе сконцентрированы в своих сущностных особенностях характерные для конкретно-исторического этапа развития общества политические идеалы и цели, структуры и функции политической деятельности, типы и формы политических процессов, утверждение и сбережение исторической памяти индивидов, групп, народа и государства.

Приоритетную роль политической системы в интеграции и развитии любой социальной системы выдающийся американский социолог середины XX в. Талкотт Парсонс усматривал в том, что осуществляемая ею интеграция является результатом «превращения влияния индивидов и субколлективов в согласованную систему узаконенной власти» [1, с. 213]. Оказываемое этой системой «политическое влияние – это возможность контролировать всю систему

отношений, являются ли они строго организованной или диффузной, менее интегрированной системой» [1, с. 211].

Используя логический принцип теоретического движения от абстрактного определения к конкретному, мы можем сформулировать более развернутое определение основного понятия, характеризующего политическую систему. Этим термином охватывается система органов государственной власти, политических партий, общественных организаций, которые формируются в процессе борьбы за политическую власть, оказывают ей поддержку или находятся в оппозиции к ней, а также ценностей, норм и правил, регулирующих политическое поведение индивидов и социальных групп. Нормативная сторона политической системы представляет собой своеобразные «правила политической игры», которые регулируют взаимоотношения между различными ветвями власти – законодательной, исполнительной и судебной, отношения между политическими партиями и государственными органами, деятельность общественных движений, партий, их статус, права и обязанности. К области действий, входящих в структуру указанной системы, следует отнести и систему голосования, участие граждан в выборах центральных и местных органов власти.

Основными субъектами в развитии и функционировании политической системы выступают государство, политические партии, общественные организации, органы самоуправления, группы давления, отдельные граждане, взаимодействующие между собой в политической сфере и с названными политическими структурными образованиями. Центральным компонентом институционально-субъектной подсистемы, главным субъектом политической власти является государство. В своем реальном функционировании государство предстает как политическая форма организации общества, объединяющая все население страны, представляющая и выражающая его интересы и волю, основной орган власти, управляющий обществом, консолидирующий его в устойчивую целостность посредством обеспечения наиболее общих интересов социальных слоев и групп, прав и свобод граждан.

Функционально-деятельностная подсистема включает всю совокупность конкретных политических действий всех субъектов политического процесса, в ходе развертывания которых реализуется социальное предназначение политической системы и обеспечивается ее функционирование и развитие. Сюда входят используемые государством и другими политическими институтами направления, способы, формы и методы завоевания, удержания, использования власти, а также взаимодействия политической системы с другими подсистемами социальной системы общества.

Важное значение в функционировании политической системы имеет *политический курс*, представляющий собой долговременное и относительно устойчивое направление деятельности государства и других политических инсти-

тутов, ориентированное на достижение стратегической цели и решение вытекающих из нее конкретных политических задач. Он оформляется в виде политической декларации, политических платформ, программных документов, выступающих в качестве основы политической деятельности государства и его органов. Особенности выработки и реализации политического курса государства детерминируются характером существующей в нем политической системы, целями и структурной архитектурой деятельности властно-управленческих структур, общим уровнем политической культуры общества, направленностью и состоянием политических процессов в нем [2, с. 174–179].

Своеобразным и специфичным для Республики Беларусь структурным компонентом политической системы является *Всебелорусское народное собрание*, делегаты на которое избираются во всех более или менее крупных организациях страны. Оно определяет основные направления внутри- и внешнеполитической деятельности государства, вырабатывает планы экономического, социального, политического и социокультурного развития страны на пять лет.

Все структурные элементы политической системы функционируют не отдельно друг от друга, а в системном единстве, дополняя и усиливая эффективность друг друга. Только их тесное взаимодействие превращает политическую деятельность и протекающие в стране политические процессы в единую, стабильную и устойчиво эффективно действующую политическую систему.

Основной целью, осуществляемой в стране Национальной стратегией устойчивого социально-экономического развития на ближайшую и более отдаленную перспективу, определено повышение благосостояния и качества жизни белорусского народа. В процессе достижения данной цели, как в фокусе, сходятся особенности функционирующей в Беларуси политической системы. Основные из них заключаются в том, что в нашей стране создано и успешно развивается независимое и суверенное социально-правовое государство, неуклонно осуществляется верховенство закона, последовательно реализуется принцип разделения властей, а все властные структуры избираются в процессе прямых, тайных и демократических выборов. Основным направлением функционирования политической системы в нашей стране является реальное обеспечение прав и свобод ее граждан, гарантированность их реализуемости. Разумеется, права и свободы здесь органично взаимосвязаны с обязанностями гражданина, а ответственность личности перед обществом и государством сочетается с ответственностью государства перед личностью.

В современных демократических или называющих себя таковыми, государствах на самый верхний этаж политических явлений, событий и процессов выбираются, как правило, опытные политические деятели, обладающие обширным кругом знаний, умений и навыков руководящей административной работы на областном и страновом уровне.

Важнейшая отличительная особенность развития социально-политической системы суверенной и самостоятельной Республики Беларусь заключается в том, что наш народ выдвинул на основополагающий, государственно-приоритетный, максимально ответственный пост, ориентированный на создание лучшего будущего людей, их групп, общностей, молодого человека, не имеющего опыта работы областным или республиканским начальником, – Александра Григорьевича Лукашенко. Но за какую бы работу он ни брался, всегда и во всем, начиная со школьных и студенческих лет, он всем сердцем, чувствами, мыслями, активными действиями нес в себе и отдавал окружающим людям высокую, приводящую к эффективным результатам ответственность, слитую воедино с заботой об окружающих, о присущих ему планах и стремлениях, о практико-ориентированном их осуществлении.

Самый самобытный и укорененный в своем мировосприятии, от зари до позднего вечера продолжающийся труд простого хлебороба, рабочего, инженера, учителя, плотью от плоти, кровью от крови, тысячами незримых духовных нитей связывающих человека со своей любимой Отчизной и своим народом, создал мощную основу для веры, перерастающую в убежденность, во внутреннее сущностное чутье, непререкаемую интуицию и пронизательность, в крепнущие день ото дня лидерские качества, проявившиеся в конкретных действиях А. Г. Лукашенко: в его учительской деятельности, в футбольных баталиях, в которых уверенно побеждать может только сплоченная, хорошо собранная и волевая команда, в его творческой работе, что позволило ему в 33-летнем возрасте стать директором совхоза «Городец» Шкловского района, затем последовало депутатство в Верховном Совете БССР, руководство парламентской комиссией по борьбе с коррупцией. Все это вместе взятое создавало мощный фундамент для убедительной победы молодого, энергичного и перспективного кандидата в Президенты Республики Беларусь Александра Григорьевича Лукашенко над своими более опытными в политике конкурентами. Имея за плечами исторический фундамент Могилевского педагогического института, он умело и продуктивно использует в государственной деятельности культурный генетический код белорусской нации как единой определяющей концепции и интегрированной реальности. Данный код выступает в качестве мощного фактора сплоченности и упрочения национальной идентичности, усиления традиционных ценностей и повышения их роли в формировании личности различных социальных групп и белорусского общества в целом.

Формирование и развитие культурного кода нации в качестве основного механизма становления, эволюции и реализации человеческих стремлений, помыслов, действий и жизненных перспектив приводит к вызреванию, возвышению человеческих сущностных сил, к благотворному для развития человека этого социокультурного феномена как культурно-исторически заданной

для личности и социальной общности объективной действительности, которую он не только воспринимает, но и творит, практически и духовно преобразует, воспроизводит и совершенствует, опираясь на опыт предшествующего развития, и в этом беспредельно многообразном формообразовании созидает самого себя, реализует свои планы, идеалы и цели. Именно такая экспликация культурного кода нации раскрывает широкую панораму влияния и развития сущности человека как меры всех вещей в окружающей реальности в конкретно-исторических формах его миропреобразующей деятельности, в диалектике сущности и существования, возможности и действительности, опредмечивания и распредмечивания, историчности и будущности. Именно такой теоретико-методологический постулат позволяет понять и истолковать, как и в каких формах, в каких предпочтительных ракурсах спрессовываются воедино традиции и инновации, накопленный живительный опыт и многообещающее целеполагание, создающие в своем единении материальные и духовные условия для свободного и многостороннего развития человека. А практическая реализация данного постулата помогает формировать у творческих и ответственных людей умение воспринимать и осмысливать значимость культурного кода нации, всеми своими делами, каждодневным поведением создавать и осознавать счастье созидания и осмысления новых горизонтов восприятия, развития культурного кода нации в созидании счастья, практического достижения новых человеко-созидающих способов развития и обогащения культурологических и цивилизационно-воспитательных морально-этических горизонтов человеколюбия и человекоответственности.

Выстраданный и выкристаллизованный народом в многовековой борьбе за социальное и национальное освобождение белорусский этнонациональный код нации в своей многогранной реализации создает благоприятные для индивида и социальной общности предпосылки и возможности исторически значимого духовного развития личности, ее нравственного и духовного возвышения. Поэтому в своей реальной воплощенности и жизнеутверждающем созидании именно данный культурный код, сформированный базовыми ценностями народа, его исторической памятью, представлениями о лучшем будущем, определяет своеобразие национальной психологии, воплощенной в действиях и поступках людей, в их жизненных позициях и стратегиях поведения. Их реальная заданность реализуется в социокультурных коммуникациях, несущих в себе самобытность и представление о справедливом жизнеустройстве данного народа, передаваясь из поколения в поколение.

Культурный код отличается совокупностью качественных универсальных характеристик, выполняющих человекоформирующую и человековозвышающую роль в становлении норм и правил поведения, жизненных позиций, социальных ожиданий, мировоззренческих и смысло-жизненных предпочтений и ожиданий индивидов, их социальных групп и общностей в свойственных

данному народу культурно-цивилизационных границах. Неотъемлемым компонентом национального культурного кода являются мировоззренческо-идеологические установки, функционирующие в рамках определенного народа и воплощенные в идеологической доктрине государства.

В социальном механизме их поступательного развития и конкретного действия значимое место занимает система обучения и воспитания, формирующая гражданскую позицию активно действующего и социально ответственного гражданина, патриота своей Отчизны. Важнейшим структурным феноменом культурного кода страны являются базовые ценности нашего народа, представляющие собой опорный фактор межнационального согласия, утвердившегося в независимой и суверенной Республике Беларусь.

Важную роль в развитии и функционировании политической системы выполняет идеология. Ее характерная особенность заключается в том, что идеология концентрирует в себе сферу высших ценностей, смыслов, идеалов человека и общества, проповедует объединенные приоритеты государства и народа. Она представляет собой такой многогранный свод идей, в котором воплощается взаимосвязь ментальности, национальной и гражданской идентичности народа, его традиций, исторической памяти и мечты. Сущность рассматриваемого социального феномена можно выразить в следующем определении: *идеология – это система идей, взглядов, представлений, чувств и верований о целях развития общества и человека, а также о средствах и путях достижения этих целей, воплощенных в ценностных ориентациях, убеждениях, волевых актах, побуждающих человека (людей) в своих действиях стремиться к целям, которые он (они) перед собой поставил(и)*. Следовательно, идеология представляет собой нормативно-символическую систему, дающую возможность индивидам и социальным слоям определиться в окружающем социально-политическом и социокультурном пространстве, выработать для себя определенную позицию и стремиться к изменению социальной действительности в соответствии с собственным проектом.

Существенная особенность идеологии состоит в том, что она всегда представляет собой более или менее отчетливо сформулированное выражение чувств, настроений, побуждений социальных общностей (национальных, классовых, религиозных и др.) на языке объяснения настоящего и программы желаемого будущего, одухотворенной привлекательной мечтой, такой, например, как «Все для человека, для блага человека» или «За сильную, процветающую Беларусь». Идеология не придумывается в тишине кабинетов учеными, политиками и экспертами, не заимствуется из чужого опыта, а *вызревает* из опыта народа, обозначаемого такими понятиями, как «нравы», «обычаи», «традиции», «исторические судьбы». Бессмысленно и непродуктивно копировать чужие идеалы и ценности. Они только тогда становятся путеводной звездой для, в частности, белорусского народа, когда выходят из духовного мира

и опыта именно данного народа, выстраданы, взлелеяны им, стали естественным продуктом его собственного, неповторимого, совершенного им самим исторического развития. Только собственные идеалы, традиции, ценности и цели могут стать духовной основой существования народа, квинтэссенцией его духовного мира, человеко-ориентированного преобразования реальности. И когда мы употребляем термин «идеология белорусского государства», то речь фактически идет об идеологии белорусской идентичности, об универсальном и одновременно личностном выборе, призвании и обязанности человека участвовать в достижении общего блага, воплощенного в лозунге «За сильную, процветающую Беларусь!» [3, с. 6–10, 22].

В обширном ресурсе целей и задач, выполняемых идеологической работой в современной Беларуси, бесспорным приоритетом обладает активно действующий идейно-воспитательный четырехгранник, в котором должны быть синхронизированы и взаимоусилены следующие структурные моменты:

– укрепление в обществе единства гражданского мира, стремления к созиданию, взаимного доверия государства и общества;

– воспитание патриотизма, в том числе как готовности каждого гражданина защищать интересы государства, его конституционный строй и территориальную целостность;

– упрочение национально-государственной идентичности, сохранение самобытности и обеспечение преемственного развития страны;

– стимулирование активного участия граждан, групп и общностей в сохранении исторической памяти и национальных ценностей белорусского народа.

Все это должно быть реализовано в системе мероприятий по воздействию на сознание, мировоззрение, волю и чувства граждан в целях формирования идейно-нравственной личности, повышения уровня общей культуры населения, его приобщения к национальным ценностям, здоровому образу жизни, профилактике негативных социальных проявлений и действий [4].

В условиях усиливающегося глобального соперничества в политической, экономической и военной сферах, при возрастающих масштабах и интенсификации в различных регионах мира социально-политических турбуленций и разнообразии конфликтов, в том числе и вооруженных, углубляющейся и масштабирующейся милитаризации сопредельных с Беларусью стран Балтии и Польши судьбоносную значимость для белорусского народа и государства, для каждого гражданина нашей страны обретает упрочение национальной безопасности Республики Беларусь. основополагающим военно-политическим документом, определяющим цели, задачи, особенности реализации безопасности в практических действиях, является утвержденная 25 апреля 2024 г. Всебелорусским народным собранием Концепция национальной безопасности [5]. В ней концентрируется внимание и обосновывается необходимость практических эффективных действий по реализации общенациональной

стратегической цели, заключающейся в утверждении и воплощении в действительность идеалов, ценностей, интересов, основных прав и свобод личности, общественных объединений. Здесь также подчеркивается обязательность приоритетного эффективного обеспечения, а также гарантированной защиты личности, общества, народа, образа и качества жизни людей, национальной культуры, государственных интересов, суверенитета страны, территориальной целостности и природных ресурсов, нерушимости ее границ, конституционного строя и существующих в ней политической системы и системы управления от любых источников опасностей и угроз.

Учет особенностей глобальных турбуленций становится все более важным в современной военной науке и практическом обеспечении боеспособности и боеготовности Вооруженных сил, когда главным способом достижения целей военных действий становится дистанционное бесконтактное воздействие на противника за счет массированного применения высокоточных и дальноточных средств поражения с земли, воздуха, моря и космоса [2, с. 163–169].

Одним из важнейших нововведений в области национальной безопасности стало создание в общей структуре Вооруженных Сил Республики Беларусь в качестве самостоятельного компонента специальных войск беспилотных авиационных комплексов. На данные войска возложены задачи по ведению воздушной разведки, нанесению огневого поражения противнику, наведению и корректировке огня, выполнению обеспечивающих функций в интересах других специальных войск. Упор в реализации мер по предотвращению возможных военных конфликтов, в которые может быть вовлечена Республика Беларусь, сделан именно на стратегическое сдерживание, причем его превентивный характер позволяет реализовать систему адекватного реагирования на действия вероятного противника.

Разумеется, речь ни в коем случае не идет о том, что в условиях боевых действий нам не нужны артиллерия, танки, боевые машины – все это необходимо, но в непрестанно модернизирующемся виде. И, конечно, основным действующим лицом в боевых столкновениях был и остается солдат, его возрастающая боеспособность и боеготовность, его самоотверженность и мужество.

Какие бы новаторские преобразования в развитии политической системы не происходили, всегда и во всем необходимо синергетическое взаимоусиление ценностного воздействия общества и государства на формирование, развитие и практическую деятельность человека, всех создаваемых им духовных и материальных богатств. Такое творческое взаимоусиление приведет к тому, что человек, развивая свой интеллект, будет становиться все более многомерным, обладающим не только высоким сознанием, но и неизмеримым богатством чувств, и превратится в творца цивилизации подлинно человеческой, ориентированной на человека, в центре которой будет жить и действовать мно-

гомерный, творчески преобразующий окружающую реальность очеловечивающий ее человек – духовно чувствующая, мыслящая, меняющаяся и создающая своим творческим трудом лучший мир Личность.

Список использованных источников

1. *Парсонс, Т.* О социальных системах / Т. Парсонс. – М. : Акад. Проект, 2002. – 832 с.
2. *Бабосов, Е. М.* Наука и человекомерность окружающей реальности / Е. М. Бабосов ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т социологии. – Мн. : Бел. навука, 2021. – 299 с.
3. *Бабосов, Е. М.* Основы идеологии белорусского государства : учеб. пособие / Е. М. Бабосов. – Мн. : ТетраСистемс, 2013. – 176 с.
4. О реализации основ идеологии белорусского государства : Директива Президента Респ. Беларусь № 12 от 9 апр. 2025 г. – URL: <https://president.gov.by/ru/documents/direktiva-no-12-ot-9-aprela-2025-g> (дата обращения: 18.06.2025).
5. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь : решение Всебел. нар. собр. от 25 апр. 2024 г. № 5. – Мн. : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2024. – 62 с. – (Правовая библиотека НЦПИ).

Поступила 31.04.2025 г.

В. Н. ВАТЫЛЬ,
*доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии
и социологии Учреждения образования
«Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,
Гродно, Беларусь
E-mail: vatyln@gmail.com*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМЫ КАК СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ УСТОЙЧИВОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Политическая система раскрывает основы организации и функционирования государственной власти, взаимоотношения государства и граждан. Это совокупность институтов, субъектов, отношений, воспроизводящая позиции публичной власти. Избирательная система – ключевой инструмент реализации народовластия, связывающий волю народа и законодательную власть. В широком смысле – это система общественных отношений выборов, в узком – способ распределения депутатских мандатов. И политическая, и избирательная системы отдельно или в единстве выступают существенными характеристиками устойчивого государственного развития Республики Беларусь.

Ключевые слова: политическая система, избирательная система, устойчивое государственное развитие, Республика Беларусь, существенные характеристики

V. VATYL,
*Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Political Science
and Sociology Educational Institution “Yanka Kupala Grodno State University”,
Grodno, Belarus
E-mail: vatyln@gmail.com*

THE POLITICAL AND ELECTORAL SYSTEMS AS ESSENTIAL CHARACTERISTICS OF SUSTAINABLE STATE DEVELOPMENT OF THE REPUBLIC OF BELARUS

The political system reveals the fundamental principles of the organization and functioning of state power and the relationship between the state and its citizens. It is a set of institutions, entities, and relationships that reflect the positions of public authority. The electoral system is a key instrument for implementing popular sovereignty, linking the will of the people and the legislative branch. In a broad sense, it is a system of social relations within elections; in a narrow sense, it is the method of distributing parliamentary mandates. Both the political and electoral systems, individually and together, are essential characteristics of the sustainable development of the state of the Republic of Belarus.

Keywords: political system, electoral system, sustainable state development, Republic of Belarus, essential characteristics

В 2024 г. исполнилось тридцать лет институту Президентства Республики Беларусь. В этом же году состоялись очередные выборы депутатов всех уровней и впервые произошло законодательное формирование Всебелорусского народного собрания – высшего представительного органа власти страны. В 2025 г. состоялись выборы Президента Республики Беларусь по правилам обновленной Конституции. Эти знаменательные даты и события, с одной стороны, отражают достаточно значимый этап в истории зарождения, становления и движения к устойчивому развитию политической и избирательной систем суверенной Беларуси, их социально-политической и правовой весомости в жизнедеятельности белорусов, с другой – они актуализируют необходимость очередного теоретического осмысления феноменов «политическая система» и «избирательная система». В жизни страны и граждан эти феномены – базовые. Сегодня их стабильность и перспективы развития подвергаются серьезным воздействиям изнутри и извне. В пределах белорусского социума и государства эти воздействия связаны с происходящими инновационными социально-экономическими и политическими трансформациями, за пределами – с глобальными и региональными процессами изменения миропорядка и уклада жизни жителей планеты. В связи с указанными обстоятельствами объектом исследования стал международный и национальный опыт изучения состояния и функционирования политической и избирательной систем ряда стран, в том числе и Беларуси, предметом – концептуальное осмысление феноменов «политическая система» и «избирательная система», целью – выявление природных качеств политической и избирательной систем в контексте устойчивого государственного развития современной Беларуси.

Для реализации предметно-целевой установки нами созданы три объяснительные модели: а) системная; б) структурная; в) функциональная. С их помощью мы определили сущностные качества политической и избирательной систем, взаимосвязь и взаимовлияние систем друг на друга, их значимость для обеспечения государственного суверенитета и национальной безопасности Республики Беларусь.

Обозначенные модельные подходы имеют свою внутреннюю исследовательскую логику, продуктивность применения которой позволило успешно реализовать целевые задачи и получить искомые итоговые выводы. Начальным моментом логического «развертывания» объяснительных моделей стало выявление исходного смысла ключевых слов «система», «структура», «элемент», «функция». Знание их семантических и когнитивных возможностей, с одной стороны, позволяет избежать сверхэмпиричности описания политической и избирательной систем, а с другой – выделить наиболее важные и устойчивые свойства их внутренней организации.

Данные ключевые слова имеют общий этимологический источник – греко-латинский – и свою особую внутреннюю аналитическую историю. Их совре-

менные теоретические начала артикулируются в европейском естествознании XIX в., а исходные социально-политические и юридические смыслы – в западном обществоведении рубежа XIX–XX вв. Согласно им, термин «система» означает состояние сложноорганизованной целостности; «структура» – конфигурацию системных элементов; «элемент» – простейшую часть целого, которая обеспечивает решение нужной задачи; «функция» – способ, прием, с помощью которого исполняется элементная задача (роль), поддерживается структурация и осуществляется назначение системы [1, с. 475, 500, 603, 580].

Указанные ключевые слова составляют основу системного анализа сущностных начал политической и избирательной систем. Возрастание его теоретической и прикладной значимости обусловлено тем, что в условиях кризиса текущего этапа глобализации и поиска современными социумами и государствами продуктивных стратегий устойчивого социального развития он позволяет качественно охарактеризовать диалектическую взаимосвязь универсального и локального, интернационального и национального. Подчеркнем здесь, что означенная выше особенность системного анализа стала для нас одним из основных критериев оценки рассматриваемых предметно-целевых феноменов. В дискурсах их теоретического осмысления, как никогда прежде, отражается поиск новых подходов в понимании соотношения всеобщего и особенного, что, соответственно, преломляется в практике их применения [2, с. 92–103].

Базовое правило правовой герменевтики требует от нас этимологического определения одного из первых ключевых слов исследуемой темы – «сущность». Это слово на языке формальной логики означает совокупность неотъемлемых и характерных признаков, свойственных предмету изучения. В нашем случае системный подход позволил выявить те главные свойства, с помощью которых мы сформулировали родовое назначение политической и избирательной систем [3, с. 682].

Формально-логическое определение сущности системы как упорядочение определенным образом множества взаимосвязанных между собой элементов, образующих вследствие этого некоторое целостное единство, обладающее новой, относительной самостоятельностью, устойчивостью и автономностью функционирования, позволило перейти к содержательно-сущностной характеристике политической системы. Политическая система в этом отношении выступает основным способом организации и регулирования политической жизни людей. Ее исходным звеном является представление о политике как совокупности общественных отношений, возникающих в ходе конкуренции и противоборства групп за завоевание, удержание и использование потенциала государственной власти в целях реализации своих интересов и достижения поставленных целей. Системный подход дает возможность выявить ядрообразующее звено политической системы – государственную власть, как связую-

щее звено с нормативно-регулирующими сторонами политической системы [4, с. 15].

Данное звено является началом понятийной сущностной цепочки: политика – право – государство – закон и распространяется на все основные сферы политической организации общества: а) политическую деятельность; б) политическое поведение; в) политическое общение. В своей совокупности именно эти части и звенья составляют содержательный контур политической системы и дают возможность осмысления ее понятийной сущности.

Политическая система, по сути, раскрывает фундаментальные основы системной организации и функционирования государственной власти, механизмы, регулятивы и правила взаимоотношений государства и граждан, власти и общественных структур. Являясь совокупностью институтов, субъектов, отношений, идей, смыслов, обладающих высокой степенью структурной целостности, осуществляющих однородные, однотипные взаимосвязи между ее различными уровнями и звеньями, политическая система на этой основе воспроизводит господствующие позиции публичной власти тех или иных общественных групп и лиц. Системный подход показывает, что получение данной системой своей необходимой целостности и сплоченности достигается посредством деятельности различных ее подсистем, продуманной организации взаимосвязей разных уровней, структур и механизмов.

Завершающим моментом сущностной артикуляции политической системы является ее дефиниция. Ее можно определить как взаимосвязанную и целостную совокупность институтов, отношений, регулятивов, субъектов публичной власти, действующих посредством однотипных правил и признаваемых ценностей, задаваемых побудительными мотивами главенствующих в обществе групп и стремящихся реализовать свои потребности и цели.

Сущностная артикуляция и дефиниция политической системы показали, что связующим звеном между ней и избирательной системой выступает государственная власть. Власть в регулятивном, нормативном и ценностно-смысловом проявлениях. Именно она задает цели и приоритеты избирательной системы, определяет параметры и границы избирательного процесса, легализует нормы и правила избирательного права. Вместе с тем избирательная система не занимает только одно, соподчиненное место в отношениях с политической системой. Напротив, принимая на себя энергию государственной воли, она придает ей легитимный статус, влияет на формирование характера взаимоотношений власти и народа, выстраивает систему распределения властных статусов и ролей. Одним словом, значимо воздействует на состояние и перспективы развития политической системы [5, с. 175]. Как следствие из сказанного, нам потребуется определиться в сущностном понимании избирательной системы.

Следуя правилам системного подхода, начнем с этимологии или происхождения одного из ключевых слов – «избирательная». Здесь уместно заметить, что одним из синонимов слова «избирать» является однокоренное слово «выбирать». Последнее производно от праиндоевропейского слова «брать», «нести». Обогащенное последующими социально-дискурсивными практиками, это слово приобретает все семантические свойства – «рассматривать», «определять», «участвовать», – которые выражают специфику рассматриваемого нами феномена – «избирательная система» [6]. Представленные смысловые качества дают возможность органично перейти к рассмотрению собственно сущностных свойств обозначенного нами ключевого слова.

Избирательная система по своей сути является сложным социальным явлением, состоящим из двух частей – политической и правовой. Политическая сторона задает регламентные исходные мотивы и установки, границы и цели, является неотъемлемым элементом механизмов формирования государств, придерживающихся демократической формы правления. Выборы здесь становятся важнейшим способом непосредственного выражения суверенитета народа на центральном, региональном и местном уровнях власти. Их эффективность апробируется посредством следующих критериев демократичности избирательного процесса:

- полнота и эффективность избирательного законодательства;
- свободный доступ к информации о выборах, в том числе к альтернативной, на всех этапах избирательного процесса;
- реальные равные возможности для всех участников избирательного процесса в их использовании потенциала избирательного права;
- реальная независимость и самостоятельность избирательных комиссий;
- свободная и равная конкуренция всех участников избирательного процесса;
- действенный публичный контроль на всех этапах осуществления электоральной кампании;
- продуктивная защита избирательного процесса от нарушений избирательного законодательства и искажений результатов голосования [7, с. 19].

Тем самым применение данных критериев позволяет увидеть, насколько реально раскрывается потенциал политической стороны избирательной системы, насколько реальная воля народа как основа деятельности органов публичной власти находит свое выражение и осуществление подлинных и справедливых выборов, проводимых по определенной избирательной системе. Избирательная система в этом случае выступает ключевым инструментом реализации народовластия, так как именно посредством правовых элементов этого института устанавливается тесная взаимосвязь между волей народа и законодательной властью [8, с. 16].

Правовая сторона избирательной системы представляет собой конфигурацию взаимосвязанных правовых элементов, выражающих в действии определенное целостное единство, обеспечивающее в конечном итоге процесс выборов. Выборы власти, подчеркнем, являются системообразующим признаком избирательной системы. Наряду с ним важен учет фактора организации выбора власти, а также знание этапов процедурного процесса, детерминированности процедуры выборов общественно-политическим строем, интересами и запросами электората, политической и правовой культурой и традициями.

Избирательную систему как правовой институт чаще всего трактуют двояко: в широком и узком смыслах слова. В широком – она представляет систему общественных отношений, которая возникает в связи с проведением выборов, в узком – избирательная система отражает способ распределения депутатских мандатов между кандидатами в итоге голосования [9, с. 217–218]. Таким образом, выстроенная избирательная система способна обеспечить корреляцию между назревшими запросами граждан и ответными механизмами реализации государственной избирательной политики.

Избирательная система по своей юридической сути представляет комплекс правовых институтов, норм и практик, в границах которых реализуется избирательно-электоральный процесс. Она исполняет роль связующего звена между ключевыми подсистемами общества, благодаря чему во многом обеспечивается процесс устойчивого и суверенного социального и государственного развития. В конечном счете избирательную систему можно определить как правовой механизм подготовки и проведения выборов, который обеспечивает не только законное представительство народных интересов, но и создает основу для легитимации политической власти.

Таким образом, используя обозначенных выше объяснительные модели, мы определили сущностные качества политической и избирательной систем, их взаимосвязи и взаимовлияние друг на друга, их соотношение с устойчивым государственным развитием Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. Кондаков, Н. И. Логический словарь / Н. И. Кондаков. – М. : Наука, 1971. – 638 с.
2. Щелкунов, М. Д. Эта многомерная и разноликая глобализация / М. Д. Щелкунов, С. А. Сергеев, О. Д. Агапов // Вопросы философии. – 2023. – № 11. – С. 92–103. – DOI: 10.21146/0042-8744-2023-11-92-103
3. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии РАН ; Нац. обществ.-науч. фонд ; пред. науч.-ред. совета В. С. Степин. – М. : Мысль, 2000–2001. – Т. 3 : Н – С. – 2001. – 692 с.
4. Кокурина, О. Ю. Структура факторов государственности и суверенитет в свете системно-органического подхода / О. Ю. Кокурина // Вестник Московского университета. Серия 12, Политические науки. – 2022. – № 4. – С. 7–20.

5. Морозова, О. С. Влияние типа избирательной системы на функционирование политической системы общества / О. С. Морозова // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 2. – С. 175–180.

6. Пятаева, Н. Н. В. Опыт динамического описания синонимичных этимологических гнезд **et*- и **ber*- ‘братъ, взять’ в истории русского языка / Н. Н. Пятаева // Этимология. – 1997. – Т. 1994–1996. – С. 140–147.

7. Фазулов, А. Р. Политические факторы институционализации избирательной системы Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Фазулов Азат Ревгатович ; Казан. гос. ун-т. – Казань, 2009. – 25 с.

8. Киреев, Д. А. Избирательная система как инструмент реализации народовластия: сравнительно-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Киреев Дмитрий Андреевич ; Мос. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2021. – 34 с.

9. Василевич, Г. А. Конституционное право Республики Беларусь : учебник / Г. А. Василевич. – 2-е изд., перераб. – Мн. : Выш. шк, 2021. – 406 с.

Поступила 11.04.2025 г.

Н. Ю. ВЕРЕМЕЕВ,
кандидат политических наук,
Институт социологии Национальной академии наук Беларуси,
Минск, Беларусь
E-mail: mr.veremeev@gmail.com

ИЗМЕРЕНИЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ: К ПРОБЛЕМЕ АНАЛИЗА ПОЛИТИЧЕСКИХ РИСКОВ

Рассматривается феномен политического риска в современной политической науке. Представлен обзор различных подходов к дефиниции и классификации политических рисков, их влияния на экономику, международные отношения, информационную сферу. Особое внимание уделяется рассмотрению методов оценки политических рисков: качественных, количественных и комбинированных. Показана необходимость комплексного применения указанных методов для минимизации негативных последствий принятия управленческих решений. Предложены направления совершенствования анализа политических рисков в контексте роста неопределенности современной политической сферы.

Ключевые слова: политический риск, неопределенность, безопасность, внутренняя политика, политические институты, политическая система, политическая теория

N. VEREMEEV,
Candidate of Political Sciences,
Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
E-mail: mr.veremeev@gmail.com

MEASURING UNCERTAINTY: TOWARDS THE PROBLEM OF POLITICAL RISK ANALYSIS

The phenomenon of political risk in modern political science is considered. An overview of various approaches to the definition and classification of political risks, their impact on the economy, international relations, and the information sphere is presented. Special attention is paid to the consideration of methods for assessing political risks: qualitative, quantitative and combined. The necessity of a comprehensive application of these methods to minimize the negative consequences of managerial decision-making is shown. The directions of improving the analysis of political risks in the context of the growing uncertainty of the modern political sphere are proposed.

Keywords: political risk, uncertainty, security, domestic policy, political institutions, political system, political theory

Современные политические системы характеризуются высокой степенью динамичности и изменчивости, что порождает необходимость постоянного анализа рисков и угроз, сопровождающих процессы принятия политических решений. В условиях цифровизации, глобализации и геополитической турбулентности особое значение приобретает способность государства и полити-

ческих институтов адекватно оценивать потенциальные риски и управлять ими. В связи с этим исследование феномена политического риска становится одной из ключевых задач современной политической науки.

Чрезвычайно актуальная во второй половине XX в. проблема политических рисков обусловлена ростом активности транснациональных корпораций и развитием инвестиционной активности на глобальных рынках. В последние же годы интерес к феномену политического риска усиливается в связи с возникновением новых угроз международному бизнесу, обострением геополитической обстановки, несмотря на сохранение и углубление взаимозависимости стран в условиях глобализации. Пандемия коронавируса, рост протестной активности, массовые акции и беспорядки в разных регионах мира, украинский кризис и «новая холодная война» между Россией и Западом, торговая война США и Китая, конфликт на Ближнем Востоке – все эти события стали причиной масштабных социально-политических изменений, человеческих страданий и многомиллиардных потерь для крупного бизнеса.

Интерес со стороны научного сообщества к изучению политических рисков объясняется рядом факторов. Прежде всего их влиянием на экономическую ситуацию, затрагивающую как государственные структуры, бизнес-сообщества, так и население в целом. Кроме того, политические риски оказывают существенное воздействие на международную позицию государства и формируют геополитический и геоэкономический ландшафт. Не менее важной причиной внимания к данной проблеме является ее значимость в информационной сфере, где феномен политических рисков играет заметную и все более усиливающуюся роль.

Цель данной статьи – выявление и характеристика теоретико-методологических основ анализа политических рисков. В ходе исследования были определены следующие задачи: анализ дефиниций понятия политического риска; рассмотрение существующих классификаций и факторов, влияющих на уровень политических рисков; характеристика методологических подходов к их оценке.

Методологическая проблема изучения политического риска заключается в множественности исследовательских уровней анализа. Так, структурно-функциональный подход помогает выделить ключевые компоненты политической системы, через которые проявляются риски: институты, элиты, общественные группы, внешние акторы. Сравнительный подход позволяет выявлять различия в теоретических установках и объяснительных схемах, лежащих в основе существующих моделей: эконометрических, социологических и политологических и т. п. Однако ни один из подходов не обеспечивает целостного понимания феномена. Поэтому современная наука движется в сторону междисциплинарности, сочетая институциональный, поведенческий, системный и дискурсивный виды анализа. Это можно расценить как стремление сформировать

ровать метатеорию риска, учитывающую различные уровни политической реальности – от структуры власти до языка, на котором власть артикулирует вызовы, угрозы и неопределенности.

Важный философский импульс для осмысления феномена риска задал немецкий социолог и политический философ Ульрих Бек, который предложил концепцию «общества риска», где опасность становится одним из атрибутов современности [1]. Однако данная теория носит преимущественно социологический и нормативный характер, не предлагая операциональных инструментов для конкретного анализа политических процессов. Политическая наука, напротив, нуждается в методах, которые позволяют измерять, сравнивать и объяснять риски как часть динамики власти.

Понятие риска и неопределенности. Анализ рисков широко распространен в экономике, социологии, праве, психологии и других научных дисциплинах. Политическая наука как область знания, изучающая сферу власти и властных отношений, деятельность государства и его институтов, также не могла обойти стороной данное направление.

Понятие «риск» подразумевает состояние опасности или угрозы, которое вызывает у людей стремление защититься (застраховаться) от возможных потерь. Каждый риск имеет свою специфику (причины возникновения, отличительные черты, степень влияния и опасности на человеческую деятельность и др.). Тем не менее все риски имеют общую черту – наличие неопределенности, существование которой и побуждает исследователей тщательно изучать риски и их влияние на общественные процессы и человеческие отношения [2, с. 7].

Несмотря на отсутствие единого определения риска, существует ряд общих черт, на которые обращают внимание исследователи: риск – это событие (действие), которое с разной степенью вероятности случится в будущем; наступление рискованного события может привести к ущербу для того или иного субъекта (включая недополученную прибыль при экономическом подходе).

Риск определяется как исчисляемая неопределенность. В свою очередь неопределенность обозначает ситуации, при которых неизвестны (и в принципе не могут быть выявлены) ни количество возможных решений проблемы, ни их последствия, ни вероятности наступления событий. Риск является одним из способов преодоления неопределенности и возникает лишь в ситуации неуверенности в возможности достижения предполагаемого результата.

Термин «риск» в научной литературе традиционно связан с возможностью наступления неблагоприятного события, способного повлечь ущерб или потерю для субъекта. В политическом контексте риск отражает вероятность возникновения событий, способных изменить конфигурацию властных отношений или подорвать устойчивость политической системы. При этом важной

характеристикой риска выступает наличие неопределенности – состояния, при котором исход будущих событий не может быть предсказан с полной уверенностью. Однако между понятиями «неопределенность» и «риск» существует различие: если первое описывает отсутствие знания о возможных исходах, то второе предполагает возможность количественной оценки вероятности их наступления и масштабов последствий.

Политический риск как научная категория. Понятие политического риска возникло в экономической науке, где оно первоначально связывалось с вероятностью экономических потерь в результате принятия и реализации политических решений. Приоритет экономистов в вопросе анализа политических рисков обусловлен глобализацией мировой экономики, деятельностью транснациональных корпораций, развитием международной торговли и инвестиций. Понимание политического риска основывалось прежде всего на изменении политических условий для иностранных инвестиций или импорта в принимающем государстве. Со временем понятие вышло за рамки экономического анализа и стало использоваться для объяснения политической нестабильности, кризисов легитимности, угроз управляемости и даже восприятия неопределенности гражданами.

Перенос этого термина в политологическое поле потребовал теоретического переосмысления. Если в экономике риск трактуется как вероятность материальных потерь, то в политике он обретает более многомерный характер: здесь важны не только вероятности и последствия, но и субъективные интерпретации, символическое значение, институциональный контекст. В одних определениях риск понимается как объективная угроза политическому порядку, в других – как продукт восприятия и интерпретации неопределенности политическими акторами.

Понятие «политический риск», как и большинство понятий в социально-гуманитарной отрасли знания, содержит множество интерпретаций [3, с. 117]. Так, в страховании риск характеризуется вероятностью и величиной ущерба в результате какого-либо события. В сфере финансов риск рассматривается в качестве непредсказуемой ситуации, которая может привести как к дополнительным издержкам, так и к выгоде. В политической сфере под риском зачастую понимают неопределенность решений и действий политических сил [4, с. 4–6].

По мнению российских исследователей О. В. Красиной, М. В. Синяева, А. Н. Бордовских и других, политические риски представляют собой проявление неопределенности, непосредственно связанной с функционированием властных институтов и процессом распределения власти. Наличие политических рисков является по сути индикатором кризисных тенденций в политической системе, свидетельствующим о возможности перехода от состояния нестабильности к состоянию открытого конфликта [5, с. 67].

Российский исследователь Ю. А. Зуляр отмечает, что политический риск – это вероятность наступления неблагоприятных последствий в политических решениях, принятых в условиях неопределенности, когда ресурсы ограничены (во времени, информации и другом), что приводит к ущербу для участников политических действий и нежелательным событиям. При этом ученый характеризует «политический риск» как наиболее опасную разновидность риска, несущую наивысшую угрозу обществу [6, с. 8].

Между тем А. В. Брега понимает «политический риск» как возможность наступления неблагоприятных последствий для социального актора в результате принятия и реализации им политических решений в условиях неопределенности [2].

Политический риск – вероятность экономических потерь иностранного капитала вследствие политического решения или действия (бездействия) – проявляется в формах ограничений прав собственности и управления активами. Он всегда сопряжен с измеримой финансовой потерей иностранного бизнеса вследствие политического решения или нарушения последовательного политического процесса. Политический риск зависит от множества факторов неопределенности. Условно их можно подразделить на информационные, социальные, правовые экономические, случайные (непредвиденные).

Отличительной чертой политических рисков является широкое влияние на общественные процессы. В связи с тем что политика охватывает все сферы общественной жизни (экономическую, социальную и духовную), их анализ и оценка являются крайне ответственными и социально-значимыми действиями, ведь от принимаемых решений напрямую зависит функционирование как отдельного политического актора, так и всего общества в целом. Государство – это основной субъект международных отношений, поэтому оно максимально сильно подвержено воздействию политических рисков [6, с. 8–9].

Иначе говоря, политический риск нельзя точно измерить или сравнить потому, что он напрямую зависит от многих факторов, таких как тип, масштаб и продолжительность политического события и др.

Факторы и классификация политических рисков. Политические риски отличаются многоуровневой структурой и сложностью прогнозирования. Их источниками выступают как внутренние, так и внешние факторы, включая экономические кризисы, социальную напряженность, информационные войны, международные санкции, протестные движения и конфликты интересов элит. В современной литературе используется несколько оснований для классификации политических рисков. Как отмечает российский исследователь А. В. Брега, классификация позволяет эффективно анализировать ситуации, связанные с политическими рисками, за счет выявления наиболее значимых характеристик существующего политического риска и тенденций изменения размера возможного ущерба, разрабатывать сценарии развития неблагоприятных

событий в целях создания стандартизированных наборов реакций на их возникновение и последующее решение, а также собирать статистические данные, необходимые для принятия управленческих решений в рамках процедур управления рисками [2, с. 62].

Наиболее универсальной и актуальной представляется классификация по масштабам. Она основана на оценке опасности политических рисков для всего общества и подразумевает разделение рисков на микрориск, макрориск и мегариск.

Микрориск ассоциируется с вероятностью таких политических изменений, которые касаются лишь отдельно взятого направления политической деятельности и не затрагивают коренные интересы участников политического процесса. При этом микрориск не оказывает существенного воздействия на расстановку политических сил.

Макрориск распространяется на большинство субъектов и объектов политики, затрагивает групповые интересы и может повлечь за собой как положительные, так и нежелательные последствия для больших групп людей.

Мегариск – глобальный уровень политического риска, который связан с существованием общемировых явлений, процессов и тенденций, оказывающих существенное влияние на политическую стабильность в мировом масштабе, затрагивают интересы всего общества в целом. Мегариск, в отличие от других, является наиболее непредсказуемым и опасным в силу сложности его прогнозирования и масштаба последствий для государства и общества.

Классификация по направленности основывается на том, что политические риски могут быть связаны как с деятельностью внутри страны, так и за ее пределами. По этой причине принято выделять внутренние и внешние политические риски.

Внутренние политические риски характерны для внутривнутриполитической деятельности государства. Иначе говоря, это риски, проявляющиеся только в национальном масштабе и не выходящие за границы конкретной страны. К их числу следует отнести рассмотрение решений об изменении действующего законодательства, поддержке наиболее уязвимых слоев населения и др.

Внешние политические риски определяются наднациональными условиями и факторами. Эти риски появляются вследствие взаимоотношений с другими государствами и политическими силами на уровне международных отношений, из-за чего требуют к себе пристального внимания и изучения. Например, это может быть обсуждение участия страны в международных проектах, сотрудничества с отдельными государствами, возможных отрицательных или положительных последствий и др. [8, с. 68–70].

Классификация по степени распространенности позволяет выявить, для какого числа объектов характерен политический риск. Применение данной классификации наиболее эффективно в случаях, когда исследователю необходимо

определить, насколько уникальным и распространенным является политический риск. В связи с этим можно выделить распространенные и уникальные политические риски.

Распространенные риски характерны для большого числа однотипных политических объектов. Так, к ним можно отнести риски, связанные с устоявшимся взаимодействием с другими субъектами политики (процесс принятия управленческих решений, что обуславливает необходимость пристального внимания к указанной деятельности). При возникновении подобных рисков можно воспользоваться существующим способом их решения в силу их распространенности.

Уникальные риски характеризуются как неординарные и маловероятные, а их возникновение является крайне нежелательным из-за их специфики. Например, к их числу относят риски прихода террористических организаций к власти в странах с устоявшимися демократическими традициями. Как правило, это – значительные риски, которые требуют больших материальных и интеллектуальных ресурсов и времени для решения. В силу уникальности подобных рисков довольно сложно найти информацию и спрогнозировать вторичные последствия по ним [7, с. 73–74].

Приведенные классификации тесно взаимосвязаны между собой, в связи с чем предпочтительно использовать несколько классификаций при прогнозировании и анализе политических рисков. Иначе говоря, каждая классификация по-своему универсальна, однако для полноценного анализа причин возникновения политических рисков и их последствий классификации необходимо комбинировать.

Формы и источники политических рисков. Традиционные формы проявления политических рисков включают экспроприацию собственности, национализацию, введение экономических барьеров (эмбарго, валютный контроль, санкции), а также политические беспорядки (протесты, забастовки, революции). К числу новых форм относятся экологические и информационно-политические риски, связанные с цифровыми угрозами, кибервойнами и манипуляциями общественным мнением.

Источниками политического риска являются решения и действия (бездействие) государственной власти, а также неправительственных институтов, имеющих ресурс политического влияния.

По мнению А. Н. Бордовских, главными институциональными источниками («производителями») политических рисков для частных коммерческих интересов выступают государство и группы влияния внутри политической системы. Политические риски являются осознанным побочным эффектом решений, которые государство принимает для выполнения стоящих перед ним задач. Правительства осознают, что, принимая те или иные меры в отношении иностранных инвесторов, они закрывают доступ к необходимым для экономи-

ческого развития инвестиций, но политическая мотивация, лежащая в основе таких решений, преобладает над негативным побочным эффектом для экономики [8, с. 65–67].

Традиционный подход к оценке политических рисков акцентирует внимание на таких факторах, как стабильность политического режима, наличие действенных социально-политических институтов, экономическая свобода и уровень политической нестабильности, соблюдение правил и норм демократии.

Методы анализа и оценки политических рисков. Современные подходы к анализу политических рисков подразделяются на качественные, количественные и комбинированные. Качественные методы основаны на экспертных оценках и включают анализ политической ситуации в стране или регионе. Среди них – методы «старых знакомств», «больших туров» и метод Дельфи. Достоинство данных методов заключается в гибкости и глубине интерпретации, недостаток – в высокой степени субъективности.

Классический качественный подход реализуется в виде традиционного отчета о ситуации в отдельной стране (регионе, отрасли). Данный тип методологии, ориентирован на анализ качественных факторов, основан на мнении экспертов. К числу хрестоматийных примеров качественного подхода относят методы «старых знакомств» (old-hands) и метод «больших туров» (grand tours), которые широко применялись в 70-е годы XX в. [8, с. 71]. Основным недостатком данных методик является их субъективность, а также то, что источником информации выступают оценки и мнения сторонних экспертов, следовательно, высока вероятность предвзятости в отборе информации. Использование метода Дельфи в анализе политических рисков нацелено на повышение объективности оценки рисков благодаря особой процедуре работы с экспертами и статистическому анализу полученных результатов. Достоинством данного метода является использование обратной связи во время опроса, что повышает объективность и надежность экспертов при оценке уровня риска.

Количественный подход сформировался в результате применения эконометрического моделирования, методы которого предназначены для количественного измерения определенных переменных. В отличие от качественных методов, количественный анализ политических рисков основан не на выводах эксперта или личном опыте, а на измерении частоты тех или иных политических событий (демонстраций, беспорядков, конституционных изменений и т. д.), при которых аналогичный результат был получен в аналогичных условиях. Этот подход основан на анализе доступных статистических данных, отборе факторов риска, наиболее значимых показателей, влияющих на его оценку. Преимущество количественного подхода заключается в возможности сравнения стран и регионов по степени риска на базе единого числового фактора

риска, который суммирует относительное влияние определенных показателей, что является несомненным преимуществом этих методов.

Комбинированные, или смешанные, методы используют в своих инструментах как экспертные оценки, так и объективный анализ количественных показателей. Комбинированный подход характеризуется гибкостью и способностью интегрировать различные методы. В связи с этим остается актуальной разработка соответствующих моделей оценки политических рисков [9, с. 17].

Признанными лидерами в исследовании политического риска сегодня являются консалтинговые агентства, занимающиеся прикладным анализом по заказу коммерческих организаций-инвесторов. Отчасти именно эти организации формируют представление о политических рисках. В настоящее время существует более десятка моделей расчета политических рисков, используемых многочисленными экспертами агентств и консалтинговых компаний в США, Европе и Азии, таких как: Frost & Sullivan (the World Political Risk Forecast), Business International and Data Resources Inc. (Policon), BERI (Business Environment Risk Index) и др. Оптимальная оценка риска достигается через сочетание разных подходов с обязательным учетом макро- и микроуровней, а также конкретных проектных и отраслевых условий [10].

Несмотря на развитие теории и методологии анализа политических рисков, остается ряд нерешенных проблем. Среди них – сложность измерения качественных параметров неопределенности, недостаточная сопоставимость показателей между различными странами, ограниченность статистических баз данных. Кроме того, многие существующие модели страдают избыточной абстрактностью и не учитывают специфику конкретных политических контекстов.

Перспективным направлением дальнейших исследований является разработка адаптивных моделей оценки политических рисков, интегрирующих количественные и качественные методы. Особое значение приобретает создание национальных индексов политических рисков, учитывающих специфику внутренней и внешней политики государства, а также влияние цифровых и информационных факторов.

Заключение. Феномен политического риска – одна из наиболее сложных и многогранных категорий современной политической науки. Он представляет собой аналитическую конструкцию, форма которой зависит от теоретико-методологического подхода к его анализу. Исследование политического риска требует междисциплинарного подхода, сочетающего политологические, экономические и социологические методы. В условиях растущей неопределенности главная задача политологии как науки видится не столько в предсказании будущего, сколько в содействии обществу в понимании природы рисков, с которыми оно сталкивается. Комплексное применение качественных, количественных и комбинированных методов позволяет формировать более

точные прогнозы и минимизировать негативные последствия политических решений. Разработка эффективных моделей анализа политических рисков способна повысить устойчивость государственных институтов и укрепить безопасность политической системы в целом.

Список использованных источников

1. Бек, У. Общество риска: на пути к другому модерну / У. Бек ; пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с.
2. Брега, А. В. Политический риск: проблемы анализа и управления / А. В. Брега. – М. : РИЦ «Планета-Копир», 2005. – 208 с.
3. Пятибратов, И. С. Сущность политического риска и его социально-экономические основания / И. С. Пятибратов // Вестник Финансового университета. Гуманитарные науки. – 2020. – Т. 10, № 1. – С. 116–120. – DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-116-120
4. Бордовских, А. Н. Политические риски в современной экономике / А. Н. Бордовских. – М. : Кнорус, 2020. – 204 с.
5. Красина, О. В. Нестабильность и риски в развитии политической системы / О. В. Красина, М. В. Синяев // Государственная служба. – 2014. – № 4 (90). – С. 66–69.
6. Зуляр, Ю. А. Методологические подходы к феномену политического риска / Ю. А. Зуляр // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2019. – Т. 29. – С. 6–18. – DOI: 10.26516/2073-3380.2019.29.6
7. Быченков, Д. В. Методы и прикладные модели анализа и оценки политических рисков / Д. В. Быченков // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2007. – № 3. – С. 70–78.
8. Бордовских, А. Н. Политические риски в условиях глобальных вызовов традиционным системам госуправления / А. Н. Бордовских // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. – 2020. – № 1. – С. 63–73. – DOI: 10.20542/afij-2020-1-63-73
9. Рымкевич, В. В. Политические риски в системе международных экономических отношений / В. В. Рымкевич // Вестник Белорусского государственного экономического университета. – 2018. – № 4. – С. 12–19.
10. Подколзина, И. А. Проблемы дефиниции и оценки политического риска в зарубежных исследованиях / И. А. Подколзина // Вестник МГУ. Серия 12, Политические науки. – 1996. – № 5. – С. 19–33.

Поступила 21.03.2025 г.

С. В. ЗЕНЧЕНКО,
кандидат политических наук, доцент,
Институт социологии Национальной академии наук Беларуси,
Минск, Беларусь
E-mail: sergzenbox.by@mail.ru

РЕГУЛИРОВАНИЕ УЧЕБНОЙ МИГРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ СЕЛЕКТИВНОЙ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Рассматриваются тенденции, факторы, проблемы и перспективы учебной миграции в контексте формирования селективной модели государственной миграционной политики Республики Беларусь. Определены политико-правовые, институциональные основы государственной политики в сфере экспорта образовательных услуг. Выявлены инструменты, механизмы и технологии продвижения белорусского образования на международной арене: заключение межгосударственных соглашений, развитие институционального обеспечения для привлечения и интеграции учебных мигрантов.

Ключевые слова: учебная миграция, государственная миграционная политика, политико-правовые, институциональные основы, международное сотрудничество, селективная модель, инструменты «мягкой силы»

S. ZENCHENKO,
Candidate of Political Sciences, Associate Professor,
Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
E-mail: sergzenbox.by@mail.ru

REGULATION OF EDUCATIONAL MIGRATION IN THE CONTEXT OF FORMATION OF A SELECTIVE MODEL OF STATE MIGRATION POLICY OF THE REPUBLIC OF BELARUS

The trends, factors, problems and prospects of educational migration are considered in the context of the formation of a selective model of the state migration policy of the Republic of Belarus. The political, legal, and institutional foundations of the state policy in the field of educational services export are defined. The tools, mechanisms and technologies for promoting Belarusian education in the international arena have been identified: the conclusion of interstate agreements, the development of institutional support for attracting and integrating educational migrants.

Keywords: educational migration, state migration policy, political and legal, institutional foundations, international cooperation, selective model, “soft power” tools

Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко 16 января 2025 г. заявил о необходимости более плотно заняться проблемами миграции, и прежде всего – в контексте привлечения необходимых квалифицированных специалистов,

в том числе с Востока, обеспечить их доступом к системам образования и здравоохранения, учитывая при этом интересы национальной безопасности [1]. Глава государства акцентировал внимание на необходимости реализации комплексного системного подхода в интеграции трудовых мигрантов при активном участии таких политических акторов, как профсоюзы, молодежные организации, политические партии [1].

В ходе визита Премьер-министра Пакистана Шахбаз Шарифа в Беларусь в апреле 2025 г. была достигнута договоренность с Президентом Беларуси А. Г. Лукашенко о привлечении пакистанских трудовых ресурсов в труднедостаточные районы Гомельской, Витебской, Могилевской областей посредством разработки политико-правового и институционального механизма их отбора и интеграции на основе межправительственного соглашения с учетом национальных интересов. Также знания и опыт пакистанских специалистов будут востребованы на производстве Барановичского производственного хлопчатобумажного объединения [2].

В структуре миграционных процессов в Республике Беларусь позитивным долгосрочным трендом становится доминирование учебной миграции, которая в количественных показателях значительно превосходит трудовую и вынужденную. В 2024/2025 учебном году количество учебных иммигрантов достигло «около 30 тыс. человек, представленных 110 государствами мира, что составило около 12 % от всех студентов республики» [3]. В то же время, по данным Департамента по гражданству и миграции Министерства внутренних дел Республики Беларусь, в 2024 г. «насчитывалось 11 тыс. трудовых мигрантов, а также 650 лиц, 500 из которых граждане Украины, подали заявки на получение статуса беженца или дополнительной защиты на территории белорусского государства» [4].

Учебные мигранты являются наиболее оптимальной для государства-реципиента категорией, социально-экономический эффект от их обучения носит мультипликационный характер. Они привлекают в экономику принимающей страны валютные поступления со своей родины, оплачивая не только учебу, но и проживание, питание, медицинское обслуживание, транспортные расходы, развлечения, что стимулирует внутренний экономический рост. В процессе обучения, на которое государство-реципиент не расходует собственные средства, иностранные студенты получают квалификацию, интегрируются в принимающий социум, усваивают язык, правовые нормы, культурные паттерны. Экспорт образовательных услуг оказывает благоприятное влияние на укрепление социально-экономического потенциала страны, культурных и экономических связей, а также на продвижение политического имиджа республики на международной арене. Всё перечисленное актуализирует необходимость систематизации накопленного опыта, определения проблем и перспектив реализации государственной политики в сфере управления учебной миграцией в Республике Беларусь в контексте обеспечения национальных интересов.

Цель статьи – определение роли государственного регулирования образовательной миграции в процессе создания селективной модели миграционной политики, а также установление основных направлений оптимизации политико-правового, институционального, организационного обеспечения управления как в сфере привлечения, использования потенциала образовательных иммигрантов, так и инструментов, механизмов их интеграции в белорусский социум.

Факторы и механизмы, определяющие развитие устойчивых миграционных связей между странами находят концептуальное отражение в синтетической теории международной миграции Д. Массея, а также в концепции миграционных систем. Данные теории позволяют прогнозировать направленность и масштабы миграционных потоков. Теория Массея детерминирует функционирование «устойчивых миграционных потоков между странами наличием миграционных сетей, которые представляют собой набор межличностных связей (родственных, дружеских, этнических) мигрантов, бывших мигрантов и не мигрантов, которые снижают риски и затраты на передвижения мигрантов, их адаптацию к новой социальной среде и увеличивают чистую прибыль от миграции» [5, с. 165]. Миграционная система определяется российским исследователем И. В. Ивахнюк как «группа стран, объединенных между собой относительно масштабными и устойчивыми миграционными связями, которые являются результатом действия комплекса исторических, культурных, политических, экономических, демографических факторов, приводят к структурным социально-экономическим, культурным трансформациям в странах назначения и происхождения мигрантов, воспроизводящим направления миграционных потоков и придающим этим потокам устойчивость» [6, с. 9].

Факторы, характеристики, проблемы, перспективы динамики международной учебной миграции, инструменты, механизмы ее регулирования, использования ее потенциала носят междисциплинарный характер и требуют использования концептуальных наработок и методологических подходов политологии, социологии, экономики, правоведения, истории и других наук. Результаты исследований данного явления находят отражение в публикациях российских и белорусских исследователей: Е. Н. Алексеевой [7], А. Л. Арефьева [8], Е. Е. Письменной [9], Л. В. Мисниковой [10], А. В. Жука [11], А. Г. Злотникова [12], К. Е. Гаврилова, Е. Б. Яценко [13], Л. В. Фокиной, Е. В. Масленковой, А. В. Рытова [14], Л. П. Шахотько [15], Л. Е. Тихоновой [16]. Создание единого миграционного пространства рассматривается П. С. Аветесян [17], Т. Н. Михалевой [18] в качестве фактора стремительно развивающейся образовательной интеграции.

Выделению основных этапов образовательного взаимодействия Республики Беларусь и Китайской Народной Республики, политико-правовым и институциональным основам, инструментам, механизмам, стратегиям белорусско-

китайского сотрудничества в образовательной сфере в сопряжении с осуществлением инициативы «Один пояс – один путь» посвящены публикации, как белорусских (Ю. И. Малевич, И. А. Чувилов, В. Э. Василевская, Н. Н. Скриба [19–22]), так и китайских исследователей (Яо Цзяхуэй, Сунь Инцзе и т. д. [23–25]).

В Республике Беларусь интенсивно формируется целостная система реализации селективной модели государственной миграционной политики, в которой образовательной миграции отводится приоритетная и перспективная роль. Государственную миграционную политику на сегодняшнем этапе можно определить как модель, функционирование которой направлено на обеспечение возвратной или циркулярной миграции, привлечение определенных категорий мигрантов – с этно-конфессиональными характеристиками, близкими принимающей стране, что необходимо для ее устойчивого развития социально-экономической сферы, а также с профессиональной квалификацией, компетенциями и стажем работы с учетом интересов национальной безопасности.

Сформированы и эффективно функционируют политико-правовые основы реализации селективной модели государственной миграционной политики в сопряжении с обеспечением высоких показателей экспорта образовательных услуг. Они включают в себя Концепцию национальной безопасности Республики Беларусь [26], Национальную стратегию устойчивого развития до 2035 года [27], Указ Президента от 12 июня 2018 г. № 232 «О грантах на обучение» [28], Закон Республики Беларусь от 30 декабря 2022 г. № 233-3 «О внешней трудовой миграции» [29], Концепцию развития системы образования Республики Беларусь до 2030 года [30], Государственную программу «Образование и молодежная политика» на 2021–2025 годы [31], Концепцию развития экспорта образовательных услуг на 2022–2025 годы и План мероприятий по ее реализации [32] и т. д.

Закон Республики Беларусь «О внешней трудовой миграции» создает условия для получения иностранными обучающимися белорусских вузов практического опыта работы по приобретаемой специальности без разрешения на привлечение иностранной рабочей силы как во время обучения, так и в течение одного года после приобретения специальности и присвоения квалификации [29]. Цель данного законодательного акта – преодоление кадрового дефицита в экономике и улучшение демографической структуры населения в том числе за счет высококвалифицированных учебных мигрантов, интегрированных в общество.

В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь «О грантах на обучение» «ежегодно на обучение иностранных граждан выделяется 100 квот за счет средств государственного бюджета» [28]. Положение о порядке отбора иностранных граждан и лиц без гражданства для обучения за счет грантов в государственных учреждениях высшего и среднего специального образования,

утвержденное постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 7 сентября 2018 г. № 646 [33], регламентирует «выплату для учебных мигрантов, прошедших отбор, стипендий, надбавок за успехи в учебе, научной и общественной деятельности, а также оказание материальной помощи (при необходимости), предоставление общежития на тех же условиях, что и для граждан Республики Беларусь» [33]. Это служит усилению политического имиджа Республики Беларусь на международной арене, бренда отечественного образования в странах Африки, Азии, Латинской Америки, укреплению социально-экономических, культурных связей с теми государствами, с которыми подписаны Дорожные карты по развитию сотрудничества (Узбекистан, Пакистан, Оман, Монголия, Зимбабве, Экваториальная Гвинея и т. д.), где сделан акцент на интенсивное взаимодействие в сфере образования и науки. Иностранные студенты белорусских вузов, получившие необходимые компетенции, смогут себя реализовать в кооперационных проектах, в частности по механизации и индустриализации сельского хозяйства, сборке и обслуживанию грузовой, автобусной, дорожно-строительной, коммунальной, пожарной, лесозаготовительной белорусской техники, медицинского оборудования. Данная стратегия экспорта образовательных услуг сопряжена с положениями Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, в которой «повышение конкурентоспособности субъектов хозяйствования и выпускаемой ими продукции (товаров, работ, услуг) планируется путем включения отечественных предприятий в цепочки ТНК (транснациональных корпораций. – С. 3.), создания отечественных ТНК с размещением сервисных центров и сборочных производств за рубежом» [26], чему способствует система грантов на обучение. В 2019 г. в рамках ее реализации были приняты в вузы пять граждан Монголии, в 2020 г. – еще пять, в 2021 г. – одиннадцать. В 2021 г. организовано обучение трех монгольских граждан на подготовительном отделении (на платной основе) с последующим их переводом в следующем году на обучение за счет грантов. В 2022 г. квота обучения по системе грантов для граждан Монголии увеличена до 20 мест, принято девять человек, в 2023 г. – один человек. В рамках сотрудничества между сомоном Даланзадгад аймака Умнуговь и г. Жодино в Филиал БНТУ «Жодинский государственный политехнический колледж» за счет монгольского дилера ОАО «БЕЛАЗ» всего принято на обучение более 20 граждан Монголии [34]. В 2022/2023 учебном году в республике обучалось 508 таджикских граждан, 42 из которых – за счет средств республиканского бюджета [35]. На 2025/2026 учебный год для граждан Кыргызской Республики выделено пять грантов на обучение по специальностям «Информатика и технологии программирования» (2 гранта), «Лечебное дело» (2 гранта), «Лингвистическое образование – английский язык» (1 грант) [36].

Анализ сайтов посольств Республики Беларусь за рубежом свидетельствует, что ведущим направлением гуманитарного сотрудничества, укрепляющего

связи между странами, в том числе и посредством «народной дипломатии», является экспорт образовательных услуг. Бывшие иностранные студенты белорусских вузов в странах своего происхождения занимают зачастую ключевые позиции в государственном управлении, бизнес-структурах, учреждениях образования, здравоохранения, культуры и иных сферах, что укрепляет потенциал и перспективы политических, социально-экономических, культурных связей с Республикой Беларусь. В белорусских вузах в 1991–2021 гг. было подготовлено 400 алжирских специалистов с высшим и средним специальным образованием [37], 140 египетских специалистов и 29 кандидатов наук [38], с 1962 по 2023 г. в вузах Беларуси для Вьетнама было подготовлено 1 500 специалистов, 152 кандидата наук, 3 доктора наук, 155 граждан Вьетнама окончили техникумы, 1 800 – профессиональные технические училища [39].

Образовательное сотрудничество со странами Латинской Америки осуществляется преимущественно посредством проведения специализированных семинаров по преодолению последствий чрезвычайных ситуаций, а также переподготовки и повышения квалификации специалистов в данном направлении силами Университета гражданской защиты МЧС и Белорусским государственным медицинским университетом. Прорабатываются Соглашения о сотрудничестве в области образования с Кенией, Угандой, Танзанией, Эфиопией.

Институциональное оформление регулирования образовательной миграции привело к созданию Учебного центра международного сотрудничества в сфере образования на базе Республиканского института высшей школы. Целью деятельности данного центра является обеспечение сопровождения и координации работы учреждений образования, содействие повышению их конкурентоспособности на рынке международных образовательных услуг. Информация о преимуществах белорусского образования, о возможности обучаться за счет государственных грантов, а также пошаговая инструкция о поступлении в белорусские вузы размещены на сайтах белорусских посольств за границей, а также на сайте StudyinBy.com на всех основных международных языках (английском, испанском, французском, арабском, китайском). Ежегодно в государствах – донорах наибольшего количества учебных мигрантов проводятся выставки образовательных программ по различным специальностям, ведется работа с рекрутинговыми агентствами.

Интенсивное развитие белорусско-китайских отношений в сфере образования, как и в других перспективных областях, обусловлено системным политическим диалогом глав государств – Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко и Председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина. Результатом этого диалога стало подписание соглашения о всепогодном, всестороннем доверительном стратегическом партнерстве, что явилось ключевым фактором участия белорусского государства в инициативе «Один пояс – один путь». Реализация инициативы обуславливает необходимость

обеспечения инфраструктуры на каждом участке ее функционирования высококвалифицированными кадрами: инженерами, программистами, логистами, юристами, политологами, экономистами и т. д. Данный процесс активизирует укрепление миграционных сетей, представленных в том числе и учебными мигрантами, развитие евразийской миграционной системы, значимым элементом которой становится политическая, социально-экономическая, культурная инфраструктура исторического шелкового пути. Республика Беларусь является второй русскоязычной страной постсоветского пространства по количеству обучающихся китайских студентов.

Укрепление межгосударственного белорусско-китайского сотрудничества на высшем уровне привело к интенсивному формированию политико-правовой базы и институционального обеспечения. Институционализация выразилась в создании в 2014 г. Белорусско-Китайского межправительственного комитета по сотрудничеству, одна из пяти комиссий которого занимается развитием взаимодействия в сфере образования, науки и молодежной политики посредством «совершенствования правовой базы, перспективного создания совместных образовательных структур» [40]. Институционализация деятельности привела к подписанию 10 мая 2015 г. Соглашения, которое предусматривало «эквивалентный обмен студентами, аспирантами, научными и педагогическими работниками, Программу развития в сфере образования на 2016–2020 гг., Перечень приоритетных направлений профессиональной подготовки белорусских студентов и аспирантов в КНР, Соглашение об взаимном признании документов об образовании и документов об ученых степенях» [40]. Эффективность и интенсивность образовательного сотрудничества детерминировали подписание «более 500 прямых договоров о сотрудничестве с учреждениями образования, подготовку 40 совместных образовательных программ, функционирование 7 совместных образовательных и научных структур (3 лабораторий, 2 центров и 2 институтов). В Беларуси действуют 6 институтов и 8 классов китаеведения имени Конфуция. В китайских университетах функционируют 12 центров изучения Беларуси» [41]. Создана и активно функционирует Ассоциация университетов Беларуси и Китая. Результатами системного, взаимовыгодного, планового сотрудничества стало постоянное увеличение количества китайских студентов, магистрантов, аспирантов в белорусских вузах и отечественных студентов и аспирантов в Китае, что способствует укреплению миграционных сетей между двумя странами, интенсифицирует сотрудничество в социально-экономической, культурной сферах. В феврале 2024 г. в Беларуси обучались более 9,5 тыс. китайских граждан и несколько сотен белорусов – в Китае [42].

Важным фактором привлечения китайских абитуриентов в бакалавриат и магистратуру зарубежных государств является существующая «диспропорция между количеством населения (1,4 млрд человек на 2021 г.) и числом

вузов – 1 238. На один университет приходится примерно 1,13 млн человек. В Республике Беларусь это соотношение в 10 раз меньше. 5–6 млн китайцев не могут получить доступ к высшему образованию в бакалавриате и 2,6 млн в магистратуре на родине и едут учиться за границу. Для поступления в белорусские вузы для китайских абитуриентов требуется школьный аттестат и определенное знание русского или английского языка» [43, с. 57–58].

Динамично развивается межгосударственное белорусско-узбекское образовательное сотрудничество в сопряжении с социально-экономическим, культурным взаимодействием, обусловленным эффективным диалогом и взаимопониманием на высшем уровне. Количество узбекских студентов, обучающихся по 80 программам и получающих дипломы двойного образца (Беларуси и Узбекистана), достигло 5 400 человек [44]. Перспективной формой образовательного сотрудничества стало создание совместных белорусско-узбекских факультетов. Функционируют инновационный педагогический факультет на базе Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка и Ташкентского педагогического государственного университета имени Низами, совместный факультет Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники и Ташкентского университета информационных технологий имени Мухаммада ал-Хоразми, совместный Белорусско-Узбекский межотраслевой институт прикладных технических квалификаций, учредителями которого являются Ташкентский государственный технический университет совместно с Белорусским национальным техническим университетом и Республиканским институтом профессионального образования [45].

Несмотря на уменьшение количества студентов из Туркменистана в последние годы, приток учебных мигрантов из данного государства в 2023/2024 учебном году в количественном отношении занимает третье место среди государств-доноров и составляет 2 214 человек, или 11,8 % от общего количества иностранных студентов [46, с. 88–89]. Этому способствуют разработанная совместная нормативно-правовая база, которая включает в себя более 20 договоров о межвузовском сотрудничестве, а также сложившиеся и активно функционирующие миграционные сети.

В вузах республики особенно интенсивно увеличивается численность учебных мигрантов из тех государств Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока, Африки, с которыми установлен политический диалог, реализуется социально-экономическое и культурное сотрудничество. Так, Шри-Ланка является четвертой страной по масштабам импорта белорусских образовательных услуг. Если в 2020/2021 учебном году в Беларуси обучались 1 016 ланкийских студентов, что составило 4,9 % от всего количества иностранных студентов, то в 2023/2024 учебном году их численность достигла 1 828 человек, или 9,7 % от численности всех иностранных учащихся. Большинство представителей

Шри-Ланки выбирают медицинские специальности [46, с. 88–89]. В этой стране действуют подготовительные отделения Витебского государственного медицинского университета (с 2015 г.) и Гомельского государственного медицинского университета (с 2017 г.), открыты зарубежные отделения Белорусского национального технического университета [47]. Увеличивается количество студентов из Индии, Демократической Республики Конго, Израиля. Их количество в 2023/2024 учебном году составило 825, 181 и 318 человек соответственно [47].

Международное образовательное сотрудничество Республики Беларусь выступает стратегическим, перспективным инструментом «мягкой силы», формирует позитивный политический имидж на международной арене, укрепляет связи между странами в политической, социально-экономической, культурной сферах за счет формирования и развития миграционных сетей, которые создают формальную и неформальную инфраструктуры, минимизирующие риски и значительно увеличивающие выгоду от учебной миграции, способствуют решению ряда вопросов в демографической сфере. Иностранцы выступают креативными трансагентами белорусского государства, стимулируют приток учебных мигрантов в республику, привлекают инвестиции со своей родины, способствуют экспорту белорусских товаров и туристических услуг, развитию инфраструктуры белорусских промышленных предприятий в стране своего происхождения. Факторами притяжения учебных мигрантов в Республику Беларусь являются оптимальное соотношение цены и качества, высокий уровень обеспечения безопасности, открытость страны для иностранных студентов, доступный алгоритм поступления в вузы, большое количество выбора учреждений образования и образовательных программ, фундаментальный характер образования, возможность заниматься спортом и творчеством. Процесс обучения в белорусских вузах выступает главным инструментом интеграции учебных мигрантов в белорусское общество, вместе с профессиональными навыками ими усваивается язык, культура, в том числе стратегии общественного поведения, правовые нормы, национальные традиции.

Список использованных источников

1. Лукашенко заявил о необходимости более плотно заняться вопросами миграции // БелТА : информ. портал. – URL: <https://belta.by/president/view/lukashenko-zajavil-o-neobhodimosti-bolee-plotno-zanjatsja-voprosami-migratsii-689261-2025> – Дата публ.: 10.01.2025.
2. Лукашенко ответил тем, кто озаботился темой приезда трудовых мигрантов из Пакистана // SB.BY: Беларусь сегодня : информ. портал. – URL: <https://sb.by/articles/lukashenko-otvetil-tem-kto-ozabolilsya-temoy-priezda-trudovykh-migrantov-iz-pakistana.html> – Дата публ.: 25.04.2025.
3. Минобр: экспорт образовательных услуг составил более 90 млн долларов // Sputnik Belarus : информ. портал. – URL: <https://sputnik.by/20241218/minobr-eksport-obrazovatelnykh-uslug-prinosit-v-byudzhet-bolee-90-mln-1092036823.html> – Дата публ.: 18.12.2024.

4. Департамент по гражданству и миграции: в Беларуси работают около 11 тысяч трудовых мигрантов // БелТА : информ. портал. – URL: <https://belta.by/society/view/departament-po-grazhdanstvu-i-migratsii-v-belarusi-rabotajut-okolo-11-tys-trudovyh-migrantov-634899-2024/#:~:text=> – Дата публ.: 17.05.2024.
5. *Массей, Д.* Синтетическая теория международной миграции / Д. Массей // Мир в зеркале международной миграции. – М. : Макс Пресс, 2002. – Вып. 10. – С. 161–174.
6. *Ивахнюк, И. В.* Формирование и функционирование Евразийской миграционной системы : автореф. ... дис. д-ра эконом. наук : 08.00.18 / Ивахнюк Ирина Валентиновна ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2008. – 43 с.
7. *Алексеева, Е. Н.* Особенности и перспективы образовательной миграции в эпоху глобальных трансформаций / Е. Н. Алексеева // Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология. – 2012. – № 4. – С. 113–136.
8. *Арефьев, А. Л.* Российские вузы на международном рынке образовательных услуг / А. Л. Арефьев. – М. : Центр соц. прогнозирования, 2007. – 700 с.
9. *Письменная, Е. Е.* Социальные эффекты учебной миграции и политика в сфере привлечения иностранных студентов в России и за рубежом / Е. Е. Письменная. – М. : Экон. образование, 2009. – 140 с.
10. *Мисникова, Л. В.* Студенческая мобильность: проблемы, направления развития и риски / Л. В. Мисникова, В. А. Астафьева // Руководство и управление изменениями в сфере высшего образования : материалы итоговой нац. науч.-практ. конф. по программе Tempus «Руководство и управление изменениями в сфере высшего образования». – Мн. : РИВШ, 2015. – С. 176–189.
11. *Жук, А. В.* Исследование предпочтений иностранных абитуриентов на основе многофакторного анализа данных академической мобильности / А. В. Жук // Журнал международного права и международных отношений. – 2024 – № 3–4. – С. 78–83.
12. *Злотников, А. Г.* Миграционистика Беларуси : монография : в 2 ч. / А. Г. Злотников. – Гомель : Бел. торгово-экон. ун-т потреб. кооп., 2025. – Ч. 1. : Теория миграции в истории белорусской миграционистики. – 272 с.
13. Учебная миграция из стран СНГ и Балтии: потенциал и перспективы для России / К. А. Гаврилов С. Н. Градировский, Е. Е. Письменная [и др.] ; под ред. К. А. Гаврилова, Е. Б. Яценко. – М. : Фонд «Наследие Евразии», 2012. – 208 с.
14. *Фокеева, Л. В.* Образовательная миграция в Республике Беларусь: социально-экономические эффекты и направления развития / Л. В. Фокеева, Е. В. Масленкова, А. В. Рытов // Журнал международного права и международных отношений. – 2020. – № 3–4. – С. 85–94.
15. *Шахотько, Л. П.* Миграция населения в Республике Беларусь: проблемы учета / Л. П. Шахотько, А. Г. Боброва // Вопросы статистики. – 2009. – № 8. – С. 31–38.
16. *Тихонова, Л. Е.* Экспорт образовательных услуг Беларуси: тенденции развития и география потоков / Л. Е. Тихонова, Л. В. Фокеева, Н. А. Кормильчик // Вестник РУДН. Серия: Экономика. – 2017. – Т. 25, № 1. – С. 54–62.
17. *Аветисян, П. С.* Формирование образовательного пространства СНГ в условиях глобализации: (социально-философская концепция) / П. С. Аветисян. – Ереван : Гитутюн, 2007. – 375 с.
18. *Михалева, Т. Н.* Правовое обеспечение социально-гуманитарного измерения интеграции и единого образовательного пространства в Евразийском регионе / Т. Н. Михалева // Журнал международного права и международных отношений. – 2024. – № 1–2. – С. 22–27.
19. *Chuvilov, I. A.* Community with a shared future for mankind, and how this concept is related to the Belt and road initiative / I. A. Chuvilov, J. I. Malevich // Journal of the Belarusian State University. International Relations. – 2022. – № 1. – P. 43–50.
20. *Чувиллов, И. А.* Гуманитарные стратегии осуществления инициативы «Один пояс – один путь» : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04 / Чувиллов Иван Алексеевич ; Белорус. гос. ун-т. – Мн., 2024. – 26 с.

21. *Василевская, В. Э.* Белорусско-китайское партнерство в рамках инициативы «Один пояс – один путь»: автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04 / Василевская Валерия Эдуардовна ; Белорус. гос. ун-т. – Мн., 2024. – 26 с.
22. *Скриба, Н. Н.* Возможности и перспективы развития международного сотрудничества вузов Беларуси в условиях интернационализации сферы образования: (на примере Белорусского государственного экономического университета) / Н. Н. Скриба, В. А. Хмельницкий // Глобализация мировой экономики и интернационализация высшей школы: современные взаимосвязи и прогнозы интегрированного взаимодействия / М. И. Демчук [и др.] ; под общ. ред. М. И. Демчука. – Мн. : РИВШ, 2013. – С. 75–99.
23. *Яо Цзяхуэй.* Торгово-экономическое сотрудничество со странами ЕАЭС в рамках реализации инициативы «Экономический пояс Шелкового пути»: автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.04 / Яо Цзяхуэй ; Белорус. гос. ун-т. – Мн., 2020. – 23 с.
24. *Сунь Инцзе.* Китайско-белорусское сотрудничество в области образования (1992–2018 гг.) / Сунь Инцзе // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития : сб. науч. ст. – Мн., 2018. – Вып. 6. – С. 147–164.
25. *Сунь Шэнцзы.* Гуманитарное сотрудничество КНР и Республики Беларусь в 2016–2022 гг. / Сунь Шэнцзы // Весці БДПУ. Серыя 2, Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. – 2023. – № 2. – С. 99–108.
26. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь : решение Всебел. нар. собр. от 25 апр. 2024 г. № 5. – Мн. : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2024. – 62 с. – (Правовая библиотека НЦПИ).
27. Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь до 2035 года // Министерство экономики Республики Беларусь : [сайт]. – URL: <https://economy.gov.by/uploads/files/ObsugdaemNPA/NSUR-2035-1.pdf> (дата обращения: 10.02.2025).
28. О грантах на обучение : Указ Президента Респ. Беларусь 12 июня 2018 г. № 232 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 11.02.2025).
29. О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О внешней трудовой миграции» : Закон Респ. Беларусь от 5 янв. 2016 г. № 353-3 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=H11600353> (дата обращения: 20.01.2025).
30. Концепции развития системы образования Республики Беларусь до 2030 года // Министерство образования Республики Беларусь : [сайт]. – URL: <https://edu.gov.by/kontseptsiya-do-2030goda/%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%BF%D1%86%D0%B8%D1%8F.pdf> (дата обращения: 29.01.2025).
31. Государственная программа «Образование и молодежная политика» на 2021–2025 гг. / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22100057&p1=1> (дата обращения: 28.01.2025).
32. Концепция развития экспорта услуг (продвижение бренда «Образование в Беларуси») на 2021–2025 гг. : приказ первого заместителя Министра образования Респ. Беларусь, 25 янв. 2022 г., № 28 // Министерство образования Республики Беларусь : [сайт]. – URL: <https://edu.gov.by/sistema-obrazovaniya/upravlenie-mezhdunarodnogo-sotrudnichestva/Концепция+План%202022–2025.pdf> (дата обращения: 31.10.2022).
33. О порядке отбора для предоставления грантов на обучение : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 7 сент. 2018 г. № 646 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 10.02.2025).
34. Сотрудничество в научной и гуманитарной сферах с Монголией // Посольство Республики Беларусь в Монголии : [сайт]. – URL: https://mongolia.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/cultural (дата обращения: 10.01.2025).
35. Культурно-гуманитарное сотрудничество Беларуси и Таджикистана // Посольство Республики Беларусь в Республике Таджикистан : [сайт]. – URL: https://tajikistan.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/belarus_tajikistan/cultural/ (дата обращения: 11.01.2025).

36. О грантах на обучение в Беларуси в 2025–2026 учебном году // Посольство Республики Беларусь в Кыргызской Республики : [сайт]. – URL: https://kyrgyzstan.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/education/e63e2375cd53230b.html (дата обращения: 10.01.2025).

37. Сотрудничество в гуманитарной сфере Беларуси и Алжира // Посольство Республики Беларусь в Арабской Республике Египет : [сайт]. – URL: https://egypt.mfa.gov.by/ru/blr_algeria/humanitary/ (дата обращения: 06.01.2025).

38. Гуманитарное сотрудничество Беларуси и Египта // Посольство Республики Беларусь в Арабской Республике Египет : [сайт]. – URL: https://egypt.mfa.gov.by/ru/blr_egypt/humanitary/ (дата обращения: 06.01.2025).

39. Научно-техническое сотрудничество, сотрудничество в образовательной сфере Беларуси и Вьетнама // Генеральное консульство Республики Беларусь в г. Хошимин : [сайт]. – URL: https://hcmc.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/vnnauka/#:~:text= (дата обращения: 06.01.2025).

40. Белорусско-Китайский межправительственный комитет по сотрудничеству. Комиссия по сотрудничеству в области образования // Беларусь–Китай : [сайт]. – URL: https://www.belaruschina.by/committee/cooperation_education/ (дата обращения: 10.01.2025).

41. Сотрудничество в сфере образования // Посольство Республики Беларусь в Китайской Народной Республике : [сайт]. – URL: <https://china.mfa.gov.by/ru/bilateral/humanitarian/education/> (дата обращения: 10.01.2025).

42. Посол: общее количество китайских студентов в Республике Беларусь превысило 9,5 тыс. // Sputnik Belarus : информ. портал. – URL: <https://sputnik.by//20240229/posol-obschee-chislo-kitayskikh-studentov-v-belarusi-prevysilo-95-tysyach-1084069349.html?ysclid=m8x3jnkokk555314981/> – Дата публ.: 29.02.2024.

43. Хань Ваньчэнь. Особенности китайско-украинского сотрудничества в сфере образования (апрель 2011–2021 г.) / Хань Ваньчэнь // Журнал международного права и международных отношений. – 2024. – № 1–2. – С. 54–62.

44. Иванец: Беларусь и Узбекистан реализуют более 80 совместных образовательных программ // БелТА : информ. портал. – URL: <https://belta.by/society/view/ivanets-belarusi-uzbekistan-realizujut-bolee-80-sovmestnyh-obrazovatelnyh-programm-586200-2023/?ysclid=m8x4itwnen370187471> – Дата публ.: 04.09.2023.

45. О сотрудничестве Беларуси и Узбекистана в сфере образования и молодежной политики // Посольство Республики Беларусь в Республике Узбекистан : [сайт]. – URL: https://uzbekistan.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/humanitar/educ/ (дата обращения: 17.02.2025).

46. Численность студентов и магистрантов – иностранных граждан, обучающихся в учреждениях высшего образования Республики Беларусь // Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2024. – Мн. : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – С. 88–89.

47. Сотрудничество в сфере образования, культуры, здравоохранения и туризма // Посольство Республики Беларусь в Республике Индия : [сайт]. – URL: <https://india.mfa.gov.by/ru/sri/hum/> (дата обращения: 10.01.2025).

Поступила 11.03.2025 г.

А. И. МАРКЕВИЧ,
*кандидат политических наук, заведующий кафедрой
государственного управления, Академия управления
при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь
E-mail: markevica052@gmail.com*

УКРЕПЛЕНИЕ НАРОДОВЛАСТИЯ КАК КОНЦЕПТ РАЗВИТИЯ БЕЛАРУСИ: НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Определены направления совершенствования народовластия как необходимого условия эволюционного развития Республики Беларусь. Дана сравнительная характеристика двух исторически сформировавшихся моделей демократии, на основе чего формулируется вывод, что коллективистская культурная традиция белорусов ограничивает возможность прямого заимствования западноевропейских политических институтов, подталкивает к созданию собственной модели народовластия, базирующейся на национальных особенностях и опыте.

Ключевые слова: историческая преемственность, модели демократии, общественное развитие, общественно-политическая устойчивость, политические институты, совершенствование народовластия, эволюционный путь развития

A. MARKEVICH,
*Candidate of Political Sciences, Head of the Department of Public Administration,
Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus,
Minsk, Belarus
E-mail: markevica052@gmail.com*

STRENGTHENING PEOPLE'S POWER AS A CONCEPT OF BELARUS'S DEVELOPMENT: DIRECTIONS OF IMPROVEMENT

Directions for improving democracy as a necessary condition for the evolutionary development of the Republic of Belarus have been identified. A comparative characteristic of two historically formed models of democracy is given, on the basis of which a conclusion is formulated, that the collectivist cultural tradition of Belarusians limits the possibility of directly borrowing Western European political institutions, and encourages the creation of their own model of democracy based on national characteristics and experience.

Keywords: historical continuity, models of democracy, social development, socio-political stability, political institutions, improvement of democracy, evolutionary path of development

Понятия «народовластие», «демократия» и «разделение властей» вызывают жаркие и непрекращающиеся дискуссии не только в гуманитарных науках и научной среде в целом, но и в реальном политическом процессе, информационном сообществе. При всей очевидности основных принципов данных

понятий, их реализация на практике в различных государствах и в различные исторические периоды имеет существенные, а порой и кардинальные отличия. Современный динамичный и противоречивый период не является исключением, и мы становимся свидетелями не только глобальных изменений и потрясений, но и очевидцами острого информационного и политического противоборства в ходе практической реализации постулатов демократии в различных государствах. Информационное противоборство в силу своей уникальности требует отдельного глубокого и детального изучения, нашей целью является осмысление современного отражения в реальной политике демократических постулатов для определения направлений укрепления народовластия в Республике Беларусь.

Научные взгляды, затрагивающие указанный спектр вопросов, нашли свое отражение в трудах таких отечественных авторов, как Н. А. Антанович (см., например, [1]), В. Н. Ватыль, В. А. Мельник, С. В. Решетников, А. В. Савиных (см., например, [3]), а по отдельным аспектам практической реализации закреплены в работах С. М. Алейниковой, Е. М. Бабосова, И. И. Бузовского, Н. Ю. Веремева, И. В. Карпенко, К. Е. Коктыша (см., например, [4]), В. Г. Когута, Л. С. Мальцева, И. И. Мушкета, Н. Л. Мысливца и др.

Актуальность данной темы обусловлена как ее высокой практической востребованностью, так и необходимостью дальнейшего научного осмысления и развития. В частности, возникает потребность в сравнительном анализе теоретико-методологических подходов к демократии и народовластию, их реализации с учетом актуального мирового и отечественного опыта, определении направлений укрепления белорусской государственности, теоретическом закреплении национальной модели народовластия, ее общественно-политической устойчивости, в выработке подходов по формированию общественно-политического стабилизатора политической системы Беларуси в повседневных условиях и в упрочении механизма необратимости эволюционного пути общественного развития.

Указанные направления тесно связаны не только с политологической наукой, но и рядом иных наук, а также междисциплинарных исследований. При всем этом народовластие является важной фундаментальной основой политической системы любого современного государства, стремящегося к развитию и процветанию, поскольку его реализация придает власти легитимность, и на его основе осуществляется добровольная поддержка и согласие населения, реализуемые в практическом волеизъявлении и реальном политическом процессе.

Конституционные положения определяют: «Республика Беларусь – унитарное демократическое социальное правовое государство» [5, ст. 1], где «единственным источником государственной власти и носителем суверенитета... является народ» [5, ст. 3]. При этом «демократия в Республике Беларусь

осуществляется на основе идеологии белорусского государства, а также многообразия политических институтов и мнений» [5, ст. 37].

Кроме того, на конституционном уровне определены демократические основы государственного устройства, которые основываются на народовластии и в дальнейшем находят свое развитие в концептуальных документах. В частности, обеспечение незыблемых устоев народовластия является важной характеристикой национальных интересов, которые закрепляются в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [6, ст. 4]. В Директиве Президента Республики Беларусь «О реализации основ идеологии белорусского государства» от 9 апреля 2025 г. № 12 отмечается, что Беларусь «состоялась как государство, построенное на принципах народовластия, гуманизма, социальной справедливости, равенства прав и возможностей, исторической преемственности» [7].

Различные процессы, участником которых стала и Республика Беларусь, привели к реализации масштабной трансформации политической системы нашего государства, которая охватила все сферы, включая концептуальные основы государственного строительства, существенную корректировку конституционного законодательства. Произошло развитие и укрепление конституционных новаций в десятках законах, других нормативных правовых актах, наблюдается формирование новых и укрепление действующих политических и правовых институтов, практическое совершенствование государственного управления на всех уровнях.

Дальнейшее воплощение и совершенствование народовластия в Беларуси нашло свое отражение в целом ряде нормативных правовых актов, где закрепляются не только основы участия граждан в общественных и государственных делах, но и конкретные механизмы, позволяющие их непосредственно реализовывать, что подчеркивает «уникальность белорусской модели общественного развития» [7].

Ключевым институтом, который демонстрирует реальную суть народовластия в Республике Беларусь, является Всебелорусское народное собрание (далее – ВНС), получившее конституционный статус, законодательное [8] и практическое воплощение в политической системе Республики Беларусь. По своей конституционной природе ВНС представляет собой орган народовластия, общепризнанными формами которого являются выборы и референдумы, где само собрание стало специфическим проводником или реальной формой народовластия в Республике Беларусь, поскольку имеет широчайшее народное представительство интересов различных социальных групп, функционирует на высшем политико-юридическом уровне, обладая непосредственной возможностью влиять на происходящие процессы во всех сферах, и, постоянно поддерживая связь с широкими народными массами, является информатором, проводником и реализатором принятых решений.

Принципами работы ВНС являются: принцип народовластия; принцип верховенства права и законности; принцип демократичности; принцип преемственности государственной политики; принцип социальной справедливости; принцип гласности; принцип коллегиальности; принцип свободного обсуждения и принятия решений [8, ст. 3], которые отчетливо подчеркивают реальную суть ВНС как высшего представительного органа народовластия.

Как высший представительный орган собрание выполняет стабилизирующую и консолидирующую функцию в обществе, гарантирует преемственность и устойчивость системы органов государственной власти, при этом его особый статус обеспечивается широким представительством, так как в качестве делегатов принимают участие представители всех ветвей власти, органов местного самоуправления, а также гражданского общества, что значительно минимизирует риски разбалансировки политической системы, поскольку реализуется практическая возможность учета при принятии решения максимально широкого спектра мнений и потребностей, выработка наиболее оптимального баланса интересов.

Очевидно, что реализация подлинного народовластия является фундаментальной основой и ключевым условием эволюционного пути развития государства, поскольку снижается риск социальных конфликтов и закрепляется базовая платформа для мирного решения спорных резонансных проблем, вопросов и созидательного процесса государственного строительства. Это приобретает дополнительную актуальность с учетом приоритетности целей государственного развития, которая определена на ближайшее пятилетие в Республике Беларусь, – «укрепление белорусской государственности» [9]. Принятие Директив № 11 [10] и 12 [7], целого ряда Указов Президента Республики Беларусь [11–13] дает необходимую динамику данному процессу, позволяет активизировать деятельность различных институтов государства, гражданского общества по осуществлению подлинного народовластия, укрепить сплоченность и единство белорусов.

Совсем иные шаги мы наблюдаем в ходе осуществления реальной политики в государствах Европейского союза и тех, которые взяли за ориентир постулаты западной демократии. Достаточно упомянуть специфические шаги, реализуемые в ходе проведения выборов Президента Республики Молдова в октябре 2024 г., когда на территории Российской Федерации, где находятся сотни тысяч граждан Молдовы, функционировало лишь два избирательных участка, причем оба – в Москве, тогда как во многих западноевропейских государствах, где граждан Молдовы находилось на порядок меньше, действовали десятки. Еще более беспрецедентным циничным примером является отмена первого тура президентских выборов в Румынии, когда победивший в первом туре кандидат от оппозиции Кэлин Джоржэску с более чем 22 % голосов был снят с президентской гонки с запретом повторного участия в качестве

кандидата в Президенты, при этом не было представлено вразумительных доказательств нарушений с его стороны. В этом же ключе необходимо рассматривать решение о невозможности участия в предвыборной гонке Мари Ле Пен на президентских выборах во Франции в 2026 г. Эти и целый ряд других фактов подталкивают к необходимости уяснения вопроса, как соотносится такая «демократия» с осуществлением подлинного народовластия и необходимостью его реализации на принципах справедливости и законности.

По мнению белорусского исследователя А. В. Савиных, «любые формы равенства, как необходимое условие существования демократического порядка, не существуют в физической природе, а значит, являются продуктом цивилизационного прогресса и социального развития. Существование демократических обычаев поддерживается искусственно за счет осознанно сформированных в обществе гуманистических традиций, обычаев, законов и институтов. Это ключевая особенность, определяющая условия возникновения и сохранения демократии как общественного института» [3]. С учетом возникающей конкуренции среди социальных групп, различия в их представлениях, потребностях и устремлениях при принятии управленческих решений реальными акторами политики невозможно реализовать в равной мере все запросы. Соответственно, существуют социальные группы, требования которых выполняются в большей мере, и социальные группы, интересы которых реализуются минимально или даже игнорируются. Соответственно, для поддержания общественно-политической устойчивости целесообразно обеспечивать интересы большинства, что будет поддерживать политическую систему в относительно равновесии. Важно, чтобы этот процесс проходил максимально открыто и сопровождался определенными компенсационными решениями в отношении социальных групп, интересы которых удовлетворяются в меньшей степени.

Бытует мнение, что демократические основы государственного устройства базируются на принципах участия народа в управлении государством, сочетающимися с гарантиями соблюдения и защиты прав граждан. Соответственно, общественно значимые решения, принятые большинством голосов, будут выполняться всеми членами общества.

В западных общественно-политических моделях прямое участие граждан реализуется, как правило, только в форме проведения референдумов, а демократические формы осуществляются в форме представительной демократии, когда один раз в четыре-пять-семь лет выбираются представители, которым делегируется право представлять интересы людей, их избравших. Предполагается, что способность граждан делать рациональный правильный выбор и есть проявление непосредственной демократии.

Однако на этом пути существует целый ряд объективных препятствий, которые приводят в том числе и к обратным результатам. Их еще называют

ловушками демократии. Одна из них заключается, как ни странно, в способности электората осуществлять рациональный выбор, приводя к власти политиков, которые будут реализовывать их интересы. Немногие люди, участвующие в голосовании, отдают свой голос за кандидата на основе спокойного, аналитического подхода. Зачастую это происходит на основе личных симпатий или антипатий либо интуитивным образом. При этом побеждает политик-шоумен, который впоследствии не оправдывает ожиданий электората или, что еще хуже, является ставленником скрытого, в том числе внешнего, управления. Соответственно он не реализует национальные интересы государства, которые основаны на балансе потребностей личности, общества и государства.

Также ловушкой демократии является возможность осуществления непосредственного влияния на электорат путем подкупа, манипулятивного информационного воздействия, или, как мы видим в Румынии и во Франции, устранения из политического процесса пользующегося доверием электората реального или потенциального кандидата. В таком случае практика манипуляции общественным мнением, которая совершенствовалась десятками лет, даже столетиями, привела к тому, что у западного обывателя формируется иллюзия выбора, когда количество кандидатов и их различие в программах не приводит к смене политического курса, а лишь к смене персон, при этом у власти сохраняется правящая элита, реализующая политику в интересах узкого круга лиц, а не всего общества.

По своей сути западная общественная модель сохранила существовавший со времен Средневековья подход, когда политические решения принимаются в интересах аристократии, но в настоящее время это делается более изощренно, закамуфлировано, в обертке словесной и информационной мишуры, за которой сложно рассмотреть и понять истинный смысл действий.

Кроме того, в западных политологических подходах прямое участие граждан в принятии решений в государственном масштабе рассматривается как проявление кризиса демократии, соответственно, на практике почти нигде не применяется. Опора на либерализм, по сути, идеологию личного успеха, основана на тезисе, что соблюдение своих политических и экономических прав гражданин может обеспечить через конфликт, результатом которого является торг или соглашение со своим визави. В результате эта идеология трансформировалась в идеологию неолиберализма, где ценность любого человека определяется не его сущностными характеристиками, а успехом на рынке, размером дохода, благосостоянием.

Таким образом, конкуренция в западных общественных моделях происходит внутри правящей элитной группы, разделенной на несколько подгрупп, которые могут выступать с различными политическими программами, но являются по своей сути представителями одной и той же социальной группы,

политического класса, и борьба между ними происходит за право распоряжаться общественными и государственными фондами, что позволяет им укрепить свое имущественное положение. Приход к власти той или иной подгруппы элиты не приводит к смене или даже корректировке модели политической организации общества, а реализуемые решения направлены на удовлетворение интересов элиты, и лишь вторично, если это не противоречит таким интересам, реализуются интересы большинства общества. Современное западное общество характеризуется индивидуализмом, атомизацией и ростом эгоцентричных настроений. Население западных государств представляет собой своеобразную ассоциацию индивидов, где интересы личности преобладают над интересами общего благополучия, и в таком обществе ценности коллективизма и народовластия теряют свою социальную значимость.

Следовательно, политическая деятельность в западных политических моделях превращается в хорошо отрежиссированный спектакль, при этом ни о каком народовластии не может быть и речи, а прогресс достигается путем конфликтной борьбы за свои права, свободы путем протестов, забастовок, переворотов и революций.

Исторически сложившаяся восточнославянская народная демократия отличается от западной модели, поскольку ее развитие проходило на основе нравственных и духовных ценностей, связанных с православной верой, а также традициями солидарного коллективистского общества сельской общины. Соответственно, коллективистские начала взаимопомощи, учета личностных интересов с общественными интересами общины, индивидуальными интересами ее членов имеют глубокие исторические корни, и на этой основе формировались начала народовластия, которые в ходе общественного совершенствования, прогресса и трансформации дошли до наших дней. Религиозные и общинные морально-этические нормы и ценностные ориентации, переплетаясь с тканью традиционной и политической культуры, в том числе и в советский период белорусской государственности, сформировали духовный фундамент общества, который нашел свое отражение в ценностях белорусов как нации и закрепление в конституционных нормах белорусского государства, директивных и нормативных документах, политических процессах и институтах Беларуси.

Важно понимать, что коллективистская культурная традиция белорусов ограничивает возможность прямого заимствования западноевропейских политических институтов, подталкивает к созданию опоры, базирующейся на национальных особенностях и опыте, на основе которой совершенствуются политические процессы и институциональная система, при этом игнорирование таких особенностей способно привести к негативным последствиям. Развитие коллективных форм логического и творческого мышления, совершенствование интеллектуальных возможностей реализации участия в политической жизни

являются одним из аспектов реализации народовластия, и это позволяет создать систему, где интересы и запросы отдельных граждан гармонично сочетаются с интересами всего общества, а также реализуется принцип народовластия «снизу-вверх». Подлинное народовластие основывается и базируется на инициативе и активном участии граждан, а не исключительно на диктате власти, при этом информационные и сетевые технологии стали важными инструментами, непосредственно влияющими и характеризующими народовластие в XXI в.

Практическая реализация народовластия стимулирует механизм общественного диалога, развитие институтов гражданского общества, формирует ответственных и активных граждан для участия в общественной жизни. В целом сформировалась необходимость адаптации выработанных теорией и практикой имеющихся и поиска новых форм осуществления народовластия в Республике Беларусь в условиях развития общества и государства, включающих в себя: укрепление института президентства, наполнение реальным содержанием деятельности ВНС, дальнейшее развитие и укрепление «электорального суверенитета», институтов гражданского общества, включая совершенствование партийной системы, закрепление общественно-политической устойчивости национальной модели государственности и необратимости эволюционного пути развития Беларуси.

Таким образом, сложились две исторически сформировавшиеся модели демократии, одна из которых «развивает демократические традиции и обеспечивает защиту прав человека как органичную часть процесса духовного и материального развития общества в интересах всех граждан» [3] и которую в национальной модели государственности мы называем народовластием.

Другая модель сформировалась на основе западной либеральной и неолиберальной идеологии, где в основе развития и прогресса выступает конфликтное противостояние и политическая борьба, где наиболее активными формами стали демонстрации, митинги, забастовки, иные протестные акции, восстания, революции, включая «цветные революции» как инструмент смены неугодных политических режимов. Все это происходит без изменения исходных иерархических принципов построения общества, создающих неравенство.

Направлениями дальнейшего совершенствования народовластия в Беларуси будут выступать теоретическое закрепление ее национальной модели, укрепление общественно-политической устойчивости, выработка подходов по формированию общественно-политического стабилизатора политической системы Беларуси в обычных условиях и формирование на этой основе механизма необратимости эволюционного пути общественного развития.

Список использованных источников

1. Антанович, Н. А. Теория и методы анализа государственного управления в политической науке : дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.01 / Антанович Нина Арсеньевна ; Бел. гос. ун-т. – Мн., 2018. – 284 с.
2. Решетников, С. В. Становление методологии функционального подхода в политической науке / С. В. Решетников, Т. С. Решетникова // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2011. – № 1. – С. 98–105.
3. Савиных, А. В. Демократия: условия становления / А. В. Савиных. – URL: <https://savinykh.by/?p=10283> (дата обращения: 11.05.2025).
4. Коктыш, К. Е. Исходный код / К. Е. Коктыш. – Мн. : Беларусь, 2025. – 295 с.
5. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. – Мн. : Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь, 2024. – 109 с.
6. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь : решение Всебелорусского народного собрания : 25 апр. 2024 г. № 5. – Мн. : Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь, 2024. – 64 с.
7. О реализации основ идеологии белорусского государства : Директива Президента Респ. Беларусь от 9 апр. 2025 г. № 12 // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. – URL: <https://president.gov.by/ru/documents/direktiva-no-12-ot-9-aprela-2025-g> (дата обращения: 11.05.2025).
8. О Всебелорусском народном собрании : Закон Респ. Беларусь от 7 февр. 2023 г. № 248-3 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12300248&p1=1> (дата обращения: 11.05.2025).
9. Гигин, В. Ф. Большие полномочия подразумевают и большую ответственность / В. Ф. Гигин // SB.BY: Беларусь сегодня : информ. портал. – URL: <https://www.sb.by/articles/pravitelstvoryatiletki-kachestva.html> – Дата публ.: 06.03.2025.
10. О совершенствовании функционирования системы органов власти и управления, усилении исполнительной дисциплины : Директива Президента Респ. Беларусь от 2 апр. 2025 г. № 11 // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. – URL: <https://president.gov.by/ru/documents/direktiva-no-11-ot-2-aprela-2025-g> (дата обращения: 11.05.2025).
11. Об усилении роли председателей исполнительных комитетов базового уровня в развитии регионов : Указ Президента Респ. Беларусь № 74 от 21 февр. 2025 г. // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. – URL: <https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-no-74-ot-21-fevrala-2025-g> (дата обращения: 11.05.2025).
12. Об утверждении Государственной инвестиционной программы на 2025 год : Указ Президента Респ. Беларусь № 49 от 5 февр. 2025 г. // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. – URL: <https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-no-49-ot-5-fevrala-2025-g> (дата обращения: 11.05.2025).
13. О приоритетных направлениях научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2026–2030 годы : Указ Президента Респ. Беларусь № 135 от 1 апр. 2025 г. // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. – URL: <https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-no-135-ot-1-aprela-2025-g> (дата обращения: 11.05.2025).

Поступила 27.03.2025 г.

В. А. МЕЛЬНИК,
доктор политических наук, профессор,
Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь
E-mail: r6260974@mail.ru

К ВОПРОСУ О ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Анализируется феномен гражданского общества в контексте политико-правовой мысли и белорусского законодательства. Обосновывается интегративный подход, при котором государство рассматривается не вне, а как неотъемлемый институт гражданского общества, обеспечивающий его функциональность и устойчивость.

Ключевые слова: гражданское общество, государство, правовой статус, общественные объединения, гражданские институты, семья

V. MELNIK,
Doctor of Political Sciences, Professor,
Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus,
Minsk, Belarus
E-mail: r6260974@mail.ru

TO THE QUESTION OF CIVIL SOCIETY

The phenomenon of civil society is analyzed in the context of political and legal thought and Belarusian legislation. It substantiates an integrative approach, in which the state is considered not outside, but as an integral institution of civil society, ensuring its functionality and sustainability.

Keywords: civil society, state, legal status, public associations, civil institutions, family

I

В обновленной Конституции Республики Беларусь в главе 3¹ «Всебелорусское народное собрание» в числе его делегатов указываются «представители гражданского общества» [1]. В связи с данным положением Конституции принят Закон Республики Беларусь от 14 февраля 2023 г. № 250-3 «Об основах гражданского общества» [2]. О политическом значении указанных новаций нам довелось высказываться в ходе разработки данного Закона и в сообщениях на научных конференциях. Цель данной статьи – ознакомление с феноменом гражданского общества более широкого круга заинтересованных читателей.

Категория «гражданское общество», понимаемая в широком смысле, является обозначением обществ, утвердившихся в XVII–XVIII вв. в ряде стран Северной Америки и Центральной Европы, а затем такие общества стали появляться и в других регионах мира. Особенности их, в отличие от предшествующих им традиционных обществ, выражаются главным образом во властном

статусе народа и наделении на законодательной основе всех его членов четкими и равными правами и обязанностями как в отношениях друг с другом, так и во взаимодействии с ими же создаваемыми государственно-властными институтами. В западных странах для обозначения эпохи становления и функционирования таких новых обществ используется слово *modern* (фр. *moderne*); в отечественном лексиконе с этой целью применяется слово «современность» как калька своего англоязычного аналога – модерн (модёрновый, модёрный).

Термин «*гражданское общество*» в отечественном лексиконе закрепился сравнительно недавно. Тем не менее социальные предпосылки формирования такого общества стали появляться с возникновением в Российской империи, в том числе в губерниях на территории Белоруссии, объединений людей с признаками самоорганизующихся систем. Это были прежде всего уездные города с установившимся бытом и регулярностью жизненных циклов. Существенные результаты показали создаваемые органы местного самоуправления – земства, стремившиеся отстаивать свои региональные интересы перед государственной бюрократией. Согласно аналитическим оценкам в эволюции жизнедеятельности отечественного дворянства отчетливо просматривается «логика генезиса идеи гражданского общества» [3; 4].

В марксистском учении фактически аналогом понятия «гражданское общество» является термин «буржуазное общество». Слово «буржуазное» происходит от позднелатинского *burgus* – «укрепленный город», жители которого – буржуа, буржуазия – занимались ремеслом и торговлей; их труд, в отличие от занятий сельского населения, искони считался предпочтительным. В последующем эти слова употреблялись для обозначения зажиточных горожан, которые использовали свои деньги для собственного обогащения. В последние два десятилетия XIX в. в марксистском лексиконе словом «буржуазия» обозначался особый общественный класс, а производный от его термин «*буржуазный*» – способ производства.

Слово «капитал» (позднелат. *capitale* от *capul* – «голова») имеет гораздо более раннее происхождение. Как выяснил французский историк Ф. Бродель, оно появилось около XII–XIII вв. в значении «ценность, запас товаров, масса денег или же деньги, приносящие процент». Слово «капиталист» (фр. *capitaliste*) восходит к середине XVII в. и изначально употреблялось для обозначения состоятельного горожанина, облагаемого более высоким налогом. Со временем им стали обозначать собственника средств получения прибавочной стоимости путем использования наемного труда. Термин «капитализм» в научный оборот ввел в 1902 г. своей книгой «Современный капитализм» немецкий экономист, социолог и историк культуры В. Зомбарт. Как заметил Ф. Бродель, это слово, не употреблявшееся К. Марксом, органично вошло в марксистское учение так, что обычно говорят – рабовладение, феодализм, капитализм, чтобы

обозначить крупные этапы общественного развития, различавшиеся автором «Капитала» [5, с. 225–228].

В советское время понятие «гражданское общество» из-за его ассоциации с обществом буржуазным, а значит, и с современным обществом, не употреблялось.

Слово «гражданин» восходит к праславянскому *gordjaninъ «житель города» [6, с. 110]. Ныне в русском лексиконе гражданами называются лица, принадлежащие на правовой основе к определенному государству. Латинским аналогом слова «гражданин» является *civis*, а термину «общество» соответствует *societas*; следовательно, сочетание слов «гражданское общество» является русским переводом латинского *civis societas*.

Таким образом, в постсоветскую эпоху слово «гражданин» было использовано для создания в русском языке понятия «гражданское общество», аналогичного латинскому *civitas societas*. Переводчики книги американского социолога-теоретика Т. Парсонса «Система современных обществ» сочли приемлемым использовать передачу французского термина *moderne* буквальной калькой – современный как полностью русифицированным словом «современный».

В начале эпохи современности «гражданское общество» противопоставлялось «государству». При этом считалось, что государство не должно вмешиваться в деятельность граждан и их объединений, и потому оно якобы призвано выполнять роль «ночного сторожа» – защитника людей от возможных неприятностей со стороны сограждан. Исключительное значение гражданской инициативы в жизнедеятельности современного общества пропагандировали идеологи буржуазных революций. Адептам такого разграничения функций государства и самостоятельных институтов граждан виделась только будущая идиллия социальной жизни.

Принципиально иначе оценивал эпоху современности К. Маркс. Его высказывания о гражданском обществе на фоне радужных представлений мыслителей того времени кажутся, мягко говоря, бессмысленными. Не отрицая значения прав и свобод граждан как достижения буржуазного общества или, иначе, эпохи модерна, в институте права он увидел, тем не менее, инструмент подчинения и эксплуатации людей, а не преодоление отчужденного от своего дела положения человека. «Будучи продуктом гражданского общества, – полагал он, – в силу собственного своего развития вынужденного вырваться из старых политических оков, современное государство, со своей стороны, признало путем провозглашения прав человека свое собственное материальное лоно и свою собственную основу» [7, с. 125]. Лишь развитие материальных производительных сил общества, согласно К. Марксу, ведет к возникновению предпосылок бесклассового сообщества людей, а именно «ассоциации, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития

всех» [8, с. 447]. Правда, он исходил из того, что на указанные общественные изменения, а значит, и на преодоление отчуждения человека понадобится не одна историческая эпоха. «Снятие самоотчуждения, – по его мысли, – проходит тот же путь, что и самоотчуждение» [9, с. 113].

Очевидно, что человечество и поныне остается в том же самом по своей технологической сути «материальном лоне» и не в ассоциации свободных людей, а в сообществах, основанных на соблюдении правовых норм, а значит, и на государственном принуждении. Следовательно, функционирование государства как общественного института и самодеятельных ассоциаций граждан по-прежнему остается актуальной проблемой обществ современности.

II

Что же понимается под «гражданским обществом» в настоящее время? В современной литературе встречаются два основных подхода к интерпретации рассматриваемого феномена.

Первый подход состоит в выделении из всей совокупности отношений государственно организованного сообщества самодеятельных институтов граждан, которые «развиваются в данном сообществе вне рамок государства и без его непосредственного вмешательства или помощи» [10, с. 204]. При этом считается, что такие институты в своей совокупности и составляют гражданское общество. К таковым обычно относят семейные, кровнородственные, этнические, демографические, культурные, экономические, образовательные, религиозные и иные объединения граждан, которые по содержанию своей деятельности не являются политическими.

Очевидно, что в таком понимании «гражданское общество» есть условное обозначение организационно не связанных друг с другом совокупностей объединений людей. Хотя при этом, однако, каждое зарегистрированное в установленном порядке отдельно взятое самодеятельное объединение, безусловно, является социальным субъектом.

Согласно второму подходу к пониманию гражданского общества, таковым считается политически организованное сообщество людей, то есть государство как целостный организм, в котором имеется и постоянно расширяется область свободного выбора деятельности составляющих его индивидов, называемых гражданами. Обеспечение индивидами в таком сообществе своих интересов осуществляется индивидуально или путем коллективной деятельности в составе учреждений и объединений, создаваемых ими и оформленных в установленном порядке в качестве субъектов правоотношений. Такие социальные институты выступают посредниками в отношениях граждан с органами государственной власти. В западном политическом лексиконе они обычно именуется группами интересов.

При данном подходе к самостоятельным относятся не только указанные выше общественные объединения, но и политические партии, профсоюзы, ассоциации предпринимателей, малые и крупные корпорации бизнеса, объединения в сферах образования, науки, культуры, спорта, потребительские союзы, учреждения социальной сферы, наиважнейшим из которых является семья, или институт семьи.

Компетенция вмешательства государства в деятельность самостоятельных общественных объединений ограничена и строго определена законом. Государство в данном случае выступает *скрепой гражданского общества*; вместе с составляющими его индивидами и образуемыми ими объединениями оно формирует правовую основу такого общества и обеспечивает ее реализацию.

Общество современности, включающее в себя и гражданские институты, регулируется законами, основной из которых в большинстве государств называется Конституцией. Негосударственные институты следуют установленным законами правилам общежития. Органы государства контролируют их соблюдение гражданами и принимают меры по восстановлению правопорядка в случае его нарушения. К вмешательству властных институтов в деятельность общественных объединений нередко призывают и сами их руководители или их индивидуальные участники – в случаях необходимости разрешения конфликтов в их собственной среде. Такие государства, как известно, называются правовыми.

Особо подчеркнем, что при данном понимании гражданского общества оно не выводится за рамки государства. И само государство не выводится за пределы гражданского общества. Более того, государство в обществах современности организуется по воле граждан, сознающих себя народом или нацией. Это означает, что каждый гражданин является носителем не только своего личного или группового интереса, но и общих интересов нации. В таком обществе государство является его не переменным институтом, призванным выполнять основную роль в обеспечении его целостности и достижении его целей. Только при взаимодействии властных институтов и самостоятельных институтов граждан может обеспечиваться справедливое распределение национального продукта. Находить такой баланс – это задача задач. Как отметил английский социолог Э. Гидденс, общество современности, состоящее из конгломерата гражданских институтов и преследующее групповые интересы своих членов, «является “обществом” лишь потому, что оно – национальное государство» [11, с. 180].

Строго говоря, государство и его институты входят в определение гражданского общества. Без государства и его властных полномочий, согласно М. Веберу, на «монополию легитимного физического насилия» [12, с. 645] невозможно представить не только реализацию и защиту прав и интересов граждан, но и обеспечение полноценного функционирования ориентирующихся на выражение частных и групповых интересов самостоятельных объединений.

При таком понимании гражданского общества само оно и все его институты – как государственные, так и негосударственные – являются субъектами общественной жизни. Субъектом такого общества выступает и каждый полноправный его гражданин.

Таким образом, второй подход к пониманию гражданского общества, в отличие от первого, по-иному интерпретирует взаимодействие институтов государства и самодеятельных объединений граждан. В данном случае институты государства и общественные объединения составляют единое сообщество. Со времен Г. В. Ф. Гегеля признается, что государство является условием, при котором и возможно существование гражданских институтов. Гражданское общество мыслитель представляет как стадию в диалектическом развитии от семьи к государству: «Государство есть вообще первое, внутри которого семья развивается в гражданское общество, и сама идея государства распадается на эти два момента» [13, с. 278]. Они представляют сферу общественной жизни, где граждане в рамках правового государства стремятся удовлетворять свои индивидуальные потребности и интересы. Следовательно, граждане заинтересованы в регулирующей роли государства, без чего их самодеятельные институты деградировали бы. В свою очередь, и государство заинтересовано в гражданских инициативах как факторе развития общества.

III

Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко на встрече с общественностью, состоявшейся 15 марта 2024 г. и приуроченной к 30-летию принятия Конституции Республики Беларусь, высказался о необходимости «выработать механизм жизни в построенном обществе». Одновременно он предложил «пока оставить открытым вопрос о перечне субъектов гражданского общества в Беларуси» [14].

Нетрудно догадаться, что проблема эта встала в связи с предложениями о включении в состав Всебелорусского народного собрания представителей от большего числа субъектов гражданского общества. В связи с данной новацией в Конституцию Республики Беларусь было включено понятие «представители гражданского общества», а затем принят и Закон Республики Беларусь от 14 февраля 2023 г. № 250-З «Об основах гражданского общества» [2].

Проблема состоит не в количестве субъектов гражданского общества – таковыми являются не только групповые объединения, но и каждый гражданин Республики Беларусь, – а, как заметил Глава государства, в отладке механизма функционирования национального сообщества в целом. Очевидно, что прежде всего имеются в виду принципы взаимодействия объединений граждан, во-первых, с институтами государственной власти и управления; во-вторых, с учреждениями местного управления и самоуправления; в-третьих, взаимных отношений самодеятельных объединений граждан. Отладка таких механизмов взаимодействия – длительный и практически непрекращающийся процесс.

Повторим здесь формулировки, которые, мы считаем, раскрывают черты современного гражданского общества. Общим подход к пониманию гражданского общества исходит из того, что таковым считается политически организованное сообщество людей (государство) как целостный организм, в котором имеется и постоянно расширяется область свободного выбора деятельности составляющих его индивидов. При этом подходе к самостоятельным общественным объединениям относятся политические партии, профсоюзы, ассоциации предпринимателей, малые и крупные корпорации бизнеса, объединения в сферах образования, науки, культуры, спорта, потребительские союзы, социальные институты, наиважнейшим из которых является семья, и многие-многие другие.

Далее приведем численность общественных объединений Республики Беларусь. Исключительно важным для роста и процветания белорусской нации имеет такой социальный институт, как семья. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь (Белстата) на 2019 год, в стране насчитывалось 2 612 413 семей; средний размер составлял 2,9 человека [15]. Глава нашего государства А. Г. Лукашенко неоднократно отмечал, что территория и природные условия страны позволяют как минимум удвоить численность населения республики. По состоянию на 1 января 2025 г. в нашем сообществе зарегистрировано 1 397 общественных объединений и 19 профессиональных союзов [16]. Полагаем, что эти цифры также будут увеличиваться.

Общество современности, включающее в себя и гражданские институты, регулируется законами, основным из которых в большинстве государств является Конституция. Негосударственные институты также следуют установленным законами правилам общежития. Органы государства контролируют их соблюдение гражданами и принимают меры по восстановлению правопорядка в случае его нарушения. К вмешательству властных институтов в деятельность общественных объединений нередко призывают и сами их руководители или их индивидуальные участники – в случаях необходимости разрешения конфликтов в их собственной среде. Такие государства, как известно, называются правовыми.

Особо подчеркнем, что при данном понимании гражданского общества оно не выводится за рамки государства. И само государство как скрепа гражданского общества не выводится за его пределы. Более того, государство в обществах современности организуется по воле граждан, сознающих себя народом или нацией. Это означает, что каждый гражданин является носителем не только своего индивидуального или группового интереса, но и общих интересов нации. В таком сообществе государство является его неперенным институтом, призванным выполнять основную роль в обеспечении его целостности и достижении его целей. Только при взаимодействии властных институтов и самостоятельных объединений граждан может обеспечиваться справедливое распределение национального продукта. Находить такой баланс – это задача задач.

Видимо, нам предстоит еще долго избавляться от привычки называть механическую совокупность общественных объединений гражданским обществом. Одновременно предстоит привыкать к пониманию и того, что в гражданском обществе государство не выводится за его рамки, а является важнейшим институтом обеспечения жизнедеятельности национальной общности. И потому мы все – ученые, государственные деятели, служащие, граждане – должны со знанием дела и самым серьезным образом выстраивать свое гражданское общество. Начало этому процессу уже положено.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 20.06.2025).
2. Об основах гражданского общества : Закон Респ. Беларусь от 14 февр. 2023 г. № 250-3 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 20.06.2025).
3. Бачинин, В. А. Гражданское общество: генезис российской модели / В. А. Бачинин // Политология : энцикл. словарь / В. А. Бачинин. – СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 2005. – С. 61–62.
4. Слобожанин, В. П. Слобожанин, В. П. Земское самоуправление в Беларуси, 1905–1917 гг. / В. П. Слобожанин. – Мн. : Гавриленко В. Г., 1994. – 85 с.
5. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. : в 3 т. / Ф. Бродель. – М., 1988. – Т. 2 : Игры обмена / пер. с фр. Л. Е. Куббеля. – 632 с.
6. Цыганенко, Г. П. Этимологический словарь русского языка / Г. П. Цыганенко. – Киев : Радянська школа, 1979. – 599 с.
7. Маркс, К. Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании / К. Маркс, Ф. Энгельс // Избранные сочинения : в 9 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Политиздат, 1984–1988. – Т. 1. – 1984. – С. 14–222.
8. Маркс, К. Манифест коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М., 1955. – Т. 4. – С. 419–459.
9. Маркс, К., Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс // Сочинения : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М., 1974. – Т. 42. – С. 41–174.
10. Категории политической науки : учебник / А. Ю. Мельвиль, Т. А. Алексеева, К. П. Боришполец [и др.] ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (Ун-т) МИД России. – М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2002. – 656 с.
11. Гидденс, Э. Последствия современности / Э. Гидденс. – М. : Изд. и консалтинг. группа «Праксис», 2011. – 352 с.
12. Вебер, М. Политика как призвание и профессия / М. Вебер // Избранные произведения. – М., 1990. – С. 644–675.
13. Гегель, Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель. – М. : Мысль, 1990. – 524 с.
14. Президент о Конституции: Мы видим отражающий наши национальные интересы документ // NEWS.BY. – URL: https://news.by/news/obshchestvo/prezident_o_konstitutsii_my_vidim_otrazhayushchiy_nashi_natsionalnye_interesy_dokument. – Дата публ.: 15.03.2024.
15. Белстат: в Беларуси проживает 2 612 413 семей // SB.BY: Беларусь сегодня. – URL: <https://www.sb.by/articles/belstat-v-belarusi-prozhivaet-2-612-413-semey.html?amp=1>. – Дата публ.: 12.05.2025.
16. Общественные объединения // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. – URL: <https://president.gov.by/ru/belarus/society/obedinenija> (дата обращения: 20.06.2025).

Поступила 27.05.2025 г.

Н. С. ТАТИЩЕВ,
*аспирант, Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
Минск, Беларусь
E-mail: nik.tatil@gmail.com*

**О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ДИРЕКТИВЫ ПРЕЗИДЕНТА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
№ 12 «О РЕАЛИЗАЦИИ ОСНОВ ИДЕОЛОГИИ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВА»
В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ**

Представлен анализ отдельных положений Директивы Президента Республики Беларусь № 12 «О реализации основ идеологии белорусского государства» через призму тенденций развития глобализации. Выявлена недостаточность в понятийном аппарате и терминологии относительно адаптационных механизмов в условиях конфронтации глобальной и локальной идентичностей. В связи с этим предложен и обоснован термин «замещенная глобализация» и его определение.

Ключевые слова: глобализация, глокализация, идентичность, цифровой контент, санкции

N. TATISHCHEV,
*Postgraduate Student, Academy of Public Administration under the President
of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus
E-mail: nik.tatil@gmail.com*

**ON CERTAIN ASPECTS OF DIRECTIVE No. 12 OF THE PRESIDENT
OF THE REPUBLIC OF BELARUS “ON THE IMPLEMENTATION
OF THE FUNDAMENTALS OF THE IDEOLOGY
OF THE BELARUSIAN STATE” IN THE CONTEXT
OF GLOBAL TRANSFORMATION**

The analysis of certain provisions of Directive no. 12 of the President of the Republic of Belarus “On the Implementation of the Fundamentals of the Ideology of the Belarusian State” through the prism of globalization trends is presented. It identifies shortcomings in the conceptual apparatus and terminology regarding adaptation mechanisms in the context of the confrontation between global and local identities. In this regard, the term “substituted globalization” and its definition are proposed and justified.

Keywords: globalisation, glocalisation, identity, digital content, sanctions

Директива Президента Республики Беларусь «О реализации основ идеологии белорусского государства» от 9 апреля 2025 г. № 12 (далее – Директива) [1] является документом, призванным обобщить и систематизировать накопленный опыт страны в отношении идеологии, а также укрепления коммуникации власти и общества.

Исходя из текста документа представляется, что на его положения оказали влияние как внутривнутриреспубликанские события, так и ряд политических и общественных процессов мирового значения.

В частности, отдельный абзац Директивы устанавливает одно из направлений идеологической работы как «упрочнение национально-государственной идентичности, сохранение самобытности и обеспечение преемственного развития» [1, п. 2.3]. Поэтому положения Директивы относительно развития национально-государственной идентичности как смыслового каркаса страны можно рассматривать через призму нелинейного процесса трансформации глобализации в качестве ключевого внешнего фактора влияния на государственную идентичность. В силу геополитического положения страны, а также Союзного государства данный процесс несет особую актуальность.

Глобализация представляет собой процесс усиления взаимозависимости между странами, регионами и культурами, напрямую затрагивая экономику, информационные технологии, политику и культуру. В научной литературе в зависимости от точки зрения исследователя глобализация может восприниматься в качестве прогрессивного движения [2] либо в качестве проявления неравномерного усиления зависимости [3] от глобальных игроков-гегемонов. Подобный дуализм создает основу для различных подходов к анализу влияния глобализации на национальную идентичность и порождает необходимость в уточнении понятийного аппарата.

Одним из наиболее дискуссионных аспектов глобализации является проблематизация устойчивости традиционных идентичностей, в том числе через навязывание стандартизированных подходов к медиаполлю, а также через унификацию культурных норм и жизненного уклада посредством всеобщей информатизации. К примеру, глобальные медиаплатформы, такие как YouTube или Netflix, формируют универсальные культурные нарративы, зачастую вытесняя локальные традиции, выраженные в местном контенте.

Данный процесс порождает культурные конфликты, где универалистская идеология глобального мира сталкивается с местными традициями. Параллельно данному процессу интеллектуальные и информационные ресурсы глобализации формируют гибридные и сетевые идентичности, а также субкультуры, которые не существуют вне инфополя, служащего для них дискурсивной базой.

В связи с этим российские исследователи выделяют три сценарных подхода в отношении проблематики, связанной с последствиями глобализации в гуманитарной сфере и перспективами развития национальных культур.

К *первому сценарию* относится гомогенизация мира под покровительством западной (в особенности американской) массовой культуры. В рамках данного сценария можно выделить два определения, характеризующие различные варианты слияния глобальной и локальной идентичностей исходя из субъекта реализации.

Первое определение – «глобализация снизу», которая понимается как процесс глобального взаимодействия, инициируемый и поддерживаемый не государствами, корпорациями или международными институтами, а местными сообществами, активистами и неправительственными организациями. Данное определение формировалось в контексте социальных и академических дискуссий о глобализации, в том числе для описания глобальных культурных потоков [4]. Следует отметить, что данный подход не учитывает многократно доказанные факты сотрудничества активистов и неправительственных организаций с глобальными игроками, что отчетливо проявилось в прецедентах, подобных недавнему закрытию американских программ внешней помощи и развития (таких как USAID).

Второе определение – «глобализация сверху» – ассоциируется с экономической интеграцией, транснациональными корпорациями и политическими элитами и фокусируется на культурном обмене, социальных движениях и инициативах, направленных на решение глобальных проблем на локальном уровне, являясь по сути синонимичным понятию «глобализация» как таковому.

Два других сценария последствий глобализации предполагают интеграцию локальных идентичностей в глобальное пространство. В частности, *второй сценарий* предполагает развитие культурных гибридов из локальной и глобальной идентичностей [5], своего рода мутацию; *третий сценарий* – сохранение и развитие культурных различий, что делает его наиболее «щадящим» к изначальной локальной идентичности. Представляется, что в последнем случае локальная идентичность выступает в статусе своего рода музейной, застывшей экспозиции, утратившей импульс к развитию.

Ко второму и третьему сценариям представляется возможным отнести следующие определения.

«Культурная гибридизация», будучи по своей сути процессом смешения, взаимопроникновения и реинтерпретации различных культурных форм, порождающим новые синкретические формы идентичности, символических практик и социальных ритуалов, является важным аспектом культурной глобализации, при котором глобальные и локальные элементы не просто взаимодействуют, но трансформируют друг друга в ходе межкультурного обмена. Концепт гибридизации отличается от унификации или ассимиляции тем, что не предполагает доминирования одной культуры над другой, а указывает на двустороннюю, диалектическую природу культурных взаимодействий [6].

«Космополитическая локальность» – концепт, описывающий локальные сообщества или культурные формы, которые, сохраняя привязанность к местному контексту, открыты к взаимодействию с другими культурами и включены в глобальное инфополе. Представляется возможным провести определенные параллели с понятием «многополярность». Космополитическая локаль-

ность не противопоставляет себя глобализации, а стремится использовать ее ресурсы для развития локальной самобытности. Данный термин особенно актуален в отношении «глобальных городов», таких как Стамбул, Сеул или Барселона, где наблюдается высокая степень культурной интеграции при сохранении локальных идентичностей.

Космополитическая локальность выражается в культурной политике, архитектуре, образовательных инициативах, сочетании элементов традиционного и современного, местного и глобального. У. Бек рассматривал данное явление как компонент «рефлексивной модернизации», при которой локальность перестает быть замкнутым пространством, превращаясь в точку пересечения глобальных смыслов [7]. Такая форма локальности ориентирована на включенность и солидарность, не теряя при этом культурной специфики.

Таким образом, идеология глобального мира, основанная на универсализме, в большинстве сценариев вступает в противоречие с локальными традициями, что порождает почву для культурных конфликтов. При этом конфликты зачастую носят мировоззренческий характер и перетекают в политическую плоскость.

Политизация вопросов идентичности становится ответом на символическое вторжение в область внутренней культуры. Вместе с тем торгово-экономический аспект глобализации также оказывает прямое влияние на культуру посредством навязывания тех или иных нарративов через индустрию развлечений и контент, тоже являющийся товаром.

Примером такого противостояния отчасти служит феномен британского «Брексита», который стал символом сопротивления глобализационным процессам в пользу суверенитета. Аналогичные тенденции наблюдаются в антиглобалистских протестах в Латинской Америке и Европе, где локальные сообщества выступают против экономического и культурного доминирования со стороны глобальных игроков.

В связи с этим все чаще внимание исследователей сосредоточено на противоположном глобализации процессе – локализации идентичности. Локализация стремится сохранить уникальность местных культур и форм общественного устройства, а также защитить их от культурного и экономического доминирования. Тем самым она создает пространство для культурной самобытности и сопротивления стандартизации. Как проявление своего рода «культурной реакции» на глобализацию также можно назвать возрождение традиционных культур, локальных языков и экономик. Политика импортозамещения, защита локального производителя, развитие локальных информационных платформ (выступающих альтернативой глобальным цифровым гигантам) тоже служат примерами институциональной локализации.

На данном пересечении глобализации и локализации формируется феномен глокализации – адаптации глобальных практик к местным условиям.

Данное понятие, предложенное Р. Робертсоном, определяется как «процесс одновременного функционирования глобального и локального» [8]. При этом глокализация включает в себя такое явление, как селективная глокализация, или выборочное присвоение явлений глобализации [9].

Селективная глокализация понимается как стратегический подход, при котором локальные сообщества или государства сознательно отбирают и адаптируют те глобальные элементы, которые соответствуют их культурным, политическим или экономическим интересам, одновременно блокируя или модифицируя чуждые модели. В итоге возникает форма культурного и институционального фильтра, где глобальное используется не механически, а избирательно – через призму национальных приоритетов. Таким образом, речь идет не просто об адаптации, а о переработке глобального контента с учетом локальных потребностей. Данное явление становится инструментом суверенизации глобального, позволяя странам снизить культурную уязвимость и усилить собственную идентичность средствами, предоставляемыми глобализацией. В рамках политической теории этот процесс рассматривается как «мягкий суверенитет» или «гибридная модернизация» [7].

В подобной трактовке глобальное и локальное не противопоставляются, а взаимодополняют друг друга. Соответственно, глокализация опирается на концепцию взаимозависимости глобального и локального, где ни один из этих уровней не доминирует, а их взаимодействие порождает новые формы идентичности и культурной практики. Например, глобальные цифровые платформы, такие как YouTube или TikTok, помимо продвижения глобальных нарративов и предоставления универсальных инструментов для создания контента опираются в конкретных странах на локальные языки, традиции и социальные нормы, что приводит к появлению уникальных культурных продуктов, которые тем не менее регулируются глобальными акторами (в случае с цифровыми продуктами – непосредственно корпорациями). Соответственно, данный процесс можно рассматривать как форму культурного компромисса, позволяющего сообществам частично сохранять свою идентичность в условиях глобального давления и контроля.

Вне цифрового контента к примерам глокализации можно отнести адаптацию продукции мировых сетей быстрого питания к местной кухне (к примеру, в Индии, где в меню отсутствует говядина) или стандартизированной политической риторики (так называемых «методичек») под особенности местного восприятия.

В политическом процессе внутренний интерес к своей культуре, а также «пробуждение локальной идентичности» не является сепарированным от глобализации трендом. Более того, данный интерес масс к своей локальной идентичности зачастую встроен в рамки глобального политического процесса в качестве политтехнологического инструмента, призванного оказывать влия-

ние извне на внутривнутриполитическое поле соответствующей страны, аналогично понятию «глобализация снизу».

Представляется, что заложенные в Директиве положения относительно организации информационной и социально-культурной деятельности в полной мере учитывают исследованный нами аспект работы с идентичностью через положение об ориентированности на конкретные социальные группы в проведении государственной информационной политики.

Однако представляется необходимым разграничить глокализацию как адаптацию акторов глобальных процессов к местному политическому и социокультурному ландшафту и как противостояние локальных акторов глобальным трендам в сфере глобализации. В первом случае имеет место компромиссный процесс управляемого вхождения транснационального капитала в местную экономическую и культурную локальную среду, во втором – происходит утрата транснациональным капиталом соответствующих рычагов воздействия на локальную среду и замещение его местным капиталом, который при этом активно пользуется наработками и опытом глобальных игроков.

Санкционное воздействие и необходимость импортозамещения вынуждают применять наработанные в досанкционный период стратегии взаимодействия с обществом в сфере торговли, обмена информацией и культуры. Санкции и иные формы давления, ограничивая доступ к глобальным брендам, технологиям и рынкам, стимулируют развитие локальных альтернатив. Например, в России после ухода западных компаний появились локальные бренды одежды, техники, продовольствия, а в Китае стали развиваться национальные социальные сети.

Тем самым для торгово-экономических, а также культурных отношений, в том числе в рамках производства цифрового контента, сохраняются методология и передовой опыт в сфере работы с населением, привнесенные транснациональными акторами в рамках предыдущего, досанкционного, этапа отношений с соответствующим регионом.

Данный процесс несет в себе качественные отличия относительно рассмотренных проявлений глобализации в современном мире и в связи с этим нуждается в уточнении понятийного аппарата. Представляется целесообразным предложить следующий термин и его определение: *замещенная глобализация – это сохранение и применение влияющих на локальную идентичность технологий и методов изготовления и распространения услуг, товаров и контента, привнесенных в соответствующую локальную среду в рамках досанкционного периода глобализации.*

Представляется, что указанное в Директиве обеспечение организации идеологической работы через распространение информации в средствах массовой информации и сети Интернет, а также через социально-культурную деятельность предполагает использование методологических, агитационных,

организационных и иных наработок, ранее отрефлексированных как инструменты информационной глобализации. В рамках ведущейся работы по снижению недружественного иностранного влияния на инфополе страны закономерно снижается доля контента, доставляемого до конечного пользователя данными инструментами. Однако в условиях замещения глобальных нарративов прогосударственными инструментами информационной глобализации могут сыграть положительную роль в обновлении инфополя страны.

Для Беларуси данное разграничение инструментов и нарративов, доставляемых с их помощью до пользователей, видится особенно актуальным в свете выхода Директивы и необходимости ее гибкого применения в информационной, воспитательной и социально-культурной деятельности.

Список использованных источников

1. О реализации основ идеологии белорусского государства : Директива Президента Респ. Беларусь от 9 апр. 2025 г. № 12 // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. – URL: <https://president.gov.by/ru/documents/direktiva-no-12-ot-9-aprela-2025-g> (дата обращения: 09.06.2025).

2. Гидденс, Э. Последствия модерности / Э. Гидденс. – М. : Праксис, 2004. – 120 с.

3. Бауман, З. Глобализация. Последствия для человека и общества : пер. с англ. / З. Бауман. – М. : Весь Мир, 2004. – 188 с.

4. Appadurai, A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization / A. Appadurai. – Minneapolis : University of Minnesota Press, 1996. – 248 p.

5. Чичева, С. Е. Формы адаптации культуры в условиях глобализации / С. Е. Чичева, Е. Ф. Молевич // Вестник Самарского государственного университета. – 2010. – № 1 (75). – С. 76–82.

6. Томлинсон, Дж. Культурная глобализация : пер. с англ. / Дж. Томлинсон. – М. : Логос, 2004. – 280 с.

7. Бек, У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализм : пер. с нем. / У. Бек. – М. : Прогресс-Традиция, 2001. – 240 с.

8. Robertson, R. Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity / R. Robertson // Global Modernities / eds.: M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. – London : Sage, 1995. – P. 25–44.

9. Roudometof, V. Glocalization: A Critical Introduction / V. Roudometof // ResearchGate. – 2016. – URL: https://www.researchgate.net/publication/303734497_Glocalization_A_Critical_Introduction (date of access: 10.06.2025).

Поступила 15.06.2025 г.

Т. А. ШЕНДИК,
кандидат политических наук,
Белорусский институт стратегических исследований, Минск, Беларусь
E-mail: t.bel.institute.ss@gmail.com

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ КОНТЕКСТ ПАРТИЙНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Актуализирована проблема влияния на процессы формирования партийных систем правовых, финансовых, избирательных условий, а также культурно-цивилизационных предпосылок. Систематизированы инструменты партийного строительства как отдельного вида институциональной инженерии, направленного на формирование условий для создания, функционирования и ликвидации политических партий. На примере Армении и Казахстана раскрыта взаимосвязь между различными комбинациями инструментов партийного строительства и формирующимися в этих странах партийными системами. Выявлены культурно-цивилизационные предпосылки партийного строительства в США, Европе, странах Востока, Китае, постсоветских странах. Изложено авторское видение перспектив партийного строительства в Республике Беларусь.

Ключевые слова: институциональная инженерия, партийная система, партийное строительство, инструменты партийного строительства, избирательная система, цивилизационный контекст, предпосылки, условия

T. SHENDIK,
Candidate of Political Sciences,
Belarusian Institute of Strategic Research, Minsk, Belarus
E-mail: t.bel.institute.ss@gmail.com

THE CIVILIZATION CONTEXT OF PARTY BUILDING

The influence of legal, financial and electoral conditions, as well as cultural and civilizational prerequisites, on the formation of party systems has been addressed. The tools of party building as a separate type of institutional engineering aimed at creating conditions for the creation, functioning and liquidation of political parties are systematized. Using the examples of Armenia and Kazakhstan, the relationship between various combinations of party-building tools and the party systems emerging in these countries is explored. The cultural and civilizational prerequisites for party building in the United States, Europe, the Middle East, China, and post-Soviet countries are identified. The author's vision for the prospects for party building in the Republic of Belarus is presented.

Keywords: institutional engineering, party system, party building, party building tools, electoral system, civilizational context, prerequisites, conditions.

Одним из принципиальных вопросов политического развития, который сопровождает человечество на протяжении всей истории его развития, является политическое обустройство общества, создание адекватных механизмов представительства интересов и конкуренции за власть. Эти механизмы

эволюционировали вместе с динамикой социально-экономических отношений и прошли долгий путь от партий-группировок в период рабовладельческого строя и феодализма (до XVII в.), партий-парламентских фракций в буржуазный период (конец XVII – середина XIX в.) до массовых политических партий в период выхода на политическую авансцену рабочего движения (середина XIX в.).

Поскольку политические партии – продукт общества, в котором они возникают и развиваются, то и в наши дни этот институт обретает облик и черты современного информационного общества: известны медиа-партии, цифровые партии, партии-платформы и пр. Справедливо также отметить, что институционализация политических партий имеет свои особенности не только с точки зрения исторической перспективы, но и в зависимости от определенного культурно-цивилизационного контекста, когда на процесс формирования и развития партий влияют культура, система общественных ценностей, исторические традиции и т. п. Признание данного многообразия в противовес унификации взглядов на политическое обустройство обществ, выработанных западной цивилизацией, является ключевым принципом построения многополярного мира в XXI в. [1].

В рамках данной статьи предпримем попытку продемонстрировать, как культурно-цивилизационные компоненты (религия, история, этнос) [2, с. 170] оказывают влияние на выбор конкретных подходов к партийному строительству. Термин «партийное строительство» мы будем употреблять в широком смысле, понимая под ним деятельность государственных институтов по определению условий (политических, правовых, финансовых, институциональных), направленных на регулирование процесса создания, функционирования и ликвидации политических партий [3]¹. Такой ракурс позволяет рассматривать партийное строительство как технологический процесс (институциональную инженерию² [4, с. 271]), представляющий собой комбинацию различных инструментов для достижения субъектами партийного строительства желаемого результата. Инструментами формирования таких условий выступают нормы законодательства, регулирующие порядок создания, деятельности и финансирования политических партий, а также избирательные процедуры.

Отличительной особенностью предложенного подхода стал акцент на управляемый, в отличие от партогенеза, характер партийного строительства. Данная особенность является признаком современного (начиная с середины XX в.)

¹ В узком смысле под партийным строительством автором предлагается понимать деятельность преследующих политические цели акторов по созданию, функционированию и развитию политической партии.

² Под институциональной инженерией имеется в виду область, которая занимается сознательными методами изменения или реформирования институтов (правил, норм, определяющих регулирование социальных систем).

этапа развития партий, когда их деятельность стала активно регулироваться нормами права. Возникнув в европейских государствах, такая практика распространилась на те регионы, где право традиционно имело прецедентный характер. Например, в Великобритании в 1999 г. принят Акт о регистрации политических партий, которым традиционный явочный порядок создания партий заменен на регистрационный. В то время как Акт о политических партиях, выборах и референдумах 2000 года определил требования к хранению финансовых документов партии и осуществлению контроля за пожертвованиями в ее фонд и учредил избирательную комиссию, в компетенцию которой входят регистрация политических партий, контроль за финансированием ими мероприятий в сфере публичной политики и др. [5].

Действительно, анализ политической практики позволяет выявлять корреляции между комбинациями норм законодательства, регулирующего условия создания, деятельности и ликвидации партий, их финансирования, порядок участия в избирательных кампаниях и формирующимися в результате заданных условий (экзогенных факторов) партийными системами. Так, формированию конкурентных многопартийных систем способствует низкий порог численности для регистрации партий, их прогрессивное государственное финансирование, низкий заградительный барьер для попадания партий в парламент (при пропорциональной и смешанной избирательных системах), наделение ассоциаций граждан правом участвовать в электоральном процессе наравне с политическими партиями. В то же время высокий порог численности учредителей (членов) для регистрации партий, их пропорциональное государственное финансирование, «ценз» для выдвижения в парламент по партийным спискам, высокий заградительный барьер для попадания партий в парламент (при пропорциональной избирательной системе) либо закрепление за политическими партиями исключительного права выдвижения кандидатов в депутаты (при мажоритарной избирательной системе) способствуют формированию массовых провластных партий [6].

Наглядно названные тенденции можно проследить на примере сравнительного анализа подходов к партийному строительству в Армении и Казахстане. Сегодня в данных странах сложились два разных типа партийных систем, причем, что обе республики приступили к суверенному этапу государственного и политического строительства практически одновременно в условиях перехода от советской партийно-государственной системы.

В **Республике Армения** сформировалась фрагментарная многопартийная система, которая, по оценкам аналитиков, во многом зависит от расстановки сил, обладающих экономическим влиянием. Большинство партий в стране созданы и создаются под конкретного лидера, не имея прочной идеологической базы и широкой социальной опоры. По некоторым оценкам, в настоящее время в трехмиллионной Армении зарегистрировано свыше 120 партий [7], из них

на уровне Национального собрания страны в разные периоды были представлены от 7 (выборы 2012 г., 2017 г.) до 5 (выборы 2021 г.) партий, ряд из них входили в альянсы (блоки партий). При этом правящая партия «Гражданский договор» имеет конституционное большинство в Национальном собрании [8].

Формированию такого типа партийной системы способствовали следующие условия:

низкий порог требований к численности членов, необходимой для регистрации партии: 200 человек в соответствии с Законом «О партиях» от 3 июля 2002 г. [9], 800 человек в соответствии с актуальной редакцией Закона «О партиях» от 30 декабря 2016 г. № ЗР-224 [10];

постепенное снижение требований к наличию необходимого для регистрации количества организационных структур партии на местах. Если Закон «О партиях» 2002 г. предъявлял требования к их наличию «не менее чем в 1/3 областей, включая Ереван» [9], то Конституционный закон Республики Армения «О партиях» 2016 г. уже предоставлял возможность создавать региональные подразделения либо в Ереване, либо в не менее чем 1/3 областей Республики Армения, либо в г. Ереване и не менее чем 1/4 областей Республики Армения, ранжируя при этом требования к количеству подразделений в каждой административно-территориальной единице [10];

государственное финансирование политических партий – пропорциональное, в различные периоды оно составляло от 5 до 3 % от общего числа голосов, поданных за избирательные списки всех принявших участие в выборах партий [9; 10];

закрепление за блоками партий наряду с политическими партиями исключительного права выдвигать кандидатов в депутаты на выборах;

рейтинговая система голосования, действовавшая в Армении до 2021 г., при которой каждая участвующая в выборах партия (блок) выдвигала один общегосударственный пропорциональный список кандидатов и по одному территориальному (рейтинговому) избирательному списку для каждого избирательного округа. При этом проходной порог составлял 5 % голосов от суммы общего числа бюллетеней для голосования, поданных за партию, и 7 % – за блок партий. Следует отметить, что количество депутатов, избираемых по мажоритарной системе, последовательно сокращалось, в то время как пропорциональная часть увеличивалась. Данный процесс совпал с укреплением доминирующей партии – Республиканской партии Армении. С 2021 г. выборы в Армении проводятся по пропорциональной системе, при этом избирательные барьеры для партий (блоков партий) в парламент сохранены [11];

положение Избирательного кодекса о стабильном парламентском большинстве, согласно которому партия, получившая большинство от общего числа мандатов, однако меньше 54 %, получает такое минимальное число дополнительных мандатов, чтобы в результате число мандатов этой партии в процентном выражении составило бы не менее 54 % [11].

Иную тактику партийного строительства демонстрирует **Республика Казахстан**. Установленный изначально высокий порог регистрации партии снижался постепенно, по мере формирования и закрепления ключевых игроков на партийном поле страны (40 тыс. в 2002 г., 20 тыс. в 2020 г. и, наконец, 5 тыс. членов, представляющих структурные подразделения партии во всех областях, городе республиканского значения и столице, численностью не менее 200 членов партии в каждой из них, – в 2022 г.) [12].

С 1995 г. в стране действовала смешанная избирательная система: из 77 депутатов Мажилиса 67 избирались по одномандатным избирательным округам по мажоритарной избирательной системе в два тура, 10 – по партийным спискам и системе пропорционального представительства в общенациональном избирательном округе с избирательным барьером в 7 % [13, с. 304]. В 2007 г. была введена и по 2021 г. действовала пропорциональная избирательная система: к распределению депутатских мандатов в общенациональном избирательном округе допускались политические партии, за списки кандидатов которых подано не менее 7 % голосов избирателей, принявших участие в голосовании. Партийные списки кандидатов в депутаты требовали внесения избирательного взноса в 15-кратном размере минимальной заработной платы за каждое лицо, за исключением списков партий, получивших на предыдущих выборах депутатов Мажилиса парламента семь и более процентов голосов избирателей от числа принявших участие в голосовании.

В рамках экономического стимулирования партийного развития Казахстан осуществляет прямую государственную финансовую поддержку политических партий, представленных в Мажилисе, пропорционально полученным голосам избирателей.

Данная комбинация инструментов партийного строительства привела к формированию устойчивой партийной системы, в которой существует одна доминантная и несколько более мелких партий. По мере приобретения казахстанским обществом опыта жизни в условиях плюралистической партийно-политической системы возникла целесообразность перехода к смешанной избирательной системе: с 2022 г. в стране внедряется пропорционально-мажоритарная система выборов, при которой нижняя палата парламента формируется на 70 % из числа депутатов по партийным спискам, на 30 % – по одномандатным округам [14].

Описанные закономерности дополняют сформулированные еще в 1950-е годы так называемые социологические законы М. Дюверже, согласно которым:

– мажоритарная система относительного большинства в один тур способствует поддержанию двухпартийности, потому что избиратели быстро понимают, что их голоса будут попросту потеряны, если они продолжат отдавать их третьей партии. Проверенная десятилетиями эффективность избирательной формулы, которая действует, например, в США, оставляет без шансов

на победу даже самые амбициозные проекты «третьих партий» («Прогрессивная партия» Т. Рузвельта, «Американская независимая партия» Дж. Уоллеса, «Партия реформ» Р. Перо, «Америка» И. Маска);

– мажоритарная избирательная система абсолютного большинства в два тура, изначально предполагающая возможность проведения второго тура голосования (например, во Франции), ведет к формированию многопартийности, потому что итоги первого тура не являются окончательными и партии, которые не прошли во второй тур, могут составить альянс с лидерами избирательной гонки;

– пропорциональная избирательная система способствует умножению количества партий (особенно если она приходит на смену мажоритарной избирательной системе) и др. [15, с. 265].

Следует отметить, что возможности управления партийным полем страны не ограничиваются перечисленными нами правовыми инструментами. Например, путем регламентации на законодательном уровне статей и объемов расходов партийных средств, в том числе выделенных государством, возможно стимулировать членство в партиях женщин, молодежи, лиц с ограниченными возможностями, представителей этнических меньшинств, активизировать их участие в избирательных кампаниях, повысить уровень регионального представительства партийных структур, совершенствовать аналитическую (экспертную) работу и др. Функции упреждающего контроля может выполнять правовое закрепление технологии многоступенчатого подхода к процессу создания и регистрации политической партии, предполагающего юридическое закрепление намерений создания партии (уведомление уполномоченных органов о формировании организационного комитета, получение разрешения на открытие расчетного счета оргкомитета), проведение учредительного съезда (с предъявлением требований к количеству учредителей и их представительству), определение временного периода, в течение которого партия должна нарастить численность и организационные структуры до количества, необходимого для ее регистрации.

Однако несмотря на объективно существующие социальные эффекты от применения инструментов партийного строительства, их внедрение требует учета культурно-ценностного контекста страны и региона в целом. Данный контекст задает глубинные предпосылки партийного строительства, которые не только обуславливают выбор правового инструментария, но и могут преломлять социальный эффект его внедрения. По нашему мнению, именно культурно-ценностный контекст объясняет тот факт, что использование схожего юридического инструментария хоть и позволило де-юре приблизить политическое устройство незападных обществ к западным демократиям (продуктом которых является институт политической партии), но их исторические и культурные особенности способствовали формированию уникальных партийных

ландшафтов, что в логике Хартии многообразия в XXI в. [1] является вариантом нормальности, обусловленным цивилизационным контекстом партийного строительства.

С этой позиции уместно рассмотреть предпосылки развития двухпартийной системы **Соединенных Штатов Америки**, политические партии которой имеют более чем 200-летнюю историю. На их формирование существенное влияние оказали ценности протестантизма (преобладающей религиозной конфессии) и сформированные в его парадигме прецедентное право, конституционные принципы «сдержек и противовесов», разделения властей, федерализма.

По мнению К. Е. Коктыша, именно из цивилизационных особенностей протестантской политической архитектуры вытекает прецедентный характер права стран англосаксонского мира, когда основой для государственного решения становятся не общие принципы, а интерпретация определенного прецедента определенным образом [16]. Ее принципиальные элементы в Новое время формировались священными текстами, а в условиях нарастающего секуляризма – универсальными демократическими ценностями. В рамках протестантской политической архитектуры государство наделяется прерогативой артикулировать и интерпретировать политические ценности. Рассматривая цивилизационные предпосылки партийного строительства в США, важно принимать во внимание еще одну особенность протестантизма: он «не признает посредников в общении человека с Богом, а исходит из права каждого индивида на собственный диалог с ним. Из этого прямо вытекает плюралистичный характер систем ценностей, ведь каждый в этом диалоге может слышать нечто свое» [16, с. 113]. Еще одним следствием протестантского влияния в Америке стало формирование культуры добровольных ассоциаций, что способствовало объединению разных групп в различные типы неправительственных организаций для достижения общественных целей.

Уникальные условия для партийного строительства в США создает федерализм, обеспечивая баланс между единством на федеральном уровне и многообразием региональной специфики партийной жизни. Конституция США закрепляет за штатами широкие полномочия. Это приводит к тому, что в каждом штате действует относительно независимая политическая система, со своей спецификой проведения выборов, формирования партийных структур и участия в национальном политическом процессе.

Следствием децентрализации выборного процесса является слабость партийных центров и усиление региональных партийных структур, поскольку значительная часть избираемых должностей находится на уровне штатов и местных сообществ. Кандидаты на выборные посты часто строят свою кампанию, ориентируясь на специфические интересы своего штата, что способствует формированию партий с выраженной региональной идентичностью. В то же время мажоритарная избирательная система, при которой «победитель

получает всё», стимулирует партии находить компромиссы с региональными организациями в каждом штате, которые отвечают за выстраивание сети поддержки кандидатов и мобилизацию избирателей.

Федерализм также отражается в механизмах формирования федерального законодательного органа (Конгресса): Палата представителей состоит из депутатов, избираемых в каждом штате пропорционально населению, а в Сенат входят по два сенатора от каждого штата, что обеспечивает равное представительство субъектов федерации независимо от их размера. В результате влияние штатов на федеральную политику остается значительным, а партийные стратегии на уровне нижней палаты парламента вынуждены учитывать региональные особенности и приоритеты.

Избрание президента США коллегией выборщиков (представителями от каждого штата, численность которых определяется количеством конгрессменов и сенаторов от этого штата) также является проявлением федерализма, поскольку каждый штат имеет свой «вес» в выборе президента вне зависимости от численности населения. Это дает малонаселенным штатам пропорционально большее влияние, что заставляет кандидатов учитывать интересы различных регионов, а не только густонаселенных мегаполисов. Например, в 2024 г. именно «колеблющиеся штаты» (swing states), такие как Пенсильвания, Флорида, Джорджия и Невада, стали ключевыми аренами политической борьбы между республиканцем Д. Трампом и демократом Дж. Байденом. Партийные кампании сосредоточились на этих штатах именно из-за их решающей роли в распределении голосов выборщиков. В то же время крупные штаты с устойчивой партийной ориентацией (например, Калифорния – за Демократическую партию, Техас – за Республиканскую) получили меньше внимания как с точки зрения стратегического мобилизационного ресурса, так и финансирования кампаний.

Таким образом, федерализм в США создает уникальные условия для партийного строительства, формирует многослойную партийную систему с сильной региональной спецификой, где успех зависит от способности партий и кандидатов учитывать интересы и настроения в разнообразных субъектах федерации. Высокая доля автономии партий на местах препятствует чрезмерной централизации и способствует устойчивости двухпартийной системы, поддерживаемой мажоритарной избирательной системой абсолютного большинства один тур. При этом организационная структура и Демократической и Республиканской партий рыхлая, в обеих партиях отсутствует институт фиксированного членства, в идейном отношении их сложно назвать монолитными. В то же время принципы сдержек и противовесов, разделения властей создают структурный каркас и институциональные условия, в которых партийные организации становятся ключевыми акторами политической жизни, обеспечивающими баланс власти, политическую конкуренцию и участие общества в управлении государством [13, с. 44–78].

В отличие от США, где правовая регламентация статуса партий на федеральном уровне отсутствует¹, в **странах Европы** процессы партийного строительства характеризуются созданием «сверху» условий для деятельности партий. Это укладывается в матрицу присущей большинству европейских обществ католической политической архитектуры, которой свойственно доминирование нормативной власти, определяющей правила игры и пространство для деятельности остальных фигур влияния [16].

Партии и партийные системы в европейских странах формируются в условиях, четко заданных государственными институтами при помощи правовых, финансовых и избирательных инструментов. Комбинации которых, как правило, способствуют формированию многопартийных систем с той лишь разницей, что в отличие от Западной Европы, где наряду с партиями правом выдвижения кандидатов в депутаты наделены ассоциации граждан, в странах Центральноевропейского региона единственным коллективным участником выборов, чаще всего определены юридически оформленные партии. Последнее обстоятельство обусловлено особенностями постсоциалистического развития этих стран, возобновлением процесса партийного строительства в условиях деидеологизации партийной жизни и проникновения маркетинговых технологий в политику.

Незападный мир вступил на путь политической модернизации значительно позже стран Запада – во второй половине XX в. Процессы партийного строительства на Востоке проходили в условиях быстрого перехода от аграрного экономического уклада к капитализму и открытому информационному обществу. При всех особенностях данного процесса его интегральной характеристикой была слабость социально-политических институтов. В восточных обществах социальная база политических партий не имеет выраженного классового, группового характера, основу партий составляют иерархические патрон-клиентские отношения. Традиция отношения к власти как к божественному дару, общинная модель функционирования политики, отсутствие ее четкого отделения от общественных и личных взаимоотношений оказали существенное влияние на применение инструментов партийного строительства. Несмотря на то что политическим элитам данных стран удалось де-юре приблизить свое политическое устройство к западным демократиям, исторические и культурные особенности Востока способствовали формированию в этом регионе особого типа доминантно-партийной системы. Заслуживает внимания мнение Л. Х. Матакбаевой о том, что доминантно-партийная система отражает не национальные и не этнокультурные особенности, а более

¹ В законодательстве США не существует понятия «политическая партия». На партии распространяется общий термин «корпорация», подразумевающий негосударственные объединения. Регламентация статуса политических партий осуществляется в контексте выборов, в частности Актом о финансировании федеральных избирательных кампаний 1974 г. [13, с. 30].

общие цивилизационные формы, присущие Востоку в целом, хотя не всем его общностям, но практически всем культурным ареалам в той или иной степени [17].

Отдельно в этом ряду следует отметить опыт партийного строительства **Китая**. Политическая система этой страны была создана на основе республики советского типа, специфическим признаком которой являлась концентрация власти в руках правящей партии – Коммунистической партии Китая (КПК). Под руководством КПК функционирует система многопартийного сотрудничества и политических консультаций с демократическими партиями, которых на сегодняшний день насчитывается восемь. Они представляют четыре класса китайского народа. Поскольку в стране не используется понятие неправящей, или оппозиционной, партии, КПК выступает правящей партией, а остальные партии заняты в политических делах страны посредством участия в государственном управлении, консультациях и обсуждениях относительно общегосударственного политического курса и избрания государственных руководителей, в управлении государственными делами, разработке и проведении государственного курса, политики, законодательства и т. п. Таким образом, в Китайской Народной Республике на основе политической культуры марксизма с китайской спецификой в политическую практику имплементируются институты народной, консультативной, переговорной демократии и демократии участия. В такой конфигурации отражается цивилизационная конфуцианско-даосская политическая архитектура, суть которой, по мнению К. Е. Коктыша, выражается в том, что «две иерархии – нормативная и властная – напрямую не пересекаются друг с другом, а коммуницируют через общество. Власть в этой системе начинает действовать не для того, чтобы что-то сделать, а для того, чтобы исправить, когда что-то пошло не так, ведь по умолчанию все идет правильно и система воспроизводит саму себя» [16, с. 126]. Конфуцианская этика гармонии и избегания конфликта способствует управлению политической конкуренцией и укреплению стабильности партийной системы.

Несмотря на общность ряда предпосылок процесса партийного строительства **в постсоветских странах**, в них формируются различные типы партийных систем, что было продемонстрировано нами в начале статьи на примерах Республики Армения и Республики Казахстан. Отметим, что партийное, да и государственное строительство в целом на постсоветском пространстве до настоящего времени находится под пристальным вниманием (а порой и под непосредственным влиянием) стран коллективного Запада и, следовательно, является отражением не только цивилизационных предпосылок, но и геополитической ориентации этих стран.

Партийное строительство в **Республике Беларусь** определяется принадлежностью нашей страны к восточнославянскому миру, преобладающим влиянием

на белорусское общество православной цивилизации, ее представлений о достижении социальной справедливости, о сильной государственной власти.

Для восточных славян характерна контрастирующая с принципом индивидуализма естественная предрасположенность к соборному типу организации жизни общества, который издревле проявлялся в стремлении решать общие дела в интересах всех и каждого. В понимании православной политической архитектуры общество становится не просто субъектным, а, по сути, реальным источником легитимности любой власти – и светской, и духовной [16]. Сама восточная православная церковь традиционно строила свои взаимоотношения с государством на концепции «симфонии властей», согласно которой церковь и светский правитель должны не делить власть между собой, а осуществлять ее согласованно, при этом приоритет всегда отдается светскому правителю, который одновременно является и главой церкви [16].

Белорусское общество как часть восточнославянского мира ориентировано на сильную власть и склонно проявлять лояльность к сильному центру реальной власти. Историческая память о тех периодах неопределенности, в которых белорусский народ оказывался без стабильной сильной власти, связана с периодами междоусобных войн, гражданского противостояния и издержками безвластия. Белорусы, тяготея к единому центру принятия решений, предпочитают ориентироваться на харизматичного лидера, а ответственность за свое будущее и будущее страны возлагают на Главу государства.

Имидж народного Президента и традиция его прямой коммуникации с обществом стали неотъемлемой составляющей публичной политики в Республике Беларусь, где Президент олицетворяет единство народа, а не представляет интересы отдельных социальных или политических групп. Такая самобытная модель общенационального политического лидерства, которая является системообразующим ядром белорусской модели политического и социально-экономического развития, дает основания говорить о надпартийном статусе Главы государства. Многопартийная система в условиях президентской формы правления позволила бы лидеру страны не принимать непосредственного участия в межпартийной конкуренции и осуществляет руководство с опорой на зонтичную партийную структуру, представленную в парламенте. В такой конфигурации функциональное предназначение самой большой партии в парламенте – активная поддержка Президента в идеологическом сопровождении реализуемой социально-экономической политики, а небольших партий – сегментация работы с электоратом. При этом отсутствие партии, имеющей абсолютное большинство голосов в парламенте, будет стимулировать деятельность небольших партий, обеспечивая конкуренцию различных идей и проектов социально-экономического и духовного развития [18].

Первые шаги в направлении формирования такой партийной системы уже сделаны. Изменения и дополнения, внесенные в 2023 г. в Закон Республики

Беларусь «О политических партиях»¹ создали условия для формирования в стране ответственных массовых политических сил, выстраивания между партиями и государством взаимодействия на основе стратегии сотрудничества и межпартийной конкуренции.

В дальнейшем по мере обретения всеми субъектами политического процесса (государственными органами, органами местного управления и самоуправления, институтами гражданского общества, в том числе политическими партиями) опыта партийно-политического взаимодействия применение широкого инструментария партийного строительства позволит стимулировать аналитическую функцию политических партий, повысить их роль в законодательской деятельности, поддерживать баланс между репрезентацией социально-экономических интересов различных групп и стабильностью политической системы.

Проведенный анализ показывает, что партийное строительство представляет собой сложный процесс, тесно связанный с культурно-ценностным и цивилизационным контекстом каждой страны и региона. Несмотря на общие юридические и институциональные рамки, исторические, религиозные и социальные особенности формируют уникальные предпосылки для партийного строительства, приводя к формированию двухпартийных, многопартийных, доминантно-партийных, государственно-партийных и иных партийных систем. Признание за государствами права на уникальность подходов к партийному строительству соответствует объективному цивилизационному многообразию народов и культур, является важнейшим условием построения нового справедливого многополярного мироустройства.

Список использованных источников

1. Совместное видение Евразийской хартии многообразия и многополярности в XXI веке // Министерство иностранных дел Республики Беларусь : [сайт]. – 2 дек. 2024 г. – URL: https://mfa.gov.by/press/news_mfa/e17826d893b0fef2.html (дата обращения: 25.07.2025).

2. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон ; пер. с англ. Т. Велимеева. – М. : АСТ, 2021. – 571 с.

3. Шендик, Т. А. Партийное строительство как научное направление и категория политической науки / Т. А. Шендик // Общество и экономика. – 2023. – № 12. – С. 68–86.

4. Ачкасов, В. А. Этнические партии в политических системах мультиэтнических государств / В. А. Ачкасов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2024. – № 77. – С. 262–247. – DOI: 10.17223/1998863X/77/22

5. Берлявский, Л. Г. Трансформация избирательной системы Великобритании / Л. Г. Берлявский // Сравнительное конституционное обозрение. – 2011. – № 4. – С. 47–53.

¹ Увеличены требования к минимальной численности членов, необходимой для создания и регистрации партии (с 1 тыс. до 5 тыс. человек), наличие организационных структур партии (во всех областях, г. Минске и 1/3 районов страны); обеспечение незыблемости конституционного строя и гражданского согласия определено универсальной целью деятельности политических партий и др. [19].

6. Шендик, Т. А. Экзогенные факторы партийного строительства на постсоветском пространстве / Т. А. Шендик // *Веснік Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта*. – 2022. – № 2. – С. 113–121.
7. Партийная система Армении под микроскопом: научно-экспертная дискуссия в Ереване // *Verelq: News & Analysis* : [сайт]. – URL: <https://verelq.am/ru/node/158990> (дата обращения: 17.08.2025).
8. Григорян, Г. Политические процессы в Армении: вызовы и возможности / Г. Григорян // *Россия и новая цивилизация*. – 2019. – № 2. – С. 141–160. – DOI: 10.20542/2073-4786-2019-2-141-160
9. О партиях : Закон Респ. Армения от 3 июля 2002 г. // *Arlis.am* : [информ. правовая система]. – URL: <https://www.arlis.am/ru/acts/63561> (дата обращения: 17.08.2025).
10. О партиях : Конституционный закон Респ. Армения от 30 дек. 2016 г. № ЗР-224 // *Legislationline.org* : база данных БДИПЧ/ОБСЕ по юрид. обзорам и законодательству. – URL: <https://legislationline.org/taxonomy/term/25130> (дата обращения: 17.08.2025).
11. Избирательный кодекс Республики Армения от 25 мая 2016 г. // *Arlis.am* : [информ. правовая система]. – URL: <https://www.arlis.am/hy/acts/108731> (дата обращения: 17.08.2025).
12. Черненко, Л. В Казахстане изменят требования к спискам при создании политических партий и их численности / Л. Черненко // *Zakon.kz* : [сайт]. – URL: <https://www.zakon.kz/6029898-v-kazakhstan-izmeniat-trebovaniia-kspiskam-pri-sozdanii-politicheskoi-partii-i-ikh-chislennosti.html> (дата обращения: 17.08.2025).
13. Конституционное (государственное) право зарубежных стран : учебник : в 4 т. / отв. ред. Б. А. Страшун. – М. : Норма : Инфра-М, 1993–2001. – Т. 4 : Часть особенная: страны Америки и Азии / И. А. Алебастрова, В. А. Рыжов, Г. Н. Андреева [и др.]. – 2001. – XVI, 639 с.
14. О выборах в Респ. Казахстан : Конституционный закон Респ. Казахстан от 28 сент. 1995 г. № 2464 // *Zakon.kz* : [сайт]. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1004029, https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1004029 (дата обращения: 17.08.2025).
15. Дюверже, М. Политические партии / М. Дюверже ; пер. с фр. Л. А. Зиминной. – М. : Акад. проект, 2000. – 558 с.
16. Коктыш, К. Е. Дискурс рационализма, свободы и демократии : монография / К. Е. Коктыш. – М. : Моск. гос. ин-т междунар. отношений (Ун-т) МИД России, 2021. – 320 с.
17. Матакбаева, Л. Х. Специфика формирования партийно-политических систем стран Востока / Л. Х. Матакбаева // *Вестник Казахского национального педагогического университета имени Абая*. Серия: Международная жизнь и политика. – 2014. – № 3. – С. 29–33.
18. Шендик, Т. А. Специфика и перспективы партийного строительства в Республике Беларусь / Т. А. Шендик // *Проблемы национальной стратегии*. – 2025. – № 2. – С. 132–149.
19. Об изменении законов по вопросам деятельности политических партий и других общественных объединений : Закон Респ. Беларусь от 14 февр. 2023 г. № 251-З // *ilex* : информ. правовая система (дата обращения: 17.08.2025).

Поступила 19.08.2025 г.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

УДК 327(4ес:73)

В. В. РЕВЕНКО,
*кандидат политических наук,
Институт социологии Национальной академии наук Беларуси,
Минск, Беларусь
E-mail: revenka_politica@mail.ru*

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАПАДНОЙ ДИПЛОМАТИИ

Рассматриваются актуальные тенденции внешней политики европейских государств и стран Северной Америки, которую можно охарактеризовать новым термином «агрессивная глупость». Представлено авторское определение данного понятия и его научная обоснованность. Фактурой исследования являются существующие научные исследования, выступления европейских политических деятелей и материалы СМИ. Выявлена проблема компетентности политиков и деструктивности реализуемой внешней политики странами Запада.

Ключевые слова: внешняя политика, дипломатия, Европейский союз, США, международное сотрудничество, политическая компетентность

V. REVENKO,
*Candidate of Political Sciences,
Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
E-mail: revenka_politica@mail.ru*

CONTEMPORARY POLITICAL SCIENCE CHARACTERISTICS OF WESTERN DIPLOMACY

The current trends in the foreign policy of European states and North American countries are considered, which can be characterized by the new term “aggressive stupidity”. The author’s definition of this concept and its scientific validity are presented. The research is based on existing scientific research, speeches by European political figures and media materials. The problem of the competence of politicians and the destructiveness of the foreign policy implemented by Western countries is revealed.

Keywords: foreign policy, diplomacy, European Union, USA, international cooperation, political competence

Современная геополитическая обстановка в мире вызывает трансформацию классических подходов реализации внешней политики рядом государств и ставит под сомнение существование классической дипломатии. По мнению

О. П. Селянинова, классическая дипломатия строится на договороспособности, взаимном учете интересов сторон, приоритете национальных интересов, умеренной риторике, равенстве и др. [1, с. 178]. Однако в сложившихся реалиях поляризации системы мироустройства (по принципу Россия, США, Китай, Европейский союз, страны арабского мира) и выраженного формирования зависимости одних стран от других приведенные выше принципы нарушаются в угоду политическим выгодам мировых игроков, а также их сателлитов ввиду отсутствия политической субъектности.

Современная дипломатия приобретает все более агрессивный, иногда абсурдный и непредсказуемый характер с элементами шантажа, угроз прямого вмешательства во внутренние дела суверенных государств, санкционного давления. Данные тенденции характерны прежде всего для так называемого коллективного Запада и не могли бы быть реализуемы без соответствующих действий политиков, претворяющих в жизнь данную повестку.

Таким образом, возникает необходимость анализа в международной деятельности поведенческой модели западных политиков, элит, государств и надгосударственных объединений, таких как Европейский союз (ЕС), выявления причин и последствий такого поведения, а также выработки мер противодействия агрессивным методам и формам дипломатии.

В данном исследовании под политиками подразумеваются представители внешнеполитических, военных (военно-дипломатических) и иных профильных ведомств, видные политические деятели, представители правящих или влиятельных в государстве политических элит.

Дипломатия – официальная деятельность глав и правительств государств, а также их специальных органов по осуществлению целей и задач внешней политики государства, по защите прав и интересов государства, его учреждений и граждан за границей [2, с. 93]. Стоит отметить, что ряд ученых, в том числе М. О. Архипова в работе «Теория и практика неофициальной дипломатии» [3, с. 31–32], уделяют большое внимание дипломатии на неофициальном уровне, через политическую активность элит, приближенных к власти лиц и др.

Одной из ключевых задач для данного исследования является формирование иерархии реализации внешней политики или, иначе, дипломатии. Нами выделено три уровня: дипломатия на уровне отдельных политиков, дипломатия на уровне политических элит и дипломатия на уровне государств и надгосударственных объединений

В современных условиях в ряде западных стран (США, Канада, Великобритания, Франция, Германия, Польша, страны Прибалтики) все три уровня показывают одинаковые тенденции агрессивности и необъяснимой необдуманности дипломатических шагов, политических решений и заявлений.

Поведенческую модель политиков, элит и государств видится возможным и целесообразным рассмотреть с точки зрения политической психологии

и подкрепить конкретными фактами их деятельности в процессе реализации дипломатии.

Агрессию в поведении политика как человека (личности) по отношению к другим государствам с точки зрения психоанализа [4, с. 17] можно определить как импульс или намерение, предопределяющее такое поведение человека, которое характеризуется разрушительностью или деструктивностью. Причины данного поведения заложены в подсознании и спонтанно формируются субъективными факторами. Это же определение можно применить и к описанию агрессивного поведения политической элиты, так как она состоит из личностей, связанных на основании общих взглядов, интересов и т. д.

Причинами, заложенными в подсознании и провоцирующими агрессию в деятельности личности-политика, можно считать расовые, этнические, религиозные, культурные, исторические предрассудки, формируемые на уровне нации или передаваемые от старших поколений. Как пример стоит отметить выраженную неприязнь отдельных польских политиков или правящей элиты к Республике Беларусь и белорусскому народу, что прослеживается в публичных выступлениях, медиапространстве и формируемом подходе рассмотрения истории. Данная неприязнь основана на историческом желании поляков подчинить белорусские земли, которые они именуют «Kresy Wschodnie» (с пол. Восточные Кресы). Аналогичную параллель можно провести между странами Балтии и их отношением к Российской Федерации, где политиками и политическими элитами Литвы, Латвии и Эстонии движет историческая неприязнь и стереотипы, сформированные в начале XX в. прозападными силами.

Спонтанные факторы агрессии со стороны политиков и политических элит могут быть весьма разнообразны и характеризоваться как одномоментностью, так и определенным временным или историческим отрезком. К таким факторам прежде всего стоит отнести геополитическую обстановку, политическую и экономическую зависимость одних государств от других (сателлизм). Примером можно считать агрессивную риторику и действия политиков из прибалтийских государств, Польши и Финляндии в отношении Республики Беларусь, Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Данное поведение реализуется в угоду более экономически и политически значимым странам Европейского союза и США, преследует личную выгоду в виде грантов и продвижения в медиапространстве, а также в попытках получить новые преференции для государств.

Агрессия со стороны государств трактуется международным правом больше с военной точки зрения. В рассматриваемом контексте агрессия со стороны государств осуществляется на основании тех же принципов, которые присущи личности политика или политической элиты, когда они приходят к власти и осуществляют непосредственное руководство государством.

Проявлением такой агрессии могут быть не только риторика, что характерно для отдельных политиков, но и конкретные действия в виде санкций, военной эскалации на границе, высылки дипломатов и др. Примером можно считать персональные санкции со стороны Литвы в отношении белорусских компаний, транспорта и чиновников, создание препятствий на границе. Данные действия носят агрессивный характер, являются собственной инициативой официального Вильнюса, не диктовались со стороны ЕС, но получили одобрение. Это говорит о том, что европейская политика реализуется руками одного государства при нежелании вступать в глобальный политический и экономический конфликт.

Очевидным является принцип реализации собственных целей и задач внешней политики коллективным Западом руками сателлитов, которые находятся в прямой финансовой, политической и военной зависимости. Так, по информации издания «Bloomberg» [5], прибалтийские государства запросили у Европарламента в 2025 г. 100 млрд евро на оборонные нужды, часть средств уже одобрена. Таким образом, Литва, Латвия и Эстония снимают с себя необходимость выделения средств из бюджета на оборону и тратят европейские дотации по собственному усмотрению, часто передавая их третьим странам (Украине) для самопиара. Взамен страны Балтийского региона демонстрируют полную политическую покорность и лояльность, берут на себя роль проводника и инициатора политических решений, которые принимаются в Брюсселе, при этом создается иллюзия, что эти решения иницируются Литвой или другой страной. Часто данные действия не соответствуют национальным интересам государств, не поддаются объяснению с их стороны, сопровождаются экономическими и политическими просчетами.

Такое поведение политиков, элит и государств под их руководством можно охарактеризовать термином «глупость», который относится к области психоанализа и бихевиористической психологии (от англ. *behaviour* – «поведение»). Согласно [6], «глупость» – абстрактное понятие, определяемое недостатком интеллекта, неспособностью самостоятельно мыслить и принимать рациональные решения во многих аспектах жизни. Кроме того, глупость влияет на возможность объяснения поведения и выстраивания логических цепочек. Данное определение прямо описывает поведенческую модель ряда западных политиков, политических элит, государств и надгосударственных объединений.

Часто в реализации дипломатии, публичных выступлениях, проявляя агрессивное поведение, соответствующее государственному курсу, западные политики и дипломаты демонстрируют и очевидную глупость, которая прямо подпадает под представленное выше определение или показывает полное отсутствие компетентности в области политики, экономики, знаний географии, истории и др.

Наиболее ярким примером отсутствия компетентности, получившим резонанс на постсоветском пространстве, можно считать выступления бывшего пресс-секретаря Государственного департамента США Д. Псаки с агрессивной риторикой в адрес Российской Федерации, касающейся референдумов на Донбассе, военных учений и др. При этом чиновница не была готова ответить на уточняющие вопросы, допускала фактологические ошибки, признавалась, что только читает информацию, и показывала незнание значения ряда терминов, в частности «выборная карусель», в которой она обвиняла Россию.

Риторика представителя Госдепа можно считать агрессивной ввиду такой политики США периода 2014 г. по отношению к России. Имя Псаки уже стало нарицательным и используется в СМИ для обозначения очевидной глупости.

Следует также отметить действия представителей немецкого парламента, которые призывают к прямому военному удару по объектам на территории России [7], забыв про исторический аспект двусторонних отношений, наличие у Российской Федерации ядерного оружия и несоизмеримости военного потенциала в случае прямого военного конфликта. Отдельно стоит выделить отсутствие у немецких политиков исторической памяти о Второй мировой войне. Данная агрессивная риторика объясняется прежде всего популизмом, некомпетентностью, подсознательной неприязнью к бывшим республикам СССР и желанием продвинуться в европейские органы власти в контексте темы русофобии без учета национальных интересов Германии.

Рассмотрим ряд действий Запада в период после начала Специальной военной операции России на Украине. Так, Латвия, Литва и Эстония отключились от общей энергосистемы с Россией и Беларусью, что для данных стран повлечет экономические убытки и угрозу энергетического кризиса в случае нештатной ситуации [8]. Данное событие преподносилось прибалтийскими чиновниками как победа, чему были приурочены праздничные мероприятия. Указанные действия выглядели абсурдно и постановочно. Звучали заявления о готовности разрыва всех отношений с официальной Москвой и необходимости радикального усиления санкционного давления [9].

В данном случае просматривается выраженная агрессивная внешняя политика стран Балтии по отношению к России. Отключение от общей энергосистемы несет прямые риски и угрозу национальным интересам Литвы, Латвии и Эстонии, но осуществляется по указанию ЕС при поддержке Европейской комиссии и ее лидера Урсулы фон дер Ляйен.

Аналогичная ситуация характерна для стран Европейского союза в целом. США через ЕС пытается повлиять на экономику и политику России, принуждая Европу к закупкам сжиженного природного газа из США, который значительно дороже российского. При этом руководство ЕС по указанию Вашингтона идет на экономическую и политическую эскалацию с Россией. Так,

согласно материалам СМИ, европейские лидеры только за неполный 2025 год не менее 28 раз высказывались о необходимости прекращения поставок энергоресурсов из России и демонтаже трубопроводов, политической изоляции, важности наращивания военного присутствия у российских границ и делали ряд других публичных заявлений. Данные действия разрушают долгие устойчивые экономические и политические отношения ЕС и России в угоду национальным экономическим, военным и иным интересам США. При этом реализацию такой политики европейские дипломаты не могут объяснить и населению европейских стран, которое страдает из-за роста цен и возникающего дефицита ресурсов.

Уникальным по своей глупости и агрессивности является факт того, что литовские власти де-факто признали Тайвань независимым, открыв в Вильнюсе его дипломатическое представительство [10]. Данное решение не может поддаваться логике, является агрессивным дипломатическим шагом в отношении Китая и повлекло значительный экономический урон для литовской стороны. Китай немедленно принял политические и экономические шаги в отношении официального Вильнюса. При этом представители ЕС выступили в поддержку литовских властей.

Признаком ведения агрессивной и необъяснимой дипломатии можно считать увеличение Польшей военного контингента на границе с Республикой Беларусь. Официальная Варшава заявила о необходимости размещения на границе с Беларусью танковых подразделений и строительстве оборонительных сооружений. Данные действия потребуют выделения до 2,4 млрд долларов США, которых сейчас нет в польском бюджете. Трата данных средств на подобные цели вызывает непонимание в польском обществе, прежде всего – у фермеров и жителей приграничных с Беларусью территорий [11].

Данные действия польских властей и призывы дипломатов кажутся абсурдными и наносящими урон собственному государству на фоне противоречащих заявлений со стороны НАТО об отсутствии признаков военной угрозы с территории Беларуси [12]. Кроме того, Министерство обороны Республики Беларусь выступало с предложением к Польше возобновить взаимные военные инспекции на глубину до 80 км с целью дезэскалации и не раз подчеркивало миролюбивую внешнюю политику Беларуси [13].

Агрессивные и необдуманные шаги в сфере военной безопасности и официальной дипломатии предпринимаются европейскими странами и коллективно. Так, в Европейском парламенте заявляют о готовности Европы к полномасштабной войне к 2030 г. [14]. За 2022–2025 гг. странами Запада выслано не менее 38 белорусских и российских дипломатов, осуществляются попытки затруднить работу делегаций из Беларуси и России на площадках Организации Объединенных Наций, Совета безопасности ООН, Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, Парламентской ассамблее Совета Европы

без должных на то причин и в нарушении международного дипломатического права.

Отметим и факты угроз на высшем уровне со стороны Запада в адрес стран, осуществляющих экономическое и дипломатическое сотрудничество с Российской Федерацией и Республикой Беларусь. В частности, представители Белого дома выступали с военными и экономическими угрозами в адрес Китая, Ирана, стран – членов Содружества Независимых Государств, Евразийского экономического союза и Шанхайской организации сотрудничества.

Европейские и североамериканские дипломаты лично и на уровне межгосударственных отношений осуществляют поддержку деструктивных антибелорусских сил посредством дипломатии и финансирования, что прямо можно считать признаком агрессии в попытках насильственной смены власти и санкций.

Дипломатия Беларуси и России также претерпевает изменения и адаптацию к новым реалиям. В Российской Федерации процесс подготовки дипломатических работников, журналистов, политологов корректируется с учетом вызовов и тенденций. Разрабатываются методические рекомендации для лиц, причастных к ведению дипломатии [15]. Меняется позиция государств по тем или иным вопросам ведения внешней политики с учетом поведенческой модели западных государств и актуальных геополитических процессов. Республика Беларусь, являясь объектом проводимой Западом агрессивной и необдуманной политики и реализуемой дипломатии, придерживается принципов миролюбивой внешней политики, руководствуясь при этом национальными интересами.

Продолжение реализации Западом агрессивной дипломатии может привести к дестабилизации военной, политической и экономической обстановки в регионе и спровоцировать глобальный конфликт.

Таким образом, на основании проведенного исследования поведенческую модель ряда политиков, политических элит и государств на международной арене в рамках международных организаций, надгосударственных объединений и двусторонних отношений предлагается обозначить новым политологическим термином «агрессивная глупость» и дать ему соответствующее определение. В дипломатии «агрессивная глупость» – сложившаяся поведенческая модель отдельных политиков, политических элит, государств, надгосударственных объединений, характеризующаяся агрессивными методами ведения дипломатии, отсутствием логики, обоснованности дипломатических шагов, нанесением урона собственным национальным интересам, политической, исторической и иной некомпетентностью, непредсказуемостью и тяжестью последствий.

Агрессивная глупость является трендом западной дипломатии. Появление этого тренда сопряжено со следующими явлениями:

- 1) политическая, историческая, экономическая и иная некомпетентность ряда западных политиков;
- 2) геополитическая обстановка;
- 3) политическая, экономическая, военная и иная зависимость одних стран от других;
- 4) личная выгода политиков и политических элит;
- 5) факторы, заложенные в подсознании личности политика и элит;
- 6) желание государств получить выгоду и преференции;
- 7) искажение исторической памяти и исторической правды.

Признаками агрессивной глупости в процессе реализации дипломатии можно считать:

- 1) дипломатические действия осуществляются в ущерб национальным интересам государства;
- 2) отсутствие обоснованности и логичности проводимой дипломатии;
- 3) выраженная агрессия в реализации внешней политики с использованием элементов военной эскалации, провокациями, обвинениями и др.;
- 4) агрессивная риторика;
- 5) дипломатические действия, определяемые политической, исторической, экономической и иной некомпетентностью.

В данных условиях Республике Беларусь и другим странам, которые являются объектами ведения агрессивной дипломатии, в ходе реализации собственной дипломатии необходимо придерживаться принципов миролюбивой внешней политики, продолжать деятельность по достижению национальных интересов, адаптировать формы и методы ведения дипломатии, не поддаваться на провокации и осуществлять консолидацию.

Список использованных источников

1. *Селянинов, О. П.* Дипломатические отношения государств: принципы, формы и методы : учеб. пособие / О. П. Селянинов. – М. : Моск. гос. ин-т междунар. отношений, 2004. – 312 с.
2. *Мельник, В. А.* Современный словарь по политологии / В. А. Мельник. – Мн. : Кн. Дом, 2004. – 638 с.
3. *Архипова, М. О.* Теория и практика неофициальной дипломатии : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04 / Архипова Мария Олеговна ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений. – М., 2007. – 166 с.
4. Психологический анализ: новейшая энциклопедия / сост. и общ. ред.: В. И. Овчаренко, А. А. Грицаков. – Мн. : Кн. Дом, 2010. – 1119 с.
5. *Nardelli, A.* EU's Frontline Nations See €100 Billion in Urgent Defense Needs / A. Nardelli // Bloomberg. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2025-01-30/eu-s-frontline-nations-see-100-billion-in-urgent-defense-needs>. – Date of publ.: 21.04.2025.
6. Глупость // Психиатрический энциклопедический словарь / Й. А. Стоименов, М. Й. Стоименова, П. Й. Коева [и др.]. – Киев : София, 2003. – С. 234–235.
7. Представители двух немецких партий призвали к ударам по объектам в России // РИА НОВОСТИ. – URL: <https://ria.ru/20240106/predstaviteli-1919988451.html>. – Дата публ.: 06.01.2024.

8. Страны Прибалтики вышли из энергосистемы БРЭЛЛ // РИА НОВОСТИ. – URL: <https://ria.ru/20250208/pribaltika-1998113044.html>. – Дата публ.: 08.02.2025.
9. «Свобода от шантажа»: фон дер Ляйен об отключении Прибалтики от БРЭЛЛ // NEWS.RU. – URL: <https://news.ru/europe/svoboda-ot-shantazha-fon-der-lyajen-ob-otklyuchenii-pribaltiki-ot-brell/>. – Дата публ.: 09.02.2025.
10. В Литве открыли представительство Тайваня // ТАСС : информ. агентство. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12963153/>. – Дата публ.: 18.11.2021.
11. Польша потратит \$ 2.6 млрд на укрепление границ с Россией и Белоруссией // ВЕДОМОСТИ : сетевое изд. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/05/20/1038132-polsha-potratit-26-mlrd-na-ukreplenie-granits-s-ro-ssiei-i-belorussiei/>. – Дата публ.: 20.05.2024.
12. Senior Defense Official Holds a Background Briefing // U.S. Department of Defense. – URL: <https://www.defense.gov/News/Transcripts/Transcript/Article/3262960/senior-defense-official-holds-a-background-briefing/>. – Date of publ.: 09.01.2023.
13. Лукашик, И. Минобороны Беларуси выразило готовность к проведению взаимных инспекций с Польшей на глубину 80 километров / И. Лукашик // SB.BY: Беларусь сегодня : информ. портал. – URL: <https://www.sb.by/articles/minoborony-belarusi-vyrazilo-gotovnost-k-provedeniyu-vzaimnykh-inspektsiy-s-polshey-na-glubinu-80-ki.html>. – Дата публ.: 20.02.2025.
14. Шойгу заявил, что Европа хочет быть готова к войне с РФ к 2030 году // ТАСС : информ. агентство. – URL: <https://tass.ru/politika/23766549/>. – Дата публ.: 24.04.2025.
15. Теория международных отношений : метод. указания / сост.: Р. Н. Бондаренко, В. Е. Фейгин. – Челябинск : Юж.-Урал. гос. ун-т, 2023. – 30 с.

Поступила 14.02.2025 г.

Б. И. ШУМСКАЯ,
магистр политических наук,
Институт социологии Национальной академии наук Беларуси,
Минск, Беларусь
E-mail: bsumskaa@gmail.com

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КИБЕРТЕРРОРИЗМУ В США, ГЕРМАНИИ, КИТАЕ И ФИНЛЯДИИ

Выполнен анализ национальных киберстратегий Соединенных Штатов Америки, Федеративной Республики Германия, Китайской Народной Республики и Финляндской Республики в контексте противодействия кибертерроризму. Рассмотрены ключевые направления политики кибербезопасности, отвечающие за киберзащиту и нейтрализацию цифровых угроз. Выявлены особенности подходов, обусловленные политическими, экономическими и культурными факторами, определен баланс между свободой и контролем в цифровой сфере.

Ключевые слова: кибертерроризм, кибератаки, киберстратегия, национальная безопасность

B. SHUMSKAYA,
Master of Political Science,
Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
E-mail: bsumskaa@gmail.com

INTERNATIONAL COUNTERACTION TO CYBERTERRORISM IN THE USA, GERMANY, CHINA AND FINLAND

The analysis of the national cyber strategies of the United States of America, the Federal Republic of Germany, the People's Republic of China and the Republic of Finland in the context of countering cyberterrorism is carried out. The key areas of cybersecurity policy responsible for cyber defense and neutralization of digital threats are considered. The peculiarities of approaches determined by political, economic and cultural factors are revealed, and the balance between freedom and control in the digital sphere is determined.

Keywords: cyberterrorism, cyberattacks, cyberstrategy, national security

В XXI в. информационные технологии трансформируют ландшафт геополитики. Они эволюционировали из катализатора всемирного прогресса в поле битвы и эпицентр зарождения конфликтов нового поколения. Одной из острых и трудно прогнозируемых угроз современного мира выступает кибертерроризм – использование цифрового пространства с целью запугивания, разрушения критической инфраструктуры и подрыва общественно-политической обстановки. Исследование сфокусировано вокруг анализа международных подходов к противодействию этой угрозе в США, Германии, Китае и Финляндии. Выбор перечисленных государств обусловлен их разнообразным опытом

и приоритетами на политико-экономическом пространстве, что позволяет всесторонне оценить спектр стратегий противодействия кибертерроризму.

На данный момент международное регулирование борьбы против кибертерроризма находится на стадии формирования. Центральное место в системе занимает принятая в Будапеште в 2001 г. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации, которая устанавливает общие принципы национального уголовного законодательства в области киберпреступности и определяет механизмы международного сотрудничества [1].

Международная защита от киберугроз поддерживается и рядом других документов. Резолюции Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций (ООН) регулярно поднимают вопросы информационной безопасности, призывая к сотрудничеству в борьбе с использованием информационных и операционных технологий в преступных целях и задавая общие ориентиры. Принципы поведения государств в киберпространстве, разработанные Группой правительственных экспертов ООН, содержат рекомендации по ответственному поведению государств. Данные принципы ориентированы на уважение суверенитета, предотвращение конфликтов и вмешательства во внутреннюю политику государств [2].

Весомую роль в системе международной кибербезопасности играют международные стандарты. Международная организация по стандартизации (ISO) [3] и Международная электротехническая комиссия (IEC) [4] предлагают стандарты управления информационной безопасностью. Такого рода нормативные документы служат руководством по внедрению лучших практик и технологий защиты в системы инфраструктуры.

Международные усилия формируют общую рамку для борьбы с кибертерроризмом. Результативность предотвращения киберугроз зависит от национальной политики и целей государств.

Соединенные Штаты Америки традиционно занимают лидирующие позиции в разработке и реализации политики противодействия кибертерроризму. Принятая в марте 2023 г. Стратегия национальной кибербезопасности США является комплексным документом, отражающим эволюцию американского подхода к обеспечению безопасности в киберпространстве. Стратегия основана на пяти основополагающих принципах: защите критической инфраструктуры, разрушении цепочек киберпреступности, инвестировании в киберустойчивость, международном сотрудничестве и реформировании вектора распределения ответственности за кибербезопасность [5, p. 4].

Американский подход исходит из государственно-частного партнерства – это и есть специфика политической и экономической системы США. Стратегия предусматривает перераспределение ответственности за кибербезопасность, возлагая больше обязанностей на наиболее технологически развитые и ресурсообеспеченные организации, включая операторов критической

инфраструктуры и разработчиков программного обеспечения. Новый подход ориентирован на устранение рыночных диспропорций, когда затраты на гарантии безопасности несут конечные пользователи, а не производители технологий.

В мае 2024 г. США выпустили еще один весомый документ – «Международное киберпространство США и стратегия цифровой политики», в котором указано: «США будут использовать все инструменты национальной мощи – дипломатические, экономические, правоохранные, разведывательные и военные, для сдерживания и противодействия злонамеренным киберугрозам. США оставляют за собой право на “согласованный ответ” в случае кибератак на критическую инфраструктуру и другие ключевые цели» [6, р. 12].

Стратегия описывает действия и угрозы террористов, которые вероятны в киберпространстве: «Злонамеренная деятельность включает использование информационно-коммуникационных технологий для распространения пропаганды насилия; поощрение радикализации и мобилизации для совершения актов насилия; вербовку людей в террористические организации; подготовку, планирование и координацию атак и финансирование террористических актов» [6, р. 14]. Соединенные Штаты стремятся продвигать две международные нормы поведения в киберпространстве: запрет атак на критическую гражданскую инфраструктуру и злоупотребление информационно-коммуникационными технологиями для целей террора.

Анализ американской стратегии противодействия кибертерроризму выявляет ее тесную связь с общей внешнеполитической линией США, направленной на сохранение глобального лидерства. Стратегия рассматривает киберпространство как сферу стратегической конкуренции, в которой страна стремится доминировать и продвигать собственные политические ценности. В документе прямо указаны основные противники США в киберпространстве: Россия, Китай, Иран и Северная Корея, международные террористические организации. Соединенные Штаты возлагают ответственность на эти государства за кибертеррористические атаки, совершаемые с их территории. США намерены добиваться привлечения стран к ответственности санкциями, дипломатическими средствами и правовыми инструментами [6, р. 12–14].

Стратегия кибербезопасности Германии началась с одноименного документа 2011 г. Данный документ представляет собой первую комплексную попытку государства систематизировать и институционализировать политику в области кибербезопасности. Стратегия подчеркивает растущую зависимость всех сфер общественной жизни от киберпространства – от экономики и управления до личной безопасности граждан. Цель Германии – построить устойчивую и безопасную цифровую инфраструктуру, которая даст отпор внутренним и внешним угрозам, не нарушая при этом свободы слова и открытости киберпространства [7, р. 2].

В Стратегии отмечается, что кибератаки становятся всё более частыми, сложными и профессиональными. Их источниками могут быть как преступные группировки, так и государственные и негосударственные субъекты. Германия встревожена вирусом Stuxnet, который доказал уязвимость к целенаправленным атакам промышленных систем [7, р. 3–4].

Немецкая стратегия кибербезопасности 2011 г. охватывает в числе прочих следующие направления: защита критической инфраструктуры, безопасные информационные технологии для граждан и бизнеса, укрепление информационной безопасности в государственных органах, создание центра реагирования на киберинциденты и национального совета по кибербезопасности [4, р. 6–10]. Вырабатываются новейшие векторы борьбы с киберпреступностью, где существует международная координация сил, разработка высокозащищенных ИТ-решений и механизмов реагирования на атаки [7, р. 10–12]. Киберстратегия 2011 г. – структурированный план формирования комплексной системы кибербезопасности. Основными ее принципами являются: координация действий, международное сотрудничество, публично-частное партнерство, акцент на превентивных мерах и институциональное развитие. Германия выступает за кибербезопасность как за всеобщее благо.

Доклад «Ситуация с ИТ-безопасностью в Германии 2021 года» описывает более актуальное понимание киберугроз и отвечает острым вызовам с приходом глобальной цифровизации. В отличие от стратегии 2011 г., в которой основное внимание уделялось построению фундаментальной системы кибербезопасности, версия 2021 сфокусирована на конкретных угрозах, таких как кибератаки на критическую инфраструктуру, масштабные уязвимости программного обеспечения, атаки программ-вымогателей и социальная инженерия [8, р. 9–10]. Главное отличие от стратегии 2011 г. сводится к тому, что киберриски 2021 г. превратились в профессиональные, системные и разрушительные. Подчеркивается, что киберпространство используется не только преступниками, но и государственными структурами в целях шпионажа, саботажа и подрыва процессов в обществе.

Данный документ выделяет проблему безопасности критической инфраструктуры. В 2021 г. было зафиксировано более 1 000 случаев, связанных с ИТ-безопасностью в ее секторах, среди которых – энергетика, водоснабжение, здравоохранение, транспорт и финансы. Отмечено, что противодействие вредоносным атакам предъявляет все более высокие технические требования [8, р. 7].

Структуры национальной безопасности Германии рассматривают данные атаки как нетрадиционный элемент гибридной войны и признают риск террористических проявлений в будущем. Контрмеры и стратегия борьбы строятся вокруг пяти составляющих:

- 1) усиление систем раннего предупреждения отчетностью эпизодов атак;
- 2) массовое внедрение многофакторной аутентификации;
- 3) повышение информационной грамотности населения;
- 4) расширение сотрудничества с частным сектором;
- 5) устранение дефицита специалистов в области информационной безопасности.

В отличие от подхода Соединенных Штатов немецкая тактика модернизирует культуру кибеграмотности. Информационные кампании и образовательные программы формируют ответственное поведение в Сети. Данный аспект показывает ярко выраженную европейскую политическую культуру, где присутствует внимание к социальным аспектам национальной безопасности.

Цифровой суверенитет является визитной карточкой Германии. Акцент в нем поставлен на производство технологий и снижение зависимости от иностранных поставщиков программного и аппаратного обеспечения. Указанный аспект имеет важное политическое значение, поскольку отражает стремление страны к большей автономии в сфере кибербезопасности в контексте сложных отношений с США и растущих опасений в связи с китайским технологическим влиянием.

Немецкий подход придерживается высокой степени институционализации и четкого разграничения полномочий между органами в государстве. Ведущее место в системе кибербезопасности отводится Федеральному ведомству по информационной безопасности (Bundesamt für Sicherheit in der Informationstechnik, BSI), координирующему деятельность по предотвращению и нейтрализации киберугроз. Стратегия предусматривает укрепление потенциала BSI и развитие межведомственного взаимодействия. В центре внимания стратегии – оперативность, адаптивность, технологическая независимость и несокрушимость перед лицом цифровых угроз. Борьба с кибератаками и кибертерроризмом строится на сочетании превентивных мер, быстрого реагирования, технологического обновления и международного взаимодействия.

Китайский подход к противодействию кибертерроризму существенно отличается от западных моделей и отражает специфику политической системы Китайской Народной Республики (КНР). Институциональная структура кибербезопасности страны централизована. Администрация киберпространства Китая (Cyberspace Administration of China, CAC) подчинена высшему руководству и наделена широкими полномочиями по регулированию Интернета и обеспечению кибербезопасности. Централизация позволяет координировать усилия и своевременно отвечать на атаки терроризма.

«Стратегия кибербезопасности Китая – 2014» строится вокруг идеи «национального суверенитета в киберсреде», то есть права государства контроли-

ровать информационное пространство в пределах своих границ. Ограничение идет на уменьшение влияния западных сил. основополагающий тезис национальной стратегии – гарантия киберсуверенитета как основы национальной безопасности [9, р. 6–8].

Китай видит свое цифровое поле как арену геополитического противостояния, сравнимую с сушей, морем, воздухом и космосом, что отражается в милитаризации информационной политики и роли Народно-освободительной армии Китая (НОАК) в киберпространстве [9, р. 10–11]. Философия властных органов построена на механизме информационного контроля, где политическая и социальная стабильность возможны при надзоре за киберпространством. Западная модель считается хаотичной и угрожающей.

В декабре 2016 г. Китай опубликовал Национальную стратегию безопасности киберпространства. Борьба с кибератаками и террористическим воздействием в ней представлена следующим образом:

1) создана государственная киберсила в лице Единого бюро по сетевым операциям и отдела военной разведки, ответственных за наступательные и оборонительные кибероперации;

2) действует модель «Великого китайского файрвола», фильтрующего контент и ограничивающего доступ к иностранным ресурсам;

3) власти разрабатывают заменители западных технологий (ОС Kylin и платформы вместо Microsoft, Google, Apple);

4) правительство требует передачу данных от частных организаций;

5) сотрудничество китайских технологических гигантов с правительством в качестве национального «киберщита»;

6) построена стратегия борьбы с «трехглавой угрозой» – терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом, включая киберсферу;

7) безопасный Интернет – база цифровой экономики, то есть защита деловых интересов, технологических разработок и интеллектуальной собственности [10].

1 июня 2017 г. вступил в силу Закон Китайской Народной Республики «О кибербезопасности». Он регулирует действия в Интернете, защиту персональных данных, киберинфраструктуру и цифровой суверенитет. В качестве примера приведем две статьи о борьбе с кибертерроризмом. Статья 37 затрудняет использование данных, собранных в Китае, для организации кибертеррористических атак извне, так как требует их хранения на территории страны и оценки безопасности при передаче за границу. Статья 47 позволяет мгновенно найти и заблокировать контент, который может быть использован для планирования, координации или пропаганды кибертеррористических действий [11].

Китайский подход к противодействию кибертерроризму тесно увязан со Стратегией национальной безопасности КНР. Кибербезопасность выведена

там как неотъемлемый компонент системной безопасности государства, а контроль над информационным пространством – как инструмент политической стабильности. Специфика политической системы Китая кроется в отношении к информационным угрозам как дестабилизирующему фактору.

Финляндия представляет научный интерес в контексте сравнительного анализа национальных стратегий противодействия кибертерроризму, так как страна признана лидером в области кибербезопасности. На данный момент в Финляндии разработано две киберстратегии: от 2019 г. и обновленная версия от 2024 г. Обе стратегии зациклены на обеспечении кибербезопасности в государстве. Различаются они лишь по приоритетам и подходам в зависимости от изменений в глобальной и национальной обстановке.

Стратегия от 2019 г. определила основные национальные цели в области развития киберсреды и защиты жизненных функций общества. Всего их три:

- 1) международное укрепление связей с зарубежными партнерами для защиты киберпространства без границ;
- 2) введение должности директора по кибербезопасности в Министерстве транспорта и коммуникаций, чтобы отслеживать и согласовывать национальное развитие в этой сфере;
- 3) развитие компетенций и навыков в цифровой среде, вовлечение университетов, исследовательских центров и частного сектора [12, р. 5–9].

Методы сопротивления киберугрозам построены по поверхностному принципу. Выполняется анализ кибератак, разрабатываются модели реагирования, принимаются правоохранные и дипломатические контрмеры и осуществляется интеграция кибербезопасности в экономическое развитие.

Обновленная стратегия 2024 г. существенно расширила свои функции с учетом пандемии COVID-19, спецоперации России в Украине и вступления Финляндии в НАТО. Произошла интеграция в общую систему безопасности государства и были выполнены требования Директивы Европейского союза (ЕС) по кибербезопасности NIS2. В стратегии содержатся уже четыре стратегических фокуса в кибердеятельности:

- 1) создание компетентной и инновационной экосистемы на всех уровнях образования и труда. Ставка делается на искусственный интеллект, квантовые вычисления, криптографические технологии;
- 2) киберустойчивость общества на основе разработки стандартов для населения и критической инфраструктуры. Проводятся киберучения с акцентом на межсекторное сотрудничество;
- 3) надежная модель национального и международного сотрудничества по обмену данными и методами противостояния угрозам;
- 4) четкое распределение полномочий в реагировании на киберинциденты, в будущем – подготовка национальной доктрины киберзащиты [12, р. 6–8].

В 2024 г. борьба с кибератаками стала включать следующие направления: расширение прав правоохранителей, платформа мгновенного реагирования, усиленная защита критических секторов (энергетика, финансы, здравоохранение), поддержка отечественных ИТ-решений (open source, криптография) [13, p. 17–20].

Основное отличие между стратегиями Финляндии заключается в их фокусе и масштабе. Стратегия 2019 г. опирается на международное сотрудничество, координацию и развитие компетенций. В то время как стратегия 2024 г. расширяет эти направления, интегрируя кибербезопасность в общую концепцию национальной безопасности и уделяя особое внимание инновациям, устойчивости и международным обязательствам в рамках ЕС и НАТО.

Финский подход характеризуется высокой степенью децентрализации и вовлечением бизнеса, научного сообщества и гражданского общества. Стратегия предусматривает развитие государственно-частного партнерства, создание центров компетенций по кибербезопасности и формирование инновационной экосистемы. В противодействии кибертерроризму она отдает приоритет превентивным мерам, устойчивости критической информационной инфраструктуры, регулярному проведению киберучений, модернизации систем раннего предупреждения об угрозах и всестороннему международному взаимодействию. Защита демократических институтов и процессов от кибератак имеет первостепенное значение.

Национальные киберстратегии признают кибертерроризм одной из разрушительных угроз национальной безопасности. Различия в подходах в борьбе с ним зависят от политических, экономических и культурных факторов. Первая составляющая связана с политическими системами государств. Американская стратегия представлена либеральной моделью с государственно-частным партнерством и минимальным регулированием. Германский подход характеризуется большим вниманием к правовым аспектам и защите прав человека, что соответствует европейской политической традиции. Китайская стратегия демонстрирует более централизованный подход с сильным государственным контролем. Финский подход иллюстрирует скандинавскую модель с упором на децентрализацию, вовлечение различных заинтересованных сторон и развитие человеческого капитала.

Влияние экономических аспектов на формирование национальных киберстратегий очевидно. США рассматривают кибербезопасность как фактор конкурентоспособности и индустриального развития. Германия стремится к развитию национальной индустрии кибербезопасности как части стратегии цифрового суверенитета. Китай активно развивает собственные технологии и стремится к лидерству в ведущих областях. Финляндия позиционирует себя как центр компетенций в области кибербезопасности, стремясь привлечь международные инвестиции и талантливых специалистов.

Культурные факторы также влияют на киберстратегии. В США выбирают свободу слова и осторожный подход к регулированию Интернета. Германия делает ставку на строгую защиту данных граждан. Китай применяет более жесткий контроль, опираясь на ценности коллективизма. Финляндия пытается повысить цифровую грамотность и развить культуру ответственного поведения в Сети.

Связующим компонентом контртеррористических действий является отношение представленных стратегий к интеграции международного сотрудничества. США стремятся к повсеместному лидерству и продвижению собственных стандартов кибербезопасности, что отражает их общую внешнеполитическую линию. Германия делает акцент на региональном сотрудничестве и гармонизации подходов в рамках ЕС. Китай активно позиционирует концепцию «киберсуверенитета» и движется к массовому влиянию в мировом управлении Интернетом. Финляндия проявляет активность в международных инициативах и формирует коалиции единомышленников в сфере кибербезопасности.

Таким образом, анализ национальных стратегий противодействия кибертерроризму выявил общие элементы: защита критической инфраструктуры, развитие государственных компетенций и поддержка международного сотрудничества. Данные составляющие создают основу новой международной системы кибербезопасности. В то же время формирование стратегий определяется не только техническими аспектами, но и более широкими факторами: политическими, экономическими и культурными особенностями государств, их видением роли государства, баланса между безопасностью и свободой, а также места в международной политике.

Список использованных источников

1. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185 (Будапешт, 23 ноября 2001 г.) // Гарант.ру. – URL: <https://base.garant.ru/4089723/> (дата обращения: 05.04.2025).
2. Организация Объединенных Наций (ООН) : [веб-сайт]. – URL: <https://www.un.org/> (дата обращения: 05.04.2025).
3. International Organization for Standardization (ISO) : [website]. – URL: <https://www.iso.org/> (date of access: 05.04.2025).
4. International Electrotechnical Commission (IEC) : [website]. – URL: <https://www.iec.ch/> (date of access: 05.04.2025).
5. The White House USA. National Cybersecurity Strategy / The White House USA. – Washington, D. C. : The White House, 2023. – 39 p.
6. U. S. Department of State. United States International Cyberspace and Digital Policy Strategy / U. S. Department of State. – Washington, D. C. : DOS, 2024. – 61 p.
7. Cyber Security Strategy for Germany / Federal Ministry of the Interior. – Berlin : BMI, 2011. – 14 p.

8. The State of IT Security in Germany in 2021 / Federal Office for Information Security. – Bonn : BSI, 2021. – 94 p.

9. *Chang, A.* Warring state: China's cybersecurity strategy / A. Chang. – Washington : Center for a New American Security, 2014. – 43 p.

10. China's National Cyber Security Strategy 2016 // Cyberspace Administration of China. – URL: https://www.cac.gov.cn/2016-12/27/c_1120195926.htm (date of access: 05.04.2025).

11. Cybersecurity Law of the People's Republic of China 2017 // DIGICHINA. – URL: <https://digichina.stanford.edu/work/translation-cybersecurity-law-of-the-peoples-republic-of-china-effective-june-1-2017/> (date of access: 05.04.2025).

12. Finland's Cyber Security Strategy / Security Committee of Finland. – Helsinki : SC, 2019. – 16 p.

13. Finland's Cyber Security Strategy 2024–2035 / Prime Minister's Office. – Helsinki : PMO Finland, 2024. – 44 p.

Поступила 15.04.2025 г.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ОБЗОР КРУГЛОГО СТОЛА «ЭПОХА ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПОЛИТИКЕ И УПРАВЛЕНИИ»

REVIEW OF THE ROUND TABLE “THE AGE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN POLITICS AND MANAGEMENT”

27 февраля 2025 г. на базе Центра политологии Института социологии Национальной академии наук Беларуси состоялся круглый стол «Эпоха искусственного интеллекта в политике и управлении». В обсуждении приняли участие исследователи Национальной академии наук Беларуси, а также наши коллеги из Белорусского института стратегических исследований, Академии управления при Президенте Республики Беларусь, Белорусского государственного экономического университета, Белорусского государственного университета, представители бизнеса.

Мероприятие стало продолжением ежегодной онлайн дискуссии «Цифровой Левиафан», инициированной в 2021 г. площадке Белорусского государственного экономического университета. Нынешняя, пятая по счету, дискуссия впервые вышла за рамки сугубо онлайн-мероприятия и была проведена в смешанном формате: экспертной сессии и уже ставшей традиционной молодежной онлайн-секции.

Открыл работу форума заместитель директора Института социологии по научной и инновационной работе, руководитель Центра политологии Национальной академии наук Беларуси кандидат социологических наук *Н. Н. Сухотский*. В своем приветственном слове он обратил внимание на неуклонный рост влияния цифровых технологий на жизнь современного белорусского общества, отметил востребованность научных исследований, направленных на осмысление перспектив внедрения искусственного интеллекта (ИИ) в социальной сфере, необходимость развития междисциплинарных исследований. Также была отмечена важность углубления сотрудничества и координации усилий представителей академического сообщества, вузовской науки, государственных ведомств и бизнес-сообщества.

В экспертной сессии приняли участие представители бизнеса, науки, государственного управления и образования. Эксперты оценили влияние современных технологий на содержательные и функциональные аспекты деятельности традиционных политических институтов, поделились мнениями относительно перспектив цифровизации сферы государственного управления в Республике Беларусь, обсудили сложности правового регулирования применения технологий на основе искусственного интеллекта в нашей стране и за рубежом.

Заглавная тема экспертной сессии была обозначена как «Эпоха искусственного интеллекта в политике и управлении». Участники обсуждения сфокусировались на различных аспектах применения цифровых технологий в политике и государственном управлении. Акцент на обозначенной проблеме обусловлен критической актуальностью использования ИИ и цифровизации во всех сферах общества, особенно в управлении, экономике и социальном взаимодействии, подчеркивая приверженность мероприятия рассмотрению актуальных вопросов.

Модератором экспертной сессии выступил кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Центра политологии Института социологии Национальной академии наук Беларуси *Н. Ю. Веремеев*. Идея создания онлайн-площадки для обсуждения появилась в период пандемии COVID-19, когда цифровые технологии плотно вошли в повседневную жизнь, учебный процесс и стали неотъемлемой частью научной коммуникации. После краткого экскурса в историю проведения «Цифрового Левиафана» модератор подчеркнул актуальность заглавной темы дискуссии. Применение ИИ в политической науке знаменует собой важный методологический сдвиг в сторону количественных исследований, позволяя собирать и анализировать огромные массивы данных, интерпретировать сложные общественно-политические явления, а также разрабатывать сложные прогностические модели. Новый инструментарий кардинально меняет скорость, масштаб и характер генерации политических знаний, позволяет осуществлять мониторинг и политическое прогнозирование в реальном времени, что ранее было невозможно.

Внедрение генеративных технологий на основе ИИ и цифровых технологий в государственное управление и политику сопровождается огромным количеством споров о преимуществах, проблемах и рисках новой цифровой эпохи. Для белорусских исследователей важно не упускать из виду обсуждение подобных сюжетов прежде всего в силу специфики белорусской экономики, необходимости обеспечивать конкурентоспособность белорусских товаров на глобальном рынке.

Директор по инновациям и внедрению больших данных компании «InventoLabs» *А. Ю. Карнаухов* обратил внимание на неизбежность внедрения современных технологических решений, цифровых систем в бизнес-процессы, на жесткую конкуренцию в технологической сфере и возможности, которыми обладают белорусские разработчики.

Искусственный интеллект сегодня включает ряд компонентов. Во-первых, это данные, обладая которыми можно решить практически любую задачу. Во-вторых, это алгоритм – набор правил и процедур, используемых для обработки данных, включая машинное обучение, нейросети, модели: математическое представление, созданное на основе данных и алгоритмов, обучение и тестирование нейросетей и т. п. Применение ИИ находит в различных сферах

экономики, при этом возможности его устойчиво расширяются. Так, в производстве он используется для эффективного обслуживания клиентов, автоматизации процессов, контроля качества; в финансовой сфере ИИ обеспечивает возможность анализа рисков, выявляет мошенничество, способен управлять активами; в здравоохранении – уже активно применяется для диагностики заболеваний, анализа медицинских данных, автоматизации ведения документации.

Аналитик Белорусского института стратегических исследований кандидат философских наук *В. В. Демиров* акцентировал внимание на технологических аспектах развития современного, в том числе белорусского, общества. Техносфера ставит перед нами вызовы, но одновременно открывает массу возможностей. Главное уметь этими возможностями пользоваться, развивая «метавселенную» – новый функциональный слой (поверх Интернета), финализирующий развитие всех системно значимых и сквозных технологий цифровизации для создания новой гибридной реальности. Подобный подход открывает возможности для понимания многообразной роли метавселенной в экономических, социальных, управленческих процессах, ее необходимого влияния и взаимосвязи с реальным миром по мере выстраивания гибридной реальности. Подробная информация об этих идеях содержится в коллективной монографии «Метаверс – цифровой тренд экономики, общества и управления», подготовленной и опубликованной в 2024 г. научным коллективом Белорусского института стратегических исследований

Заведующий отделом социологии государственного управления Института социологии Национальной академии наук Беларуси кандидат социологических наук, доцент *С. В. Хамутовская* обратила внимание участников на использование технологий искусственного интеллекта в работе сервисов «электронного правительства». В Беларуси отмечается постепенное увеличение удельного веса интернет-пользователей, применяющих сетевые ресурсы для осуществления взаимодействия с органами государственного управления и государственными организациями. Также исследователем была отмечена важность своевременного выявления выгод и угроз от применения технологий ИИ в деятельности современных электронных правительств. С целью минимизации угроз представляется целесообразным адаптировать технологии ИИ в инфраструктуру электронных правительств в рамках клиенто-, а затем и человекоориентированных подходов, в том числе в процессе стратегического планирования цифрового развития государственного управления в Республике Беларусь в ближайшем десятилетии.

Представитель Академии управления при Президенте Республики Беларусь – заведующий кафедрой государственного управления кандидат политических наук *А. И. Маркевич*, отметил важность правовой регламентации сферы ИИ, оценку опыта такого рода деятельности в рамках Евразийского эконо-

мического союза. Ученый обозначил технологические и инфраструктурные требования по созданию целостной экосистемы искусственного интеллекта, обеспечивающей не только обработку и хранение больших объемов данных, но и их доступность для аналитики и использования алгоритмов машинного обучения. Определены направления внедрения и ожидаемые эффекты использования ИИ в сфере государственного управления.

К концу 2025 г. ожидается завершение разработки модельного закона о технологиях ИИ, который унифицирует законодательство стран – участниц Содружества Независимых Государств в данной сфере. Такой закон необходим, в частности, для противодействия киберпреступности и должен стимулировать развитие ИИ, поскольку вопрос безопасности является приоритетом. Пока ИИ не является угрозой человечеству, но его возможности растут, и мы должны уже сегодня понимать это и регулировать данную сферу для того, чтобы она служила человеку, повышала эффективность отраслей национальной экономики и способствовала выявлению и предотвращению возможных рисков и угроз.

Эксперт и преподаватель факультета международных отношений Белорусского государственного университета *Д. А. Буконкин* акцентировал внимание на растущей зависимости государственных и частных структур от иностранных ИИ-платформ и алгоритмов. Он подчеркнул, что использование зарубежных технологий без должного контроля и адаптации к национальным условиям может привести к утечке чувствительных данных, манипуляции общественным мнением и ослаблению способности государства самостоятельно формировать информационную политику.

Говоря о пределах и допустимой предметной сферы использования ИИ, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права Белорусского государственного экономического университета *А. А. Шафалович* отметила, что в настоящее время в судебной системе Республики Беларусь применяются лишь элементы слабого ИИ, который как программа, функционирующая по заранее установленным алгоритмам, служит инструментом для решения узкоспециализированных задач. И это – стратегический выбор, но отражен он не в официальных документах, а лишь в научных публикациях.

Онлайн-мероприятие объединило молодых исследователей Беларуси и России. На протяжении всех пяти лет проведения форума неизменный интерес к участию в нем проявляют российские коллеги, оказывая информационную и организационную поддержку. Среди них отдельно следует упомянуть главного редактора журнала «Русская политология – Russian Political Science» кандидата политических наук *А. А. Горохова*, активно развивающего направление цифровых исследований в политологии и привлекающего внимание научного сообщества к данной теме. В своем обращении к молодым исследователям он обратил внимание на необходимость объективной рейтинговой оценки раз-

Обзор круглого стола

вития ИИ в разных странах, а также на важность российско-белорусской кооперации в условиях усиления глобальной технологической конкуренции.

Молодежная секция «Цифрового Левиафана» традиционно прошла в онлайн-формате. Модератором ее работы выступил аспирант кафедры политологии Белорусского государственного экономического университета, магистр госуправления *П. Н. Орлов*. В поле зрения молодежной секции попали цифровые технологии, большие данные, искусственный интеллект, метавселенные – понятия, которые уже прочно вошли в словарь исследователей: политологов, социологов, экономистов. Молодые ученые, аспиранты, магистранты, студенты представили доклады и обсудили перспективы внедрения технологий искусственного интеллекта в политико-управленческую сферу, обозначили вызовы, угрозы и возможности цифровизации для социальной сферы.

Участники обеих сессий «Цифрового Левиафана – 2025» согласились с тем, что развитие Интернета и социальных сетей, цифровая трансформация существенно расширили предметное поле социальных наук; акцентировали внимание на изменениях в политическом поведении и формах коллективного взаимодействия под влиянием информационных технологий, а также подчеркнули неизбежность продолжения исследований воздействия цифровизации на общественную сферу.

Участие в обсуждении приняли также сотрудники Центра политологии Института социологии НАН Беларуси: *С. В. Зенченко, А. В. Войтеховский, К. Л. Снисаренко, Е. А. Глушакова, Б. И. Шумская, Д. Б. Радкевич*.

На протяжении своего существования форум «Цифровой Левиафан» неизменно фокусируется на возможностях, вызовах и последствиях внедрения цифровых технологий в общественно-политическую сферу, адаптируя свою тематику к новым технологическим трендам. Полагаем, что традиция проведения подобного цифрового форума как постоянно действующей академической площадки по вопросам цифровой трансформации социальной сферы получит свое дальнейшее развитие на базе Центра политологии Института социологии Национальной академии наук Беларуси.

Н. Ю. ВЕРЕМЕЕВ,

кандидат политических наук,

Институт социологии Национальной академии наук Беларуси

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

1. Объем представляемых рукописей должен составлять не менее 14 000 и не более 25 000 знаков (с пробелами). Все статьи журнала проходят обязательную проверку на уникальность текста. Допустимый процент уникальности установлен на уровне 70 %.

2. Наличие необходимых сопроводительных документов:

– выписка из протокола заседания отдела или ученого совета с рекомендацией к опубликованию;

– авторская справка (фамилия, имя и отчество, место работы, ученая степень, звание, адрес, номера мобильного, служебного или домашнего телефонов, e-mail). Для аспирантов дополнительно – фамилия и инициалы, ученая степень и звание научного руководителя;

– распечатанный текст статьи.

3. Оформление рукописи.

Статья должна быть набрана в редакторе Microsoft Word 2003–2021 (размер шрифта – 12 кегль, гарнитура – Times New Roman, межстрочный интервал – 1,5, отступ – 1,25). Поля документа: верхнее и нижнее – 2 см, правое – 1,5 см, левое – 3 см.

3.1. Статья обязательно (!) должна содержать **индекс УДК**, который размещается на первой строке с выравниванием по левому краю (размер шрифта – 12 кегль, гарнитура – Times New Roman, курсивный шрифт, прописные буквы).

3.2. Со следующей строки печатается **информация об авторе на русском языке**: инициалы и фамилия автора набираются прописными буквами обычным шрифтом, выравнивание по центру. На следующей строке курсивным шрифтом строчными буквами указываются ученая степень и звание, полное название учреждения (организации), где работает автор, город, страна, e-mail (по желанию автора). Далее через абзацный отступ – **название статьи** (прописные буквы, полужирный шрифт, кегль 12, выравнивание по центру). На следующей строке через абзацный отступ печатается **аннотация на русском языке** в объеме не более **50 слов** (обычный шрифт, выравнивание по ширине, кегль 10).

Далее через абзацный отступ – **ключевые слова** (обычный шрифт, выравнивание по ширине, кегль 10). Данный элемент статьи предваряется обозначением «Ключевые слова» (полужирный шрифт, курсив) с двоеточием и содержит **до 15 слов**.

3.3. На следующей строке через абзацный отступ печатается **информация об авторе на английском языке**: инициал и фамилия автора набираются прописными буквами обычным шрифтом, кегль 12, выравнивание по центру. На следующей строке курсивным шрифтом строчными буквами указываются ученая степень и звание, полное название учреждения (организации), где работает автор, город, страна, e-mail (по желанию автора). Далее через абзацный отступ – **название статьи на английском языке** (прописные буквы, полужирный шрифт, кегль 12, выравнивание по центру).

На следующей строке через абзацный отступ печатается **аннотация на английском языке** (обычный шрифт, выравнивание по ширине, кегль 10). Далее через абзацный отступ – **ключевые слова на английском языке** (обычный шрифт, выравнивание по ширине, кегль 10). Данный элемент статьи предваряется обозначением «Keywords» (полужирный шрифт, курсив) с двоеточием.

3.4. Далее через абзацный отступ размещается **основной текст статьи**. В конце статьи после абзацного отступа приводится **список использованных источников**.

4. Оформление формул.

При наборе формул следует использовать формульный редактор Word или MathType. Вставку отдельных символов выполнять через меню «Вставка/символ». При одновременном использовании редактора формул и меню «Вставка/символ» обеспечить одинаковое начертание одних и тех же букв. Выключку вверх и вниз (C^2 , C_2) выполнять через меню «Формат/шрифт/надстрочный или подстрочный» (выключка вверх или вниз). При наборе греческих символов и математических знаков использовать только гарнитуру Symbol прямым начертанием, латинские буквы набираются *курсивом*. Если при наборе встречаются символы гарнитуры, установленной отдельно в вашу операционную систему, то она должна быть предоставлена вместе с текстовым материалом. Правильно набирать «№ 34», «23 %», «34–68». Кавычки и скобки не отделяются пробелами от идущего в них текста. Если заключенный в кавычки текст выделен курсивом или полужирным выделением, то кавычки имеют то же начертание. Текстовые части формул («где», «откуда» и т. д.) должны по гарнитуре и размеру шрифта совпадать с основным текстом.

5. Оформление рисунков.

Рисунки должны быть черно-белыми и четкими. Текст на рисунках должен быть набран гарнитурой Arial. Подписи к рисункам размещаются под рисунком по центру (кегель 10) и имеют следующую структуру: «Рис. 1. Динамика заработной платы 2014–2017 гг. в рублях». При ссылке на рисунок в тексте следует писать следующим образом (рис. 1). Если рисунок в статье один, то подпись не содержит элемента «Рис. 1», в тексте при ссылке на него пишется (см. рисунок).

Площадь рисунка должна быть не более 1/2 страницы (в диапазоне 100–150 см²). Нумерация рисунков и нумерация подписей к ним должны совпадать.

Рисунки, размещенные в тексте, представляются в виде отдельных файлов в формате TIF с разрешением 600 точек на дюйм.

6. Оформление таблиц.

Таблицы обязательно должны содержать номер и заголовки. Слово «Таблица», ее номер набираются курсивом и отделяются от названия точкой, название таблицы набирается обычным шрифтом с полужирным начертанием (кегель 12). Заголовок таблицы размещается над таблицей по центру и отделяется от таблицы абзацным отступом. Следует избегать повторения данных, содержащихся в таблицах и графиках, а также представления численных результатов одновременно в виде таблиц и графиков. Все данные в таблицах центрировать с помощью специальных команд. Для этого необходимо перейти в меню «Панель инструментов» и выбрать «Настройки / Команды/Таблицы», затем выбрать «Центрировать по вертикали». При ссылке на таблицу в тексте следует писать следующим образом (табл. 1). Если таблица в статье одна, приводится только ее название, в тексте при ссылке на нее пишется (см. таблицу).

Правила оформления статей

7. Оформление ссылок.

Ссылки на источники даются в квадратных скобках [2, с. 105–108]. Список использованных источников прилагается в конце статьи после абзацного отступа и должен именоваться «**Список использованных источников**», печатается полужирным шрифтом (кегель 12, выравнивание по центру). Список должен быть оформлен в соответствии с требованиями Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь (образцы оформления см. <https://vak.gov.by/node/8026>) и набран строчными буквами обычным шрифтом (кегель 10, выравнивание по ширине).

Сопроводительные документы и рукописи статей предоставляются в Центр политологии Государственного научного учреждения «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси», адрес: 220072, г. Минск, ул. Сурганова, 15, тел. +375-17-347-18-65.

Научные статьи, написанные на русском, белорусском или английском языках и ранее не опубликованные в других изданиях, принимаются в формате файла MS Word на e-mail: cpis@socio.bas-net.by. Электронный вариант статьи должен быть назван по фамилии автора (Статья в Вестник_Смирнов).

При оформлении статьи необходимо строго следовать вышеуказанным правилам и рекомендациям, в ином случае редакционная коллегия оставляет за собой право не включать в сборник присылаемые материалы.

Редколлегия сборника может не разделять точку зрения авторов публикации. Обращаем внимание авторов, что они несут ответственность за направление в редакцию ранее опубликованных статей или статей, принятых к печати другими изданиями, несоблюдение авторских прав, а также возможность опубликования в открытой печати содержащихся в статьях данных и информации.

RULES FOR THE DESIGN OF ARTICLES

1. Submitted manuscripts must be no less than 14,000 and no more than 25,000 characters long (including spaces). All journal articles are subject to mandatory text uniqueness checks. The acceptable uniqueness percentage is set at 70 %.

2. Availability of the necessary supporting documents:

– an excerpt from the minutes of a department or academic council meeting with a recommendation for publication;

– an author's certificate (last name, first name, and patronymic, place of affiliation, academic degree, title, address, mobile, work, or home phone numbers, and email). For graduate students, this also includes the last name and initials, academic degree, and title of the supervisor;

– a printed copy of the article.

3. Manuscript formatting.

The article must be typeset in Microsoft Word 2003–2021 (12-point font, Times New Roman typeface, 1.5 line spacing, 1.25 indent). Margins: top and bottom – 2 cm, right – 1.5 cm, left – 3 cm.

3.1. The article must (!) contain **the UDC index**, which is placed on the first line, left-aligned (12-point font, Times New Roman, italic font, capital letters).

3.2. **Information about the author is printed in Russian from the next line:** the author's initials and surname are typed in capital letters in a regular font, centered. On the next line, the academic degree and title, the full name of the institution (organization) where the author works, the city, the country, the e-mail (at the request of the author) are indicated in italics in lowercase letters. Then, indenting the paragraph, **enter the title of the article** (capital letters, bold font, size 12, centered). On the next line, **an abstract in Russian** is printed with a paragraph indentation in a volume of no more than **50 words** (regular font, width alignment, size 10).

Then the **keywords** are indented in paragraphs (regular font, width alignment, size 10). This element of the article is preceded by the designation “Ключевые слова” (bold, italics) with a colon and contains up to **15 words**.

3.3. On the next line, **information about the author is printed in English** through a paragraph indentation: the author's initial and surname are typed in capital letters in a regular font, size 12, centered. On the next line, the academic degree and title, the full name of the institution (organization) where the author works, the city, the country, the e-mail (at the request of the author) are indicated in italics in lowercase letters. Then, indenting the paragraph, enter **the title of the article in English** (capital letters, bold font, size 12, centered). On the next line, **an abstract in English** is printed with a paragraph indentation (regular font, width alignment, size 10). Next, indent **the keywords in English** (regular font, width alignment, size 10). This element of the article is preceded by the designation “Keywords” (bold, italics) with a colon.

3.4. Next, **the main text of the article** is placed through the paragraph indentation. At the end of the article, after the paragraph indentation, a list of sources used is provided.

4. Formula Formatting.

When typing formulas, use the Word or MathType formula editor. Insert individual symbols using the “Insert/Symbol” menu. When using both the formula editor and the “Insert/Symbol” menu, ensure that the same letters are styled the same way. Adjust justification (C^2 , C_2) using the “Format Font/Superscript or Subscript” menu (justification up or down). When typing Greek symbols and mathematical signs, use only the Symbol typeface in roman; Latin letters are typed in italics. If you encounter characters from a typeface installed separately on your operating system, it should be provided with the text. Correctly type “№ 34”, “23 %”, and “34–68”. Quotation marks and brackets are not separated from the text within them by spaces. If text enclosed in quotation marks is italicized or bolded, the quotation marks themselves are bolded or italicized. The text portions of formulas (“where”, “from”, etc.) should match the font family and font size of the main text.

5. Design of drawings.

The drawings should be black and white and clear. The text in the drawings must be typed with an Arial headset. The captions to the drawings are placed under the drawing in the center (size 10) and have the following structure: “Fig. 1. The dynamics of wages in 2014–2017, in rubles”. When referring to a drawing in the text, it should be written as follows (Fig. 1). If there is only one drawing in the article, then the caption does not contain the element “Fig. 1”, it is written in the text when referring to it (see Figure).

The drawing area should be no more than 1/2 page (in the range of 100–150 cm²). The numbering of the drawings and the numbering of the captions must match.

The figures placed in the text are presented as separate files in TIF format with a resolution of 600 dpi.

6. Design of tables.

Tables must contain a number and headings. The word “Table” and its number are typed in italics and separated from the name by a dot, the name of the table is typed in a regular font with bold lettering (size 12). The table heading are placed above the table in the center and separated from the table by paragraph indentation. It is necessary to avoid repeating the data contained in tables and graphs, as well as presenting numerical results simultaneously in the form of tables and graphs. All data in the tables should be centered using special commands. To do this, go to the “Toolbar” menu and select “Settings /Commands/Tables”, then select “Center vertically”. When referring to a table in the text, it should be written as follows (Table 1). If there is only one table in the article, only its name is given, it is written in the text when referring to it (see the Table).

7. Reference Formatting.

References to sources are given in square brackets [2, pp. 105–108]. The list of sources used is attached at the end of the article after the paragraph indentation and should be referred to as the “**List of sources used**”, printed in bold (size 12, centered). The list should be drawn up in accordance with the requirements of the Higher Attestation Commission of the Republic of Belarus (for design samples, see <https://vak.gov.by/node/8026>) and is typed in lowercase letters in a regular font (size 10, width alignment).

Supporting documents and article manuscripts should be submitted to the Political Science Center of the State Scientific Institution “Institute of Sociology of the National

Rules for the design of articles

Academy of Sciences of Belarus, address: 15 Surganov Str., 220072, Minsk, Republic of Belarus, tel.: +375-17-347-18-65.

Research articles written in Russian, Belarusian, or English and not previously published elsewhere are accepted in MS Word format and sent to **cpis@socio.bas-net.by**. The electronic version of the article **should be titled with the author's last name** (Article in Vestnik_Smirnov).

When submitting an article, please strictly adhere to the above rules and recommendations. Otherwise, the editorial board reserves the right not to include the submitted materials in the collection.

The editorial board may not share the views of the authors. Authors are advised that they are responsible for submitting previously published articles or articles accepted for publication by other publications, for copyright infringement, and for the potential publication of data and information contained in the articles.

Научное издание

ВЕСТНИК ПОЛИТОЛОГИИ

Сборник научных статей

Выпуск 1

Редактор *И. А. Старостина*
Художественный редактор *И. Т. Мохнач*
Технический редактор *О. А. Ткачёва*
Компьютерная верстка *Ю. А. Агейчик*

Подписано в печать 18.12.2025. Формат 70×100^{1/16}. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 12,84. Уч.-изд. л. 10,2. Тираж 50 экз. Заказ 262.

Издатель и полиграфическое исполнение:
Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».
Свидетельства о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/18 от 02.08.2013, № 2/196 от 05.04.2017.
Ул. Ф. Скорины, 40, 220084, г. Минск.